ISSN 2313-4852

Журнал Суда по интеллектуальным правам

№ 2 (48) Июнь 2025

Интервью председателя Суда по интеллектуальным правам Г.Ю. Данилова Журналу Суда по интеллектуальным правам

Сложные объекты интеллектуальных прав. Общая часть

Необходимость защиты общественных интересов, принципов гуманности и морали – не «резиновое» требование к товарным знакам

ipcmagazine.ru

Для цитирования:
Интервью председателя Суда по интеллектуальным правам Г.Ю. Данилова Журналу Суда по интеллектуальным правам// Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). С. 1–3.
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_1
For citation:
Interview with the President of the Intellectual Property Court G.Y. Danilov to the Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. June. N 2 (48). Pp. 1–3. (In Russ.).
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_1

DOI: 10.58741/23134852_2025_2_1

Интервью председателя Суда по интеллектуальным правам Г.Ю. Данилова Журналу Суда по интеллектуальным правам

Георгий Юрьевич, поздравляем Вас с вступлением в должность председателя Суда по интеллектуальным правам! Вы были впервые назначены в Суд по интеллектуальным правам в 2014 году. Поделитесь, пожалуйста, Вашими наблюдениями за тем, как за последнее десятилетие развивалось право интеллектуальной собственности.

Благодарю Вас за поздравления и приветствую читателей Журнала Суда по интеллектуальным правам. В первую очередь я хотел бы обратиться со словами благодарности к Людмиле Александровне Новоселовой, первому председателю Суда по интеллектуальным правам, с которой я проработал десять лет в качестве ее заместителя. Это был ценный для меня опыт, как профессиональный – опыт судьи, опыт руководителя судебного органа, так и личный. Я также рад, что буду продолжать работать со слаженным и высокопрофессиональным коллективом суда.

Если говорить о развитии сферы защиты интеллектуальных прав, конечно, мы видим, что интерес к ней не прекращает расти, а вопросы становятся все многограннее. Об этом свидетельствует прослеживаемый с 2014 года рост количества споров по всей системе арбитражных судов и в Суде по интеллектуальным правам, в частности, а также постепенное развитие некогда не очень активных категорий споров. В Суде по интеллектуальным правам за последние десять с лишним лет рассмотрено почти 33 тысячи дел в суде первой инстанции и в суде кассационной инстанции. При этом мы наблюдаем не только рост количества поступающих и рассматриваемых дел, но и усложнение тех правовых вопросов, которые затрагиваются в этих спорах.

Отмечу, что Верховный Суд Российской Федерации за последние годы в ходе работы по обобщению правовых позиций уделял много внимания вопросам защиты интеллектуальной собственности. Основополагающим остается постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Граждан-

ского кодекса Российской Федерации», но можно отметить и разъяснения по вопросам защиты авторских и смежных прав в сети Интернет (Обзор, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г.), по вопросам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков (Обзор, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15 ноября 2023 г.) и многие другие ключевые позиции. В этом году вопросы защиты интеллектуальных прав были затронуты в первом квартальном Обзоре, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 апреля 2025 г., а также в утвержденном в тот же день Обзоре судебной практики, связанной с привлечением к административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства. Вопросы на стыке защиты интеллектуальных прав и антимонопольного законодательства вызывают все больший интерес как с точки зрения объемов судебной статистики, так и по сложности и значимости поставленных вопросов. В прошлом году в рамках Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам интенсивно обсуждались отдельные вопросы применения Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», подготовительные материалы и протокол заседания были опубликованы на сайте и в прошлом номере Журнала Суда по интеллектуальным правам.

Наконец, нельзя не отметить активность в совершенствовании права интеллектуальной собственности законодателя. После принятия части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации в 2006 году и внесения в нее в 2014 году значимых изменений было предложено множество законопроектов об усовершенствовании тех или иных положений, значительная часть из которых была принята. Так, за последние годы в Гражданский кодекс Российской Федерации были внесены изменения в части определения обладателя исключительного права на товарный знак, уточнения норм о географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров, правил оспаривания дополнительного патента, правил использования произведений, автор или правообладатель которых предполагается неизвестным, и многое другое.

Какие планы у Суда по интеллектуальным правам в ближайшей перспективе?

16 мая 2025 г. мы провели заседание Научно-консультативного совета, на котором эксперты обсуждали ряд вопросов, связанных с охраной и защитой исключительных прав на знаки обслуживания, заявленные в 35-м классе Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков. Этот, на первый взгляд, достаточно узкий вопрос породил оживленную дискуссию о базовых подходах к оценке однородности товаров и услуг, фактов использования средства индивидуализации и пр. Такой диалог с экспертами и с представителями ведомств позволяет найти источники противоречий, совместно выработать взвешенные подходы для гармоничного развития практики.

Для этого в суде ведется планомерная работа по обобщению правовых подходов по разным направлениям, в том числе продолжается работа по обобщению практики применения запрета на недобросовестную конкурен-

цию, а также по вопросам процессуального характера, которые возникают при оспаривании решений Роспатента по итогам рассмотрения возражений.

Уверен, что Научно-консультативный совет при Суде по интеллектуальным правам продолжит играть значимую роль в выработке правовых подходов к защите интеллектуальных прав.

Мы также продолжим развивать институт советников Суда по интеллектуальным правам. Этот особый институт, отличный от специалиста или эксперта, был заложен в концепцию создания специализированного суда для обеспечения доступа судей к источнику научно-технических знаний.

Традиционные мероприятия «недели интеллектуальной собственности», которые ежегодно в конце апреля проводят Роспатент, Торгово-промышленная палата России, ведущие университеты, свидетельствуют об оживленном интересе, который вызывает право интеллектуальной собственности не только среди юристов, но и в деловых кругах, в обществе в целом. Думаю, коллективу Суда по интеллектуальным правам предстоит много интересной работы на благо страны.

Благодарим Вас за интервью и желаем насыщенной и плодотворной совместной работы!

Содержание

Колонка суда

8 **Обзоры практики Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по делам о защите интеллектуальных прав за период с 01.07.2023 по 31.12.2024**

Общие положения

М.А. Рожкова, Е.Е. Евтеева, М.В. Лабзин, А.А. Никифоров

24 **Сложные объекты интеллектуальных прав. Общая часть**

В первой части коллективной статьи рассматривается правовая природа сложных объектов интеллектуальных прав, их признаки, особенности регулирования и распределения прав между участниками. Авторами подробно исследуются выделяемые в доктрине и судебной практике признаки сложных объектов. Также авторы анализируют эволюцию законодательного закрепления сложных объектов в российском праве. Особое внимание уделяется дискуссиям о необходимости установления открытого перечня сложных объектов, что позволит адаптировать правовую конструкцию к современным реалиям. В статье аргументируется необходимость дальнейшего совершенствования статьи 1240 ГК РФ, закрепления легального определения сложного объекта и уточнения механизма аккумулирования прав. Рассматриваются альтернативные подходы зарубежных правопорядков, выявляются их отличия и возможные направления заимствования для модернизации российской правовой системы.

Авторские и смежные права

А.С. Васильева

43 **Влияние искусственного интеллекта на личные неимущественные права в составе интеллектуальных прав и их защиту**

Данная статья посвящена проблеме влияния искусственного интеллекта на личные неимущественные права в составе интеллектуальных прав и их защиту. Предметом исследования являются российские нормативно-правовые акты, доктринальные положения российских и зарубежных ученых по вопросу искусственного интеллекта и личных неимущественных прав авторов. Целью работы выступает формирование научного представления о влиянии искусственного интеллекта на личные неимущественные права в составе интеллектуальных прав и их защиту. В процессе написания работы использовались такие методы, как метод единства и дифференциации, метод правового моделирования, анализ, синтез, абстрагирование. На основе анализа делается вывод о том, что в качестве автора работы, созданной с использованием искусственного интеллекта, может быть пользователь, разработчик или сама технология. Защита личных неимущественных прав авторов-людей может осуществляться при помощи использования технических средств. В свою очередь, искусственный интеллект может использоваться для поиска несанкционированного использования творческих работ авторов-людей.

А.В. Осокин

51 **Влияние искусственного интеллекта на развитие правовой охраны баз данных в современном мире**

Целью настоящей статьи является определение подходящего правового режима охраны базы данных, созданной с использованием искусственного интеллекта, с учетом иностранного опыта, проблем правовых режимов охраны произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта, а также их влияния на правовую охрану таких базы данных. В статье анализируются основные способы защиты баз данных ИИ (авторско-правовая охрана, право sui generis на базы данных, патентно-правовая охрана, иные способы защиты (секрет производства, договоры, антимонопольные средства защиты, технические решения); автор предлагает рассмотреть целесообразность внедрения специального режима охраны баз данных, созданных при использовании искусственного интеллекта). Автор приходит к выводу о преждевременности распространения интеллектуально-правовой охра-

@IPC_MAG

Главный редактор:
Е.А. Ястребова

Главный научный редактор:
В.А. Корнеев

Ответственный редактор:
Л.В. Назарычева

Редакционная коллегия:
Л.А. Новоселова
В.А. Корнеев
М.А. Рожкова
Е.А. Павлова
В.О. Калятин
В.В. Байбак
А.С. Васильев
Е.А. Войниканис
А.А. Смола
Н.А. Шебанова
Н.И. Капырина
Е.Ю. Борзило
Д.А. Братусь
Д.В. Братусь
Е.С. Четвертакова

Редакционный совет:
Л.А. Новоселова
В.А. Корнеев
В.В. Витрянский
П.В. Крашенинников
Т.К. Андреева
Е.А. Суханов
И.А. Дроздов

Дизайн, верстка, цветокоррекция
Д.В. Авданин

Корректор:
Е.В. Рыжер

ISSN 2313-4852

© Суд по интеллектуальным правам, Фонд «Правовая поддержка», 2024

Учредители:
Суд по интеллектуальным правам (Огородный проезд, д. 5, стр. 2, Москва, 127254),

Фонд «Правовая поддержка» (119991, г. Москва, Ленинские горы, д.1, стр. 77).

Контакты редакции:
адрес электронной почты: ipc-magazine@garant.ru,
телефон:
8 495 647 62 38

ны на результаты функционирования искусственного интеллекта, равно как и отстаивает позицию об отсутствии необходимости в выработке специального правового режима охраны результатов функционирования искусственного интеллекта. При этом автор отмечает, что наиболее приемлемым способом защиты баз данных, созданных при помощи искусственного интеллекта, является использование иных способов защиты (секрет производства, договоры, антимонопольные средства защиты, технические решения), которые не предполагают публично-правового вмешательства и могут быть использованы совместно с техническими средствами защиты.

Патентное право

Л.А. Сенчихина

70 **Об установлении даты подачи заявки на изобретение или полезную модель**

Статья посвящена рассмотрению правовых и процедурных вопросов, связанных с подачей патентной заявки на изобретение или полезную модель. В статье представлены результаты анализа норм российского законодательства, регламентирующих порядок установления даты подачи заявки. Новизна работы заключается в комплексном рассмотрении факта подачи заявки с учетом норм действующих международных договоров, процедуры формальной экспертизы заявки, процедуры предоставления заявителю заверенной копии поданной заявки, а также установленного порядка зарубежного патентования изобретений, созданных на территории Российской Федерации. Автором определены недостатки в формулировках норм российского законодательства, предложены направления их устранения.

Средства индивидуализации

В.А. Корнеев

77 **Необходимость защиты общественных интересов, принципов гуманности и морали – не «резиновое» требование к товарным знакам**

Статья посвящена противоречию общественным интересам, принципам гуманности и морали как абсолютному основанию для отказа в предоставлении правовой охраны товарным знакам. Данное, внешне очень широкое основание сравнивается с аналогичной по своей широте нормой ст. 10 ГК РФ, и делается вывод о необходимости ограничительного толкования случаев, когда не допускается государственная регистрация товарных знаков. В статье предпринята попытка определить границы применения положений подп. 2 п. 2 ст. 1483 ГК РФ с учетом подходов, выявленных в российском, европейском, английском, американском правопорядках.

М.В. Радецкая, А.Е. Туркина

88 **Правоприменительная практика по вопросам защиты географического указания и наименования места происхождения товара: анализ проблем и возможные пути их решения (часть 2)**

В настоящей статье авторами предпринята попытка выявить наиболее частые проблемы, возникающие при применении судами и патентным ведомством норм § 3 главы 76 Гражданского кодекса Российской Федерации посвященных наименованиям мест происхождения товара (НМПТ) и географическим указаниям (ГУ). Причинами возникновения рассмотренных споров, позволяющими разделить споры на тематические группы, стали: 1) ограничивающие конкуренцию действия хозяйствующих субъектов с использованием средств индивидуализации; 2) соотношение товарных знаков с ГУ (НМПТ); 3) содержание нарушения исключительных прав на средства индивидуализации; 4) соотношение ГУ (НМПТ) и ГОСТов; 5) соответствие товаров Государственному реестру географических указаний и наименований мест происхождения товара; 6) взыскание (и снижение) компенсации, запрошенной правообладателем ГУ (НМПТ).

Обзор и анализ правоприменительной практики по вопросам ограничения конкуренции в сфере ГУ (НМПТ), а также вопросам соотношения товарных знаков с ГУ (НМПТ) приведен в части первой настоящей статьи. Практика по остальным вопросам рассмотрена в части второй настоящей статьи.

И.Е. Титов
97 **Ответственность маркетплейсов за нарушение исключительных прав на товарные знаки в России и Германии**
В статье рассматриваются особенности привлечения и освобождения от гражданско-правовой ответственности операторов маркетплейсов за нарушение исключительных прав правообладателей на товарные знаки. Автор дифференцирует ответственность в зависимости от того, предлагается ли товар к продаже от имени самого маркетплейса, действует ли маркетплейс по поручению или заданию третьего лица, предоставляет ли маркетплейс возможность продажи товара третьему лицу. В связи с отсутствием в российском законодательстве определения термина «маркетплейс» автор исследует национальное законодательство и правоприменительную практику иной страны романо-германской правовой системы – Германии, а также право Европейского союза, где соответствующее регулирование имеется, и посредством сравнительно-правового метода сопоставляет правовые подходы в России и за рубежом. Автор обосновывает необходимость пресечения операторами маркетплейсов аналогичных нарушений исключительных прав правообладателей и после первого обращения правообладателя с претензией, необходимость проверки операторами маркетплейсов факта исчерпания исключительного права на товарные знаки, которыми маркированы предлагаемые к продаже товары, необходимость законодательного закреплении двухнедельного срока для обработки претензии правообладателя оператором маркетплейса, необходимость учета положений договоров между операторами маркетплейсов, продавцами и потребителями в каждом конкретном деле.

Защита интеллектуальных прав

М.А. Кольздорф, Н.И. Капырина, Я.А. Аристова
116 **Обзор ключевых позиций президиума Суда по интеллектуальным правам № 2/2025 (январь–март 2025)**
В обзоре представлены ключевые позиции из постановлений Президиума Суда по интеллектуальным правам, опубликованных в январе – марте 2025. Президиум Суда по интеллектуальным правам рассматривает кассационные жалобы на решения суда первой инстанции, в частности, по делам, связанным с регистрацией объектов интеллектуальных прав и с оспариванием правовой охраны. Соответственно данный Обзор преимущественно посвящен вопросам охраноспособности объектов патентных прав и средств индивидуализации, а также отдельным процессуальным аспектам деятельности Роспатента и Суда по интеллектуальным правам.
В данном Обзоре рассмотрены различные вопросы, связанные с товарными знаками, а также с патентами на изобретения.

А.И. Косов
124 **Регрессные обязательства солидарных нарушителей исключительного права**
Проанализированы особенности регрессных обязательств, возникающих между несколькими нарушителями исключительного права, с учетом режима ответственности в сфере интеллектуальной собственности. Выявлены отличия оснований для возникновения права регресса и его функциональной направленности между независимыми нарушителями и нарушителями, действующими совместно. Установлена взаимосвязь между подходом к определению количества нарушений исключительного права и порядком реализации регрессных требований.
На примере анализа проекта федерального закона № 348960-8 обозначены проблемы реформирования правил об ответственности нескольких нарушителей исключительного права, связанные с выбором определяющего критерия. Выявлена затруднительность выделения единого экономического интереса правообладателя по отношению к неправомерным действиям нескольких лиц. Обосновано расширение сферы солидарной ответственности за рамки действий нарушителей по отношению к одному контрафактному носителю за счет оценки их причастности к образованию денежной суммы, подлежащей возмещению правообладателю.

А.Н. Оганесян

132 **Обзор постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2023 г. № 57-П и практики применения содержащихся в нем разъяснений**

Взыскание компенсации за нарушение исключительного права на объект интеллектуальных прав является наиболее популярной мерой ответственности у правообладателей и часто применяемой в судебной практике. Компенсация может быть применена без учета вины правонарушителя, если нарушение допущено им при осуществлении предпринимательской деятельности. В отличие от иных мер ответственности, в частности, от возмещения вреда, компенсация подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения без необходимости доказывания размера причиненных убытков. Это предопределяет необходимость четкой регламентации условий и оснований, при наличии которых возможно снижение размера компенсации с целью обеспечения баланса интересов правообладателя и нарушителя.

Многогранность и изменчивость отношений в сфере гражданского оборота и в сфере использования объектов интеллектуальных прав, в частности, делает неизбежным необходимость дачи высшими судебными инстанциями разъяснений законоположений, регулирующих соответствующие сферы общественных отношений.

Анализ постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2023 г. № 57-П осуществлен с целью определения критериев, при наличии которых возможно снижение размера компенсации в случае ее взыскания за нарушение исключительного права на товарный знак в двукратном размере стоимости контрафактных товаров, если ранее по иску другого правообладателя с нарушителя была взыскана компенсация за размещение на тех же контрафактных товарах сходного до степени смешения товарного знака, а также проведен анализ судебной практики применения содержащихся в названном постановлении разъяснений.

З.В. Тетцоева, В.В. Епифанов

139 **Конкурсные работы лауреатов XX Всероссийского профессионального конкурса «Правовая Россия» в номинации «Право интеллектуальной собственности»**

В представленном материале приводятся развернутые ответы на задания основного тура конкурса «Правовая Россия» в номинации «Право интеллектуальной собственности».

Цифровая среда

М.А. Рожкова

146 **Проблемы установления самостоятельного правового режима для цифровых объектов**

В статье автор приходит к выводу, что к числу цифровых объектов следует относить всевозможные объекты, вращающиеся в цифровой среде: это могут быть, во-первых, признаваемые законом объекты гражданских прав, облаченные в новую для них цифровую форму, и, во-вторых, разнообразные технические средства, нашедшие применение в цифровой среде. В качестве цифровых активов могут быть квалифицированы вторые, если они получили дополнительное к первоначальному самостоятельное предназначение и допускают денежную оценку. При этом разработка эффективного правового режима цифрового объекта возможна только при условии точного установления сущности этого явления с точки зрения права, а не его технических характеристик.

Для цитирования:
Обзоры практики Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по делам о защите интеллектуальных прав за период с 01.07.2023 по 31.12.2024 // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). С. 8–23.
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_2
For citation:
Reviews of the practice of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation on cases related to the protection of intellectual rights for the period from 01.07.2023 to 31.12.2024 // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. June. N 2 (48). Pp. 8–23. (In Russ.).
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_2

DOI: 10.58741/23134852_2025_2_2

Обзоры практики Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по делам о защите интеллектуальных прав за период с 01.07.2023 по 31.12.2024

Обзоры практики Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации подготовлены отделом обобщения судебной практики и статистики Суда по интеллектуальным правам. Более ранние обзоры с 02.07.2014 по 30.06.2023 были опубликованы в специальном приложении к выпуску Журнала Суда по интеллектуальным правам № 3 (41) Сентябрь 2023 г. (https://ipcmagazine.ru/files/ipcmagazine/0/1/1704210/journal092023_2.pdf), а также периодически публикуются в разделе «Обзоры» Колонки суда на сайте Журнала.

Обзор за второе полугодие 2024 г.

подготовлен 14.03.2025

1. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.08.2024 № 310-ЭС24-2757 по делу № А14-13241/2022

Суть дела

Требования: о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на знак обслуживания, о запрете использования обозначения в коммерческой деятельности.

По мнению правообладателя товарного знака, нарушение его прав выразилось в том, что ответчик предлагал к продаже и рекламировал в сети Интернет цветочные букеты, на упаковке которых присутствует изображение, вызывающее смешение со знаком обслуживания истца, зарегистрированным в отношении широкого перечня услуг 35-го класса Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков (далее – МКТУ).

Суд первой инстанции удовлетворил требование, указав, что товары и услуги, реализуемые

ответчиком и рекламируемые в сети Интернет под спорным обозначением, однородны услугам 35-го класса МКТУ, в отношении которых зарегистрирован знак обслуживания.

Оставляя решение суда первой инстанции без изменения, суд апелляционной инстанции отметил, что истец осуществляет коммерческую деятельность, рекламирует свой товар (букеты и цветочные композиции), являющийся идентичным товару, который демонстрировал ответчик. Деятельность последнего является аналогичной деятельности истца и соответствует услугам, включенным в 35-й класс МКТУ.

Суд кассационной инстанции поддержал выводы нижестоящих судов.

Верховный Суд Российской Федерации (далее – Верховный Суд) отменил акты судов первой, апелляционной и кассационной инстанций и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Верховный Суд указал: суд первой инстанции не учел, что знак обслуживания истца зарегистрирован не для товаров, а для индивидуализации в основном услуг 35-го класса МКТУ без конкретизации в отношении каких-либо товаров и лишь части услуг применительно к определенной продукции, но и в этом случае – без указания в перечне цветочной продукции. Суд апелляционной инстанции фактически оценил идентичность товаров, реализуемых сторонами, и однородность их деятельности, а не однородность услуг, оказываемых ответчиком, и услуг, которые приведены в перечне регистрации спорного знака обслуживания. Суд апелляционной инстанции не конкретизировал, каким именно услугам, приведенным в перечне регистрации знака обслуживания, однородны оказываемые ответчиком услуги, а также не указал, по каким критериям устанавливается такая однородность.

Тезисы

1. Фактически осуществляемая истцом деятельность не имеет значения для установления однородности сравниваемых услуг. Смешение определяется между услугами, для индивидуализации которых зарегистрирован знак обслуживания, и услугами, оказываемыми ответчиком с использованием спорного обозначения.

2. Согласно статье 2 Соглашения о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков от 15.06.1957 принятая классификация не влияет на оценку однородности товаров и услуг.

Объекты, содержащиеся в разных классах МКТУ, могут считаться однородными. Эта однородность может существовать также между товаром и услугой.

Так, услуги по реализации конкретных товаров могут быть признаны однородными этим товарам. Вместе с тем услуги, заявленные в общем виде, без уточнения по ассортименту реализуемых товаров или по сфере деятельности, по общему правилу однородными товарам не являются.

3. По смыслу МКТУ под услугами понимаются действия, направленные на оказание помощи, содействия другим лицам, т.е. услуга оказывается третьим лицам.

Подлежат оценке доводы о том, что реализация, продвижение и реклама собственной продукции не являются оказанием услуг, относящихся к 35-му классу МКТУ, поскольку в данном случае услуги для третьих лиц не оказываются.

4. Согласно разъяснениям, приведенным в пункте 57 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 10), требование об общем запрете конкретному лицу на будущее использовать средство индивидуализации не подлежит удовлетворению.

Требование о запрете ответчику использовать в коммерческой деятельности обозначение, содержащееся в спорном товарном знаке, является общим запретом, не соответствует положениям статей 1250, 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), приведенным разъяснениям и принципу исполнимости судебного акта.

2. Определение Верховного Суда от 15.08.2024 № 302-ЭС24-3009 по делу № А33-19084/2022

Суть дела

Требования: о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на произведение.

Иск мотивирован нарушением ответчиками исключительного авторского права истца на изображение при продаже контрафактных товаров.

Решением суда первой инстанции требование о взыскании компенсации удовлетворено. Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, размер компенсации снижен. Удовлетворяя заявленные требования, суды исходили из доказанности наличия у истца исключительного права на произведение с учетом представленного аффидевита, отсутствия сведений об ином правообладателе или спора об этом в другом суде.

Верховный Суд отменил акты нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Тезисы

1. Предусмотренная статьей 1257 ГК РФ презумпция авторства действует только в отношении самого автора. Любые иные лица для доказывания своего статуса правообладателя должны представить доказательства перехода к ним первоначально возникших у автора имущественных авторских прав.

2. Аффидевитом является показание или заявление, даваемое под присягой и удостоверяемое нотариусом либо другим уполномоченным на это должностным лицом при невозможности (затруднительности) личной явки свидетеля.

3. Аффидевит, который представлен не являющимся первоначальным правообладателем лицом и в котором не раскрыты автор, обстоятельства приобретения исключительного права, в отсутствие договоров (иных соглашений и доказательств) не может служить достаточным основанием для подтверждения права на иск.

3. Определение Верховного Суда от 15.08.2024 № 305-ЭС24-8216 по делу № А41-62370/2021

Суть дела

Требования: о признании недействительными договоров об отчуждении исключительных прав на товарные знаки и промышленные образцы.

В обоснование заявленных требований истец – участник ликвидированного общества указал, что оспариваемые им сделки между обществом и ответчиком об отчуждении исключительных прав на товарные знаки и промышленные образцы являлись крупными, решения об одобрении данных сделок участники общества не принимали. Истец также ссылался на то, что сделки совершены лишь для вида, без намерения создать соответствующие им правовые последствия (мнимая сделка).

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в иске отказано.

Суды исходили из недоказанности истцом обстоятельств, являющихся основанием для признания оспариваемых договоров недействительными, а также из пропуска истцом срока исковой давности по заявленным требованиям.

Суды отклонили довод истца о мнимости (притворности) оспариваемых сделок, о совершении их лишь для вида без намерения создать правовые последствия, признав подтвержденным факт реальности их исполнения и получения обществом встречного предоставления по сделкам.

Суды пришли к выводу о том, что сделки по отчуждению исключительных прав не были убыточными, совершены в пределах обычной хозяйственной деятельности и что истец, обладая 30% долей общества, с учетом положений устава общества не мог оказать влияния на результаты голосования, поскольку третьим лицам принадлежало в сумме 70% голосов.

Верховный Суд отменил акты нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Тезисы

1. Законодательное регулирование института согласия на совершение (одобрение) крупных сделок направлено на введение механизма контроля со стороны участников общества за совершением последним сделок, затрагивающих саму суть хозяйственной деятельности общества и в связи с этим способных привести к имущественным последствиям, сходным с реорганизацией или ликвидацией юридического лица.

При решении вопроса о том, является ли оспариваемая сделка крупной, приоритет дол-

жен отдаваться именно качественному критерию[1], свидетельствующему о выходе сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности (способности спорных сделок привести к последствиям, аналогичным реорганизации и ликвидации самого общества), даже если балансовая стоимость выбывших активов формально не превысила 25% общей балансовой стоимости активов (количественный критерий).

Так, если деятельность лица непосредственным образом сопряжена с использованием объектов интеллектуальных прав, поскольку производство и коммерческая реализация продукции невозможны без обладания правами на товарные знаки и промышленные образцы, данные обстоятельства могут свидетельствовать о значимости сделок по отчуждению прав на такие объекты для деятельности лица в целом, а значит, о крупности взаимосвязанных сделок по своей сути (качественный критерий), а также о том, что сам факт их совершения влечет за собой неблагоприятные последствия для лица (правообладателя).

2. При отчуждении имущества в пользу конечных приобретателей через номинального посредника, включенного в соответствующую цепочку сделок лишь для вида (пункт 2 статьи 170 ГК РФ), юридическое значение имеет осведомленность о совершении сделок без надлежащего одобрения участников именно со стороны конечных приобретателей имущества. Если конечные приобретатели аффилированы с участниками общества, находящимися в корпоративном конфликте с другим участником общества, заведомая осведомленность таких лиц о совершении сделок без получения надлежащего согласия участников предполагается.

3. Даже если уставом общества предусмотрено принятие решения всеми его участниками единогласно, мнение лица, не являющегося контролирующим участником, также имеет значение при принятии общим собранием общества решения о даче согласия на совершение спорных сделок.

4. По своей сути процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица направлена на возобновление процесса ликвидации и на обеспечение надлежащего проведения ликвидации в части расчетов с заинтересованными лицами, как если бы статус юридического лица не был прекращен. Данная процедура предполагает в том числе возможность обращения в суд с теми исками, которые могли быть предъявлены при сохранении записи о юридическом лице в Едином государственном реестре юридических лиц (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда от 07.11.2023 № 301-ЭС23-12467).

Таким образом, бесспорность требования не является условием, при котором оно учитывается в рамках процедуры, предусмотренной пунктом 5.2 статьи 64 ГК РФ. Если в отношении общества применяется процедура распределения обнаруженного имущества юридического лица, заинтересованные лица (например, участник общества, действующий в интересах общества) вправе в полном объеме реализовать полномочия по оспариванию сделок с целью пополнения имущественной массы, подлежащей распределению, и такой корпоративный спор подлежит рассмотрению по существу.

Реституционное требование также не является «вновь образованным», поскольку в силу пункта 1 статьи 167 ГК РФ недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения. Задолженность, обусловленная недействительностью сделки, является нереализованным вновь выявленным имуществом, за счет которого возможно удовлетворение требований кредиторов общества (пункт 14 Обзора судебной практики Верховного Суда № 1 (2022), утвержденного Президиумом Верховного Суда 01.06.2022).

5. Срок исковой давности по иску, заявленному участником корпорации, фактически контролировавшейся другой стороной корпоративного кон-

[1] Качественный критерий заключается в том, что сделка совершена с целью прекращения деятельности общества или изменения ее вида либо существенного изменения ее масштабов (пункт 20 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.12.2019).

фликта, не может начать свое течение ранее полной субъективной осведомленности процессуального истца об основаниях для оспаривания сделки, т.е. обо всех обстоятельствах, составляющих юридический состав недействительности сделки.

В течение периода, когда ответчик скрывает необходимую информацию от участника, субъективный срок исковой давности для него не течет. Иными словами, давность определяется по потерпевшему, а не по нарушителю (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда от 18.06.2024 № 305-ЭС23-30276, от 16.06.2023 № 305-ЭС22-29647).

6. Несмотря на то что само по себе нахождение лица под стражей не является обстоятельством, прерывающим течение срока исковой давности, оно может быть учтено при определении начала течения срока давности, если суд с учетом конкретных обстоятельств дела признает, что такое нахождение затрудняло защиту права указанного лица, влияя на субъективную осведомленность о тех или иных фактах.

С учетом изложенного суды должны давать оценку тому, в какой период у истца появилась или разумно должна была появиться реальная возможность получения, в том числе от его уполномоченных представителей, сведений о совершении оспариваемых сделок и о наличии оснований для их оспаривания, при необходимости предложив сторонам представить дополнительные доказательства, необходимые для выяснения обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела и принятия законного и обоснованного судебного акта (часть 3 статьи 9, часть 2 статьи 66 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, далее – АПК РФ).

4. Определение Верховного Суда от 08.10.2024 № 300-ЭС24-6956 по делу № СИП-295/2023

Суть дела

Требования: о признании патента на изобретение недействительным в части неуказания патентообладателем заявителя, указания в качестве автора иного лица; об обязании Роспатента выдать новый патент.

Суд первой инстанции частично удовлетворил иск, признав патент недействительным в части неуказания сопатентообладателем заявителя, обязал Роспатент выдать новый патент. В удовлетворении требования об оспаривании авторства изобретения суд отказал, признав поведение заявителя противоречивым и применив принцип эстоппель. Суд установил, что заявитель длительное время признавал соавторство указанного в патенте лица в отношении спорного технического решения, в то время как при рассмотрении дела в суде, с одной стороны, подтверждал наличие устных договоренностей в отношении авторского состава изобретения, а с другой – оспаривал наличие творческого вклада данного лица в создание этого технического решения.

Суд кассационной инстанции оставил решение первой инстанции в силе.

Верховный Суд отменил решение суда первой инстанции и постановление суда кассационной инстанции в части отказа в удовлетворении требования заявителя о признании недействительным спорного патента в части указания иного лица соавтором, а также обязания Роспатента аннулировать спорный патент и выдать новый патент на это изобретение. В отмененной части дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Тезисы

1. В статье 1347 ГК РФ закреплена презумпция того, что лицо, указанное в качестве автора в заявке на выдачу патента на изобретение, считается автором изобретения. Она действует, если не доказано иное.

2. Абсолютный характер права авторства проявляется в том, что патент в течение всего срока его действия может быть оспорен в случаях неправильного указания в патенте автора (авторов), что является специальным и необходимым способом защиты права авторства и свидетельствует о возможности опровержения презумпции авторства (при ее применимости) при судебном разбирательстве.

3. Спор об авторстве изобретения должен рассматриваться исходя из положений статей 1347 и 1348 ГК РФ в их истолковании, приведенном в пунктах 116 и 121 Постановления № 10, с учетом нормы части 1 статьи 65 АПК РФ.

4. Противоречивое поведение истца само по себе не может считаться недобросовестным, такое поведение не влечет безусловного применения положений статьи 10 ГК РФ.

Противоречивое поведение лица является лишь одним из условий установления его недобросовестности. Вывод о недобросовестности действующей противоречиво стороны может быть обоснован в тех случаях, когда такая противоречивость с учетом (в контексте) конкретных обстоятельств дела подрывает доверие (ожидание) другой стороны и причиняет вред (ущерб). Данное правило должна учитывать сторона, вызвавшая своим поведением доверие другой стороны.

5. Само по себе предъявление стороной основанных на законе требований не может свидетельствовать о ее противоречивом поведении.

6. Принцип эстоппель вытекает из общих начал гражданского законодательства и является частным случаем проявления принципа добросовестности, установленного пунктами 3 и 4 статьи 1 ГК РФ.

В общем виде принцип эстоппель (estoppel) можно определить как правовой механизм, направленный на обеспечение последовательного поведения участников правоотношений.

При этом при применении принципа эстоппель важно учитывать, что само по себе противоречивое поведение стороны не является упречным (противоправным или недобросовестным). Недобросовестным признается только такое противоречивое поведение стороны, которое подрывает разумное доверие другой стороны и влечет явную несправедливость.

Главная задача принципа эстоппель заключается в том, чтобы воспрепятствовать стороне получить преимущества и выгоду как следствие своей непоследовательности в поведении в ущерб другой стороне, которая добросовестным образом положилась на определенную юридическую ситуацию, созданную первой стороной.

7. Поскольку эстоппель является частным проявлением принципа добросовестности, то для целей его применения требуется оценка добросовестности каждой из сторон.

Недобросовестным является поведение одной из сторон, противоречащее ее предшествующим действиям и заявлениям, на которые разумно положилась другая сторона и вследствие противоречивого поведения понесла ущерб. Так, недобросовестным является непоследовательное поведение лица в ситуации, когда оно, обладая каким-либо субъективным правом, своими предшествующими действиями создает для другой стороны разумное ожидание, что оно этим субъективным правом воспользоваться не планирует, а впоследствии совершает действия по осуществлению этого права, вопреки предшествующему поведению.

Однако при применении принципа эстоппель подлежит оценке и добросовестность стороны, положившейся на действия другой стороны. Эстоппель должен защищать только добросовестное лицо, т.е. лицо, доверие которого к поведению другой стороны было разумным и обоснованным, и призван содействовать обеспечению юридической безопасности субъектов права, направлен на защиту добросовестной стороны. Сторона, заявляющая о применении принципа эстоппель, должна разумно и добросовестно полагаться на поведение другой стороны.

Для применения эстоппеля в процессе необходимо установить не только факт противоречивого поведения одной из сторон спора, но также оценить, в какой степени поведение этой стороны могло создать доверие для другой, на которое она обоснованно положилась и вследствие этого действовала (могла действовать) в ущерб себе.

Принцип эстоппель защищает добросовестную сторону, поэтому он находит свое применение в случае, когда доверие лица, вызванное поведением другой стороны, хотя и противоречит формальной правовой или фактической действительности, но может быть признано разумным, оправданным. Установление обоснованности возникновения доверия прежде всего предполагает выяснение того, знала ли доверившаяся сторона о том, что ее ожидания не соответствуют правовой или фактической действительности.

В абзаце третьем пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

Защита доверия как таковая является ключевым аспектом при оценке противоречивого поведения лица при применении принципа эстоппель. Поэтому вопрос о наличии доверия у лица, связанного с поведением противоположной стороны, при применении принципа эстоппель подлежит исследованию судом.

8. Согласно правовой позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, сформулированной в пункте 5 Обзора практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.11.2008 № 127), непосредственной целью санкции статьи 10 ГК РФ является не наказание лица, злоупотребившего правом, а защита прав лица, потерпевшего от этого злоупотребления.

Следовательно, для защиты нарушенных прав потерпевшего суд может не принять доводы лица, злоупотребившего правом, обосновывающие соответствие своих действий по осуществлению принадлежащего ему права формальным требованиям законодательства. Поэтому упомянутая норма закона может применяться как в отношении истца, так и в отношении ответчика.

Суду надлежит исследовать и оценить не только поведение истца, но и поведение другой стороны. При этом суд вправе решить вопрос в отношении того, какая из сторон в конечном итоге повела себя недобросовестно, и не принять доводы стороны, действия которой признаны недобросовестными.

5. Определение Верховного Суда от 12.10.2024 № 300-ЭС24-12173 по делу № СИП-597/2023

Суть дела

Требования: о признании недействительным решения Роспатента об отказе в удовлетворении возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку.

Заявитель обратился в административный орган с возражением против предоставления правовой охраны товарному знаку «PAZ» в отношении «моделей транспортных средств масштабных» 28-го класса МКТУ. При этом заявитель ссылался на вероятность смешения спорного товарного знака с произвольной частью своего сокращенного фирменного наименования (пункт 8 статьи 1483 ГК РФ). В подтверждение фактически осуществляемой деятельности по производству соответствующих товаров заявитель ссылался на то, что на основании договоров о предоставлении права использования объектов авторского права (изображений автобусов) его лицензиаты производят однородные товары с маркировкой «По лицензии ООО «ПАЗ».

Роспатент отказал в удовлетворении возражения.

Суд первой инстанции в удовлетворении заявления об оспаривании указанного решения Роспатента отказал.

Суд кассационной инстанции отменил решение суда первой инстанции, признал недействительными решение административного органа и предоставление правовой охраны спорному товарному знаку в отношении соответствующих товаров.

Верховный Суд отменил постановление суда кассационной инстанции, решение суда первой инстанции оставил в силе.

Тезисы

1. Для целей применения положений пункта 8 статьи 1483 ГК РФ может быть принята во внимание только деятельность непосредственно правообладателя фирменного наименования.

2. Положения пункта 6 статьи 1252, пункта 8 статьи 1483 ГК РФ направлены на предупреждение возможности введения потребителей в заблуждение и как таковые применяются только в случае фактической возможности столкновения товарного знака с фирменным наименованием, что должно подтверждаться реальностью осуществления правообладателем фирменного наименования до даты приоритета товарного знака деятельности, связанной с оборотом товаров, однородных товарам, в отношении которых знак зарегистрирован.

6. Определение Верховного Суда от 02.11.2024 № 305-ЭС24-9560 по делу № А41-68198/2021

Суть дела

Требования:

о признании незаконным использования доменного имени и о запрете администратору этого домена (ответчик 1) использовать в таком домен-

ном имени и на страницах сайта словесное обозначение, сходное до степени смешения с товарными знаками, исключительные права на которые принадлежат истцу;

об обязании регистратора спорного доменного имени передать истцу доменное имя и право его администрирования.

Суд первой инстанции привлек к участию в деле в качестве соответчика нового администратора спорного доменного имени (ответчик 2).

В суде первой инстанции истец заявил об уточнении требований, часть из которых принята судом. В итоге суд первой инстанции рассмотрел иск о запрете ответчику 1 и ответчику 2 использовать принадлежащие истцу товарные знаки в спорном доменном имени в отношении ряда услуг.

В принятии других уточненных требований отказано, поскольку, по мнению суда, удовлетворение заявления в этой части приведет к одновременному изменению предмета и основания иска. Так, судом не приняты требования:

о признании регистрации и администрирования спорного доменного имени ответчиком 1 и ответчиком 2 нарушением исключительных прав истца на товарные знаки и актом недобросовестной конкуренции;

об обязании регистратора доменного имени обеспечить исполнение судебного акта о передаче прав администрирования по договору о делегировании доменного имени от ответчика 2 к истцу путем замены стороны в правоотношении, не аннулируя доменное имя.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении исковых требований отказано.

Суд первой инстанции исходил из того, что ответчик 1 более не является администратором спорного доменного имени и не использует его (на сайте какая-либо информация отсутствует).

Суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали выводы суда первой инстанции и отклонили доводы истца о неправильном применении статьи 49 АПК РФ.

Верховный Суд отменил акты судов нижестоящих инстанций и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Тезисы

1. В случае признания регистрации, а также использования, в том числе администрирования, доменного имени злоупотреблением правом и актом недобросовестной конкуренции суд может удовлетворить как требование об аннулировании регистрации, так и требование о безвозмездной передаче истцу права администрирования спорного доменного имени.

2. Условием удовлетворения требований об аннулировании регистрации и о безвозмездной передаче прав администрирования доменным именем является признание актом недобросовестной конкуренции или установление злоупотребления правом действий ответчика как в случае, когда заявлено самостоятельное требование о признании регистрации и использования домена актом недобросовестной конкуренции, так и в случае, когда истец приводит об этом доводы в обоснование иска.

3. По смыслу статьи 49 АПК РФ основание иска включает в себя не «правовые», но фактические основания, исходя из которых заявлен иск, а предмет иска представляет собой материально-правовое требование истца, обусловленное не нормой права, а преследуемым истцом материально-правовым интересом (желаемыми правовыми последствиями), что, в частности, прямо вытекает из абзаца седьмого пункта 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции».

Если истец изначально ссылался на недобросовестную конкуренцию в качестве обоснования требований, дополнение иска требованием о признании действий ответчика актом недобросовестной конкуренции, а также изменение требования об аннулировании доменного имени на требование безвозмездно передать истцу право его администрирования не влекут изменения основания иска.

4. Отсутствие доступа к сайту под спорным доменным именем само по себе не является препятствием для пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения в соответствии с подпунктом 2 пункта 1 статьи 1252 ГК РФ, и основанием для отказа в иске

по доменному нарушению. Администратор доменного имени может быть признан недобросовестным или его действия могут быть признаны актом недобросовестной конкуренции по отношению к правообладателю товарных знаков и без фактического использования товарных знаков в отношении однородных товаров (постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.11.2008 № 5560/08, от 18.05.2011 № 18012/10).

7. Определение Верховного Суда от 14.11.2024 № 307-ЭС24-12745 по делу № А56-3702/2023

Суть дела

Требования: о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на произведение.

Суд первой инстанции исковые требования удовлетворил частично, взыскав с ответчика в пользу истца компенсацию, а также расходы по уплате государственной пошлины, почтовые расходы и расходы на оплату услуг представителя.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, решение суда первой инстанции изменено: размер взыскиваемой компенсации увеличен. При этом суд апелляционной инстанции перераспределил судебные расходы и исключил из состава расходов истца на оплату услуг представителя расходы на составление досудебной претензии.

Верховный Суд отменил акты судов апелляционной и кассационной инстанций в части взыскания судебных расходов, в указанной части направил дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Тезис

С учетом разъяснений, приведенных в пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», расходы истца на составление претензии в рамках обязательного досудебного урегулирования спора о нарушении исключительных прав и о взыскании компенсации являются судебными издержками и исходя из результата рассмотренного дела подлежат распределению по правилам статьи 110 АПК РФ.

Обзор за первое полугодие 2024

подготовлен 26.07.2024

1. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2024 № 305-ЭС23-17695 по делу № А40-134433/2022

Суть дела

Требования: о привлечении общества к административной ответственности по части 1 статьи 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Суд первой инстанции установил наличие в действиях общества состава административного правонарушения и привлек его к административной ответственности. Судом установлено, что в рамках одного таможенного досмотра в отношении товаров, заявленных ответчиком по одной и той же декларации, таможенным органом было выявлено три административных правонарушения, за два из которых ответчик уже был привлечен к административной ответственности по части 1 статьи 14.10 КоАП РФ. При этом суд исходил из того, что таможенный досмотр не относится к контрольным (надзорным) мероприятиям, утвержденным частью 2 статьи 56 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон № 248-ФЗ), в связи с чем пришел к выводу, что положение части 5 статьи 4.4 КоАП РФ[2], вступившее в силу после совершения обществом нарушения, в данном случае не применяется.

[2] Если при проведении одного контрольного (надзорного) мероприятия в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля выявлены два и более административных правонарушения, ответственность за которые предусмотрена одной и той же статьей (частью статьи) раздела II настоящего Кодекса или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, совершившему их лицу назначается административное наказание как за совершение одного административного правонарушения.

Суд апелляционной инстанции оставил без изменения решение суда первой инстанции.

Суд кассационной инстанции пришел к выводу, что таможенный досмотр является одним из видов государственного контроля по смыслу части 5 статьи 4.4 КоАП РФ.

Однако, поскольку решение суда первой инстанции по рассматриваемому делу о привлечении ответчика к административной ответственности ответчиком исполнено, назначенный судом административный штраф был уплачен, суд кассационной инстанции с учетом положений части 2 статьи 1.7 КоАП РФ[3] пришел к выводу об отсутствии оснований для применения части 5 статьи 4.4 КоАП РФ.

Верховный Суд отменил акты нижестоящих судов в части назначения наказания в виде административного штрафа, в удовлетворении заявленных требований отказал.

Тезисы

1. Положения части 5 статьи 4.4 КоАП РФ применяются при рассмотрении дел об административных правонарушениях, выявленных в том числе в ходе осуществления таможенного контроля с учетом следующего.

В соответствии с пунктом 3 части 5 статьи 2 Закона № 248-ФЗ таможенный контроль является одним из видов государственного контроля (надзора).

Несмотря на то что положения Закона № 248-ФЗ не применяются к обществу и осуществлению таможенного контроля ввиду прямого указания закона, это обстоятельство не является основанием для неприменения положений части 5 статьи 4.4 КоАП РФ, поскольку эта норма не содержит отсылки ни к Закону № 248-ФЗ, ни к Федеральному закону от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

В КоАП РФ под осуществлением государственного контроля (надзора), муниципального контроля понимается деятельность всех уполномоченных органов, которые осуществляют контрольные (надзорные) функции и выявляют правонарушения в отдельных сферах.

2. Если на момент рассмотрения дела судом первой инстанции и вынесения решения о привлечении лица к административной ответственности закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность (в данном случае часть 5 статьи 4.4 КоАП РФ), вступил в силу, то административное наказание подлежит назначению судом с учетом положений этого закона.

В таком случае у суда кассационной инстанции отсутствуют основания для применения части 2 статьи 1.7 КоАП РФ и оставления в силе решения суда, которое вынесено с нарушением требований части 5 статьи 4.4 КоАП РФ.

2. Определение Верховного Суда от 04.04.2024 № 305-ЭС23-26201 по делу № А40-236292/2022

Суть дела

Требования: о взыскании задолженности по оплате вознаграждения по сублицензионному договору в части, приходящейся на сумму налога на добавленную стоимость (далее – НДС).

Как установлено судами, истец обратился в суд с указанными требованиями ввиду отказа ответчика от оплаты вознаграждения по сублицензионному договору. С учетом изменений налогового законодательства, отменяющих освобождение от уплаты НДС с 01.01.2021, истцом был увеличен размер вознаграждения за 2021 год за счет включения НДС.

Суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении иска, исходил из того, что установленная в договоре цена является твердой и изменению не подлежит. Изменение действующего порядка налогообложения и возникновение у истца риска доначисления НДС не являются основанием для возникновения у ответчика обязанности по доплате вознаграждения. Предоставление права использования и предварительная частичная оплата вознаграждения совершены до момента вступле-

[3] Закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу, то есть распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено.

ния в силу соответствующих изменений законодательства.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя заявленные требования, суд апелляционной инстанции указал, что изменение цены договора обусловлено изменением налогового законодательства, подлежащего обязательному применению в отношении товаров (работ, услуг), реализуемых (выполненных, оказанных) начиная с 01.01.2021, независимо от даты и условий заключения договоров о реализации указанных товаров (работ, услуг), и не предполагает обязательного внесения изменений в заключенные ранее договоры.

Суд кассационной инстанции признал ошибочными выводы суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции, отметив, что возможность увеличения цены сделки и дополнительного взыскания сумм НДС с покупателя в случае неправильного учета налога продавцом при формировании окончательного размера цены договора допускается только в случаях, когда такая возможность согласована обеими сторонами договора, либо предусмотрена нормативными правовыми актами.

Верховный Суд отменил постановление суда кассационной инстанции, оставил в силе постановление суда апелляционной инстанции.

Тезисы

1. По общему правилу НДС является частью цены договора, подлежащей уплате налогоплательщику со стороны покупателей. Уплачиваемое (подлежащее уплате) покупателями встречное предоставление за реализованные им товары (работ, услуги) является экономическим источником для взимания данного налога.

Поскольку НДС является косвенным налогом, дополнительным к цене продаваемых товаров (работ, услуг), имущественных прав и, соответственно, эту цену увеличивает, бремя его уплаты фактически ложится не на поставщиков (исполнителей), а на покупателей (заказчиков). Это предопределяет необходимость обеспечения нейтральности НДС по отношению к процессу производства и реализации товаров (работ, услуг) субъектами хозяйственного оборота, которые участвуют в процессе сбора налога, выступая его юридическими плательщиками, но не должны уплачивать налог за свой счет в экономическом смысле.

Включение НДС в цену реализуемых товаров (работ, услуг) необходимо для того, чтобы обеспечить возможность переложения налога на покупателя в цене товаров (работ, услуг) и, тем самым, освободить продавца (исполнителя) от бремени НДС, подлежащего уплате в бюджет в связи с исполнением договора.

Таким образом, если совершаемые между участниками оборота операции становятся облагаемыми вследствие изменения законодательства, то по общему правилу цена, по которой оплачивается исполнение договора, не включавшая в себя НДС, должна быть увеличена на сумму налога в силу закона (пункт 1 статьи 424 ГК РФ), пункт 1 статьи 168 Налогового кодекса Российской Федерации, далее – НК РФ), за исключением случаев, когда иные гражданско-правовые последствия изменения условий налогообложения будут предусмотрены нормативными правовыми актами или иное соглашение о размере цены, включающей в себя налог, не будет достигнуто между сторонами.

2. Возложение неблагоприятных имущественных последствий изменения условий налогообложения только на исполнителя по договору, вынужденного оплачивать налог за счет уменьшения своего дохода, недопустимо, поскольку противоречит существу законодательного регулирования отношений, связанных с уплатой НДС и не отвечает требованию добросовестности.

3. По общему правилу возможность увеличения цены сделки и дополнительного взыскания сумм НДС с покупателя в случае неправильного учета налога продавцом при формировании окончательного размера цены договора допускается только в случаях, когда такая возможность согласована обеими сторонами договора, либо предусмотрена нормативными правовыми актами (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2018 № 306-КГ18-13128, от 23.11.2017 № 308-ЭС17-9467).

Данный подход высказан в отношении имущественных последствий ошибок в исчислении НДС, допущенных одной из сторон договора и (или) по вине соответствующей стороны. Вместе с тем указанная правовая позиция не применима в ситуации, связанной с изменениями регулирования налогообложения, поскольку увеличение

цены сделки в таком случае происходит не в связи с собственными ошибками продавца, допущенными при установлении цены на стадии заключения договора или при квалификации сделки, а ввиду изменений, которые наступили объективно.

3. Определение Верховного Суда от 18.04.2024 № 307-ЭС23-27399 по делу № А42-10326/2022

Суть дела

Требования: о запрете использования обозначения, сходного до степени смешения с товарным знаком, и произведения на сайте, о взыскании компенсации, расходов по уплате государственной пошлины. До рассмотрения спора по существу истцом заявлено об отказе от иска в части требований неимущественного характера ввиду добровольного прекращения ответчиком нарушения исключительных прав после подачи иска в суд.

Суд первой инстанции принял отказ от неимущественных требований, производство по делу в этой части прекратил, в остальной части иск удовлетворил полностью: взыскал с ответчика в пользу истца компенсацию, а также расходы по уплате государственной пошлины по иску, в том числе по неимущественным требованиям. Взыскивая указанные расходы, суд первой инстанции исходил из того, что отказ истца от неимущественных требований был связан с добровольным прекращением ответчиком использования объектов интеллектуальных прав после подачи иска в суд.

Суд апелляционной инстанции изменил решение суда в части размера компенсации и судебных расходов, взыскав с ответчика расходы по государственной пошлине пропорционально удовлетворенным требованиям.

Суд кассационной инстанции поддержал выводы суда апелляционной инстанции.

Верховный Суд изменил акты судов апелляционной и кассационной инстанций в части распределения судебных расходов по уплате государственной пошлины по иску.

Тезисы

1. Подпунктом 3 пункта 1 статьи 333.40 НК РФ установлено, что уплаченная государственная пошлина подлежит возврату частично или полностью в случае прекращения арбитражным судом производства по делу. Не подлежит возврату уплаченная государственная пошлина при добровольном удовлетворении ответчиком требований истца после его обращения арбитражный суд и вынесения определения о принятии искового заявления к производству.

Данная норма не может рассматриваться как исключающая применение положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о распределении судебных расходов между лицами, участвующими в деле, и возлагающая на истца бремя уплаты пошлины.

2. Из системного толкования статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 333.40 НК РФ, разъяснений, содержащихся в пункте 11 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.07.2014 № 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах» и в пункте 26 постановления Пленума Верховного Суда от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» следует, что критерием отнесения как расходов по уплате государственной пошлины, так и иных судебных издержек на ответчика при добровольном удовлетворении им требований выступает факт удовлетворения требований именно после вынужденного обращения истца в суд.

Таким образом, если отказ истца от неимущественных требований связан с добровольным прекращением ответчиком совершения действий, нарушающих права истца, после подачи иска в суд и принятия его к производству суда, расходы истца по уплате государственной пошлины по заявленным неимущественным требованиям возлагаются на ответчика.

4. Определения Верховного Суда от 17.06.2024 № 300-ЭС23-29423 по делу № СИП-552/2022 и № 300-ЭС23-27880 по делу № СИП-570/2022

Суть дела

Требования: о признании недействительным решения Роспатента об отказе в удовлетворении возражения против выдачи патента.

Оба спора возникли в результате различного толкования положения пункта 4 статьи 1381 ГК РФ относительно того, какую заявку считать первоначальной при «каскаде» выделенных заявок –

самую раннюю или предшествующую той, по которой был выдан оспариваемый патент.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления. Суд согласился с выводом Роспатента о том, что приоритет группы изобретений по спорному патенту правомерно установлен по дате приоритета, установленного для заявки, признанной по отношению к спорной заявке первоначальной и из которой выделена спорная заявка. Поддерживая позицию Роспатента о том, что одна и та же заявка может быть одновременно и выделенной, и первоначальной, принимая во внимание наличие цепочки выделенных заявок, суд первой инстанции также исходил из того, что на дату подачи каждой из выделенных заявок соответствующая первоначальная заявка не была отозвана, не была признана отозванной и по ней не было принято решение о выдаче патента; патентообладатель выполнил все условия для установления приоритета группы изобретений по всем указанным заявкам по дате подачи приоритетной заявки.

В деле № СИП-552/2022 суд первой инстанции признал также необоснованным довод о выдаче оспариваемого патента на идентичное изобретение, на которое ранее уже был выдан патент, указав на то, что обладателем этого патента во избежание двойного патентования было подано по предложению Роспатента ходатайство о досрочном прекращении его действия, в связи с чем действие патента было прекращено. Административным органом соблюдено требование о недопустимости выдачи двух и более патентов на идентичные изобретения.

Суд кассационной инстанции пришел к противоположному выводу, а именно о несоблюдении Роспатентом условия определения приоритета изобретения по выделенной заявке, указав, что первоначальной заявкой является первая заявка в каскаде выделенных заявок, а не предшествующая заявка, и правомерное установление приоритета по выделенным заявкам (по дате приоритета первоначальной заявки) может быть осуществлено только до выдачи патента по первоначальной заявке, в которой первоначально раскрыто изобретение.

Принимая во внимание, что на дату поступления выделенной заявки по спорному патенту по первоначальной заявке уже был выдан патент, суд кассационной инстанции заключил, что данный факт исключает для выделенной заявки по спорному патенту установления даты приоритета по первоначальной заявке, вследствие чего датой приоритета группы изобретений по оспариваемому патенту является дата поступления документов выделенной заявки.

Верховный Суд отменил акты кассационной инстанции, оставил в силе решения суда первой инстанции.

Тезисы

1. Норма пункта 4 статьи 1381 ГК РФ обусловлена, в том числе, отсутствием препятствий в принятии к рассмотрению заявок, выделенных из ранее выделенных заявок с сохранением приоритета по первоначальной заявке, в том числе конвенционного приоритета, при этом общий срок действия патента по любой выделенной заявке исчисляется от даты подачи первоначальной (материнской) заявки.

Поскольку выделенные заявки связаны между собой единой заявкой, они всегда будут иметь одинаковую дату приоритета и выделенная заявка, поданная на основании более ранней выделенной заявки, будет сохранять приоритет по самой первой (материнской) заявке.

2. Ключевым условием для возможности подачи возражения по основанию, указанному в подпункте 4 пункта 1 статьи 1398 ГК РФ, является наличие на момент его рассмотрения нескольких патентов на идентичные изобретения, которые были выданы с нарушением условий, предусмотренных статьей 1383 ГК РФ.

Если противопоставленный патент на дату подачи возражения против выдачи оспариваемого патента досрочно прекратил свое действие, одновременное существование двух патентов на идентичные изобретения отсутствует, что не дает оснований для подачи возражения по вышеуказанному основанию.

Обзор за второе полугодие 2023

подготовлен 01.03.2024

1. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.07.2023 № 308-ЭС21-4298 по делу № А25-884/2019

Суть дела

Требования: о взыскании судебных расходов.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной

и кассационной инстанций, заявленные требования удовлетворены.

Суды трех инстанций исходили из того, что трехмесячный срок на обращение в суд с заявлением о взыскании судебных расходов следует исчислять с момента вступления в законную силу последнего судебного акта по делу – постановления Суда по интеллектуальным правам от 04.10.2021, вынесенного по вопросу о пересмотре решения суда первой инстанции по новым обстоятельствам. Поскольку заявление о взыскании судебных расходов поступило в суд первой инстанции 10.01.2022, суды признали соблюденным трехмесячный срок, установленный статьей 112 АПК РФ.

Верховный Суд Российской Федерации отменил акты судов нижестоящих инстанций, прекратил производство по рассматриваемому заявлению.

Тезисы

А. Законодатель установил срок для обращения с заявлением о возмещении судебных расходов, исчисляя его со дня вступления в законную силу последнего судебного акта о взыскании судебных расходов в пользу заявителя, принятием которого закончилось рассмотрение дела, и таким судебным актом является постановление суда той инстанции, на которой завершилась проверка доводов сторон спора.

Б. При рассмотрении заявления на предмет наличия или отсутствия новых либо вновь открывшихся обстоятельств спор по существу не разрешается. Следовательно, судебные акты об отказе в удовлетворении заявления о пересмотре судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам не являются последними судебными актами для целей возмещения судебных расходов, понесенных при рассмотрении спора по существу заявленных требований, а дата их принятия может являться началом течения срока, установленного для целей возмещения судебных расходов лишь в части понесенных расходов в связи с рассмотрением непосредственно заявления о пересмотре судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

При ином подходе подача каждого последующего заявления о пересмотре судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, с которым не согласна сторона спора, повлекла бы преодоление установленных статьей 112 АПК РФ ограничений.

В. Участие в рассмотрении заявления о взыскании судебных расходов по делу не порождает дополнительно права на возмещение судебных расходов, вызванного необходимостью такого участия.

2. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.12.2023 № 301-ЭС23-12433 по делу № А43-26747/2021

Суть дела

Требования: о запрете использования обозначения, сходного до степени смешения со знаком обслуживания, об обязании исключить из любых материальных и нематериальных носителей обозначения, содержащие спорные элементы, о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на знак обслуживания.

В решении, оставленном без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, суд первой инстанции удовлетворил иск в части: неимущественные требования удовлетворены, размер взыскиваемой компенсации определен судом исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака.

Суд запретил ответчику любое использование обозначения, сходного до степени смешения со знаком обслуживания, в отношении однородных услуг 35, 39, 40, 43-го классов МКТУ, обязал исключить из любых материальных и нематериальных носителей обозначения, содержащие спорные элементы, отличные от товарного знака ответчика, взыскал компенсацию.

Суды трех инстанций пришли к выводу о доказанности нарушения ответчиком исключительных прав истца, признав деятельность ответчика по реализации готовой кулинарной продукции однородной деятельности, для индивидуализации которой зарегистрированы знаки обслуживания истца (35, 39, 40, 43-й классы МКТУ).

Отклоняя довод ответчика об использовании им своего товарного знака, суды сделали вывод лишь об однородности услуги 43-го класса МКТУ «кафе», для индивидуализации которой предоставлена правовая охрана по знакам обслуживания истца, и деятельности ответчика по реализации

готовой кулинарной продукции в отделах кулинарии. Судами не были проанализированы все услуги, оказываемые ответчиком, а также остальные товары и услуги, в отношении которых был зарегистрирован знак обслуживания истца.

Верховный Суд Российской Федерации отменил акты судов нижестоящих инстанций и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Тезисы

А. Для удовлетворения требований о пресечении нарушения или о запрете на будущее совершение определенных действий ответчик либо должен совершать противоправное деяние, либо совершать приготовления к нему. Следовательно, истец должен доказать наличие нарушения или угрозу его совершения, а суд обосновать, какой вид деятельности ответчик осуществляет или есть ли угроза реального совершения нарушения.

Для запрета незаконного использования сходного со знаком обслуживания обозначения истец должен доказать оказание ответчиком однородных услуг или приготовление к их оказанию.

Требование о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу такого нарушения, должно быть сформулировано в отношении конкретных действий.

Б. Требования истца об обязании ответчика удалить с любых материальных и нематериальных носителей любые обозначения, содержащие спорные словесные элементы его знака обслуживания, являются общим запретом, не соответствуют положениям статей 1250, 1252 ГК РФ, разъяснениям, приведенным в пункте 57 Постановления ВС РФ № 10, и принципу исполнимости судебного акта.

В. При анализе обозначения следует учитывать, что потребитель в большинстве случаев не имеет возможности сравнить два знака и руководствуется общим впечатлением о знаке, виденном ранее. При этом потребитель, как правило, запоминает отличительные элементы знака.

Для предоставления правообладателю охраны (защиты) товарный знак должен действительно использоваться в том виде, в котором он зарегистрирован. Использование обозначения, составляющего часть товарного знака, может быть приравнено к использованию товарного знака, только если разница между товарным знаком, в том виде, в котором он зарегистрирован, и тем обозначением, которое использует лицо и которое является частью товарного знака, не составляет отличительный характер знака.

Аналогичные разъяснения содержатся в пункте 164 Постановления ВС РФ № 10.

Г. Основным назначением знака обслуживания является отличительная функция, которая позволяет покупателю отождествлять оказываемые услуги с конкретным производителем (статьи 1477, 1481, 1482 ГК РФ).

3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2023 № 304-ЭС23-16844 по делу № А45-4790/2022

Суть дела

Требования: о взыскании с ответчиков в солидарном порядке компенсации в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак, за нарушение исключительного права на товарный знак.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, исковые требования удовлетворены.

Суды пришли к выводам о том, что факт нарушения исключительного права истца состоит в предложении ответчиками к продаже контрафактного товара на сайте, ответчики осуществляют совместную деятельность по изготовлению, предложению к продаже и продаже товаров, факт предложения товара к продаже свидетельствует об использовании изображений товарного знака на товарах.

Поскольку до потребителей на сайте не доведена информация об отсутствии товара определенного цвета или размера, суды исходили из того, что предложение к продаже, размещенное на сайте, свидетельствует о наличии у одного из ответчиков по одному экземпляру каждого вида товара всех его вариантов и размеров, и рассчитали компенсацию, основываясь на количестве предлагаемого товара.

Верховный Суд Российской Федерации отменил акты судов нижестоящих инстанций и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Тезисы

А. Взыскание компенсации в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров (товаров) возможно при следующих обстоятельствах: существование контрафактных экземпляров (товаров) в том количестве, которое истец принимает за основу для расчета; стоимость одного контрафактного экземпляра, которая принимается истцом за основу расчета.

Б. Идентификация товаров как контрафактных невозможна, если они размещены в каталоге товаров, предлагаемых к продаже, реально не существуют и производятся под заказ (пункт 1 статьи 1515 ГК РФ).

Удовлетворение иска в отсутствие надлежащего обоснования взыскиваемой суммы, а также документов, подтверждающих количество экземпляров (товаров), на которых незаконно размещен товарный знак, и их цену, противоречит положениям статей 1250, 1252, 1515 ГК РФ, разъяснениям, приведенным в пунктах 61 и 62 Постановления ВС РФ № 10.

Научная статья
УДК 347.2

Для цитирования:
Рожкова М.А., Алымова Е.В., Лабзин М.В., Никифоров А.А. Сложные объекты интеллектуальных прав. Общая часть // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). С. 24–42.
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_3
For citation:
Rozhkova M.A., Alymova E.V., Labzin M.V., Nikiforov A.A. Holder of a Higher Doctorate in Law Master of Private Law // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. June. N 2 (48). Pp. 24–42. (In Russ.).
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_3

DOI: 10.58741/23134852_2025_2_3

Сложные объекты интеллектуальных прав. Общая часть

М.А. Рожкова,
доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, президент IP CLUB,
г. Москва, Россия

Е.В. Алымова,
юрисконсульт Координационного центра доменов .RU/.РФ, ответственный секретарь IP CLUB, выпускница магистерской программы «Цифровое право» НИУ ВШЭ
г. Москва, Россия

М.В. Лабзин,
партнер и руководитель практики интеллектуальной собственности юридической фирмы INTELLECT, патентный поверенный РФ,
г. Москва, Россия

А.А. Никифоров,
ведущий юрисконсульт в службе сопровождения сделок с ПО, технологиями, брендом и данными компании Яндекс, преподаватель Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинка),
г. Москва, Россия

В первой части коллективной статьи рассматривается правовая природа сложных объектов интеллектуальных прав, их признаки, особенности регулирования и распределения прав между участниками. Авторами подробно исследуются выделяемые в доктрине и судебной практике признаки сложных объектов. Также авторы анализируют эволюцию законодательного закрепления сложных объектов в российском праве. Особое внимание уделяется дискуссиям о необходимости установления открытого перечня сложных объектов, что позволит адаптировать правовую конструкцию к современным реалиям. В статье аргументируется необходимость дальнейшего совершенствования ст. 1240 ГК РФ, закрепления легального определения сложного объекта и уточнения механизма аккумулирования прав. Рассматриваются альтернативные подходы зарубежных правопорядков, выявляются их отличия и возможные направления заимствования для модернизации российской правовой системы.

Ключевые слова:
сложный объект; интеллектуальные права; авторское право; результаты интеллектуальной деятельности; правообладатель

Введение

Технологическое развитие предопределяет развитие права: новые формы и объекты появляются каждый день, в то же время уже существующие объекты постоянно усложняются, так же, как и их правовое регулирование в рамках традиционных подходов. Об этом писал В.А. Дозорцев: «Традиционные объекты авторского права достаточно просты, они есть результат творчества одного лица или очень редко небольшой группы лиц – соавторов, во всяком случае осуществлявших однородную деятельность. С развитием техники появились весьма сложные объекты, которые, как правило, просто не могут быть созданы одним лицом, к тому же они составляют продукт разнородной деятельности»[1].

Осознание того, что современные результаты интеллектуальной деятельности нередко включают в себя множество самостоятельных охраноспособных элементов, правообладателями которых может быть несколько лиц, легло в основу формирования института сложных объектов интеллектуальных прав, закрепленного в IV части ГК РФ[2].

Такие сложные результаты интеллектуальной либо организационной деятельности, бесспорно, занимают важное место в современном гражданском обороте. Значение комплексных объектов, которые имеют синтетический характер и являются результатом коллективных (скоординированных) усилий, как далее отмечал В.А. Дозорцев, возрастает, а их отдельная охрана становится необходимой. Исключительные права, возникающие в связи с такими объектами, он предложил называть продюсерскими, обращая внимание на то, что такие объекты зачастую создаются не творческими, а организационными усилиями юридических лиц[3], что требует определенных подходов при их правовом регулировании, которые отличаются от традиционных.

[1] *Дозорцев В.А.* Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей / Исслед. центр частного права. – М.: «Статут», 2003. С. 146–147.

[2] Традиционным в доктрине является сравнение сложных объектов с неделимыми или сложными вещами, которые представляют собой соединение различных вещей таким образом, который предполагает их использование по общему назначению и невозможность их разделения (ст. 133, 133.1, 134 ГК РФ). В отношении таких вещей закон устанавливает, что действие сделки, совершенной по поводу сложной вещи, распространяется на все входящие в нее вещи, если условиями сделки не предусмотрено иное. Это правило действует и в договоре на создание вещи, по которому подрядчик передает права на нее заказчику.

Известно также объединение объектов интеллектуальной собственности с вещами для использования по общему назначению. Таковым объединением является предприятие как имущественный комплекс (ст. 132 ГК РФ). Заметим здесь то сходство с правовым режимом сложных вещей, что при продаже предприятия, если не предусмотрено иное, исключительные права на товарный знак, знак обслуживания, коммерческое обозначение, а также, можно полагать, иные оборотоспособные исключительные права, входящие в этот комплекс, переходят покупателю без заключения отдельных договоров в отношении этих объектов.

[3] *Дозорцев В.А.* Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей. С. 19-20, 40–41, 152–153.

Закрепление категории сложных объектов преследует две ключевые цели: во-первых, защитить законные интересы создателя таких объектов, чьими организационными усилиями они создаются, и, во-вторых, обеспечить оборот сложных объектов в качестве единого, без необходимости определения отношений по поводу входящих в них элементов между участниками всякий раз.

Представляется, что появление в IV части ГК РФ категории сложных объектов являлось ответом на будущие вызовы. Во многом это представление законодателя оправдалось, а тематика сложных объектов не утрачивает своей актуальности и сейчас. Более того, институт сложных объектов приобретает новое значение в условиях стремительного развития цифровых технологий и появления новых форм объектов интеллектуальных прав. Закрепленные в законодательстве принципы могут быть использованы в качестве фундамента для регулирования отношений по поводу возникающих новых объектов.

Вместе с тем, несмотря на значимость категории сложных объектов, в регулировании складывающихся по поводу них отношений остается множество нерешенных проблем. В частности, отсутствие законодательно закрепленного определения сложного объекта, отсутствие сформулированных признаков для выделения таких объектов, а также оправданность исчерпывающего перечня, установленного в п. 1 ст. 1240 ГК РФ. Все это обосновывает необходимость детального анализа правовой конструкции сложного объекта, закрепленной в ст. 1240 ГК РФ.

Настоящее исследование, подготовленное по результатам обсуждения, состоявшегося в рамках конференции «Сложные объекты: нужно ли расширять их легальный список?», посвященной 10-летнему юбилею IP CLUB, направлено на формирование системного представления о сложных объектах интеллектуальных прав, выявление ключевых проблем их регулирования и разработку возможных направлений совершенствования правового подхода.

1. Признаки сложного объекта интеллектуальных прав

Статья 1240 ГК РФ не содержит в себе четко сформулированного определения сложного объекта. Из пункта 1 ст. 1240 ГК РФ можно вывести, что под сложным объектом понимается объект, включающий в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. Иных конституирующих признаков и критериев закон не дает. В доктрине неоднократно указывалось на недостаток ст. 1240 ГК РФ в этой части[4].

Такая скупость законодателя в части обозначения признаков, по которым было бы возможным квалифицировать объекты в качестве сложных, порождает массу вопросов, первоочередным из которых является следующий: какие именно признаки дают основания квалифицировать некоторую совокупность объектов интеллектуальных прав в качестве сложного объекта?[5]

Учеными в разное время выделялись различные признаки сложного объекта: многосубъектность, комплексность и единство направленности результатов интеллектуальной деятельности, входящих в сложный объект[6], стабильность объективной формы и воспроизводимость, вхождение в исчерпывающий перечень, наличие лица, организовавшего создание такого сложного объекта, неделимость творческих вкладов [7] и др.

Некоторые из выделенных в доктрине признаков нашли отражение и в судебной практике. Так, в пункте 17 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 сентября 2015 г., фактически был сфор-

[4] См., например: *Хайруллин Ф.Р.* Понятие и признаки сложного объекта в части четвертой ГК РФ // Современное право. – 2012. – № 2. С. 56; *Дубов А.В.* Особенности правовой природы сложного объекта интеллектуальных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2023. Вып. 3 (41). С. 128. DOI: 10.58741/23134852_2023_3_13

[5] *Рожкова М.А.* Сложный объект интеллектуальных прав: постановка вопросов и поиск ответов [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2025. 14 января. URL: https://zakon.ru/blog/2025/1/14/slozhnyj_obekt_intellektualnyh_prav_postanovka_voprosov_i_poisk_otvetov

[6] *Мазур Е.А.* Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта. Монография. М.: АПКиППРО, 2012. С. 30.

[7] *Грушина Е.В.* Сложные объекты как новая категория // Законодательство. – 2009. – № 2. С 28.

мулирован новый, не указанный ранее в ст. 1240 ГК РФ признак: «… Ст. 1240 ГК РФ называет один признак сложного объекта: он включает в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, однако, по смыслу закона, *он должен представлять собой единое целое завершенное произведение, в котором невозможность использования хотя бы одной составляющей его части приведет к утрате авторского замысла создателя сложного объекта, в результате чего нарушится целостность результата интеллектуальной деятельности и его дальнейшее применение станет невозможным*».

Мы считаем возможным выделить следующие признаки сложного объекта интеллектуальных прав:

1) множественность охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (не менее трех);

2) разнородность используемых результатов интеллектуальной деятельности;

3) целостность формы и сложность внутренней структуры.

Рассмотрим выделенные нами признаки.

Множественность охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (не менее трех). В пункте 1 ст. 1240 ГК РФ прямо указано, что в состав сложного объекта может входить только *несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности*. Интересно, что законодатель в данной норме особенно подчеркивает то, что результаты интеллектуальной деятельности должны быть именно *охраняемыми*, что в части IV ГК РФ встречается, помимо ст. 1240, всего дважды: в названии ст. 1225 «Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», а также в п. 2 ст. 1240.1, где определяется, что́ относится к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности, непосредственно связанным с обеспечением обороны и безопасности.

Данное положение позволяет сделать однозначный вывод о том, что использование исключительно множества неохраняемых объектов (включая объекты авторского права, на которые истек срок действия авторских прав) делает невозможным его квалификацию в качестве сложного объекта. Тем не менее законодатель не исключает возможность использования в составе сложного объекта наряду с охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности иных неохраняемых результатов, которые будут выступать в качестве вспомогательных элементов[8].

Спорным представляется вопрос трактовки термина «результаты интеллектуальной деятельности» в контексте п. 1 ст. 1240 ГК РФ и неупоминание средств индивидуализации в указанной норме. Несмотря на положения ст. 128, 1225 ГК РФ, в соответствии с которыми средства индивидуализации приравнены к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности, буквальное толкование п. 1 ст. 1240 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что связка «охраняемый результат интеллектуальной деятельности + товарный знак» также не может квалифицироваться как сложный объект[9].

Такой подход представляется неверным, поскольку законодатель искусственно ограничивает возможный состав сложных объектов только результатами интеллектуальной деятельности, фактически исключая средства индивидуализации, что, безусловно, приводит к сужению сферы применения нормы о сложных объектах.

Более того, законодатель, закрепляя самостоятельный правовой режим, поместил нормы о сложных объектах в главу 69 «Общие положения», подразумевая, что организуемый сложный объект не является объектом именно авторского права и, следовательно, в его составе могут использоваться различные объекты интеллектуальных прав, включая средства индивидуализации. В контексте этого следует не согласиться с А.Ю. Копыловым, который высказывал идею о том, что сложный объект является именно произведением – объектом авторского права[10].

---

[8] Так, в качестве примеров вспомогательных элементов в составе сложного объекта Хайруллин Ф.Р. указывал технические данные и иную информацию. См.: *Хайруллин Ф.Р.* Понятие и признаки сложного объекта в части четвертой ГК РФ // Бизнес в законе. – 2011. – № 5. С. 80.

[9] *Рожкова М.А.* Сложный объект интеллектуальных прав: постановка вопросов и поиск ответов.

[10] *Копылов А.Ю.* Проблемы квалификации сложных объектов интеллектуальных прав // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 6. С. 79.

Целесообразным представляется использование в п. 1 ст. 1240 ГК РФ следующей формулировки: «Лицо, организовавшее создание сложного объекта, включающего несколько *охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации*...», что позволит расширить применение режима сложных объектов и исключит любое ограничительное толкование данной нормы.

В ГК РФ не установлен и количественный критерий, а именно отсутствует указание на то, какое количество результатов интеллектуальной деятельности, используемых в составе сложного объекта, является достаточным. Тем самым, нормой, закрепляющей правовой режим сложного объекта, фактически не регламентируются объективные границы этого правового режима, что приводит к явной правовой неопределенности.

Вопрос достаточного количества охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта также не нашел подробного отражения в доктрине и судебной практике. Так, в разное время указывалось на необходимость использования значительного[11] числа результатов интеллектуальной деятельности или нескольких объектов интеллектуальных прав[12] без количественной конкретизации.

На наш взгляд, объединяемых результатов интеллектуальной деятельности должно быть не менее трех[13]. Включение в состав объекта только двух элементов еще не позволяет считать его качественно новым явлением, требующим специального правового режима. Так, песня, соединяющая в себе литературное и музыкальное произведение, очевидно не может называться сложным объектом[14], поскольку регулирование отношений между авторами этих произведений не нуждается в особом правовом режиме и может осуществляться с использованием традиционных механизмов (соавторство и договорные конструкции распределения прав на объект совместного творчества), а объединяемые произведения могут использоваться независимо друг от друга. По аналогичному обоснованию не может признаваться сложным объектом и книга с иллюстрациями[15].

Именно три и более охраняемых результатов интеллектуальной деятельности могут свидетельствовать о сложности внутренней структуры объекта (об этом речь пойдет далее). В подобных случаях, когда количество используемых результатов интеллектуальной деятельности превышает два, могут возникать вопросы распределения прав на создаваемый в результате объединения сложный объект. Как указывалось ранее, именно необходимость урегулирования отношений между большим количеством правообладателей легла в основу института сложных объектов, поскольку требовался особый правовой механизм, обеспечивающий баланс интересов всех участников.

Таким образом, именно наличие не менее трех охраняемых результатов интеллектуальной деятельности является первым конституирующим признаком сложного объекта.

Разнородность используемых результатов интеллектуальной деятельности. В контексте определения признаков сложного объекта особое внимание уделяется разнородности используемых результатов интеллектуальной деятельности.

Разнородность предполагает включение в состав сложного объекта неоднотипных результатов интеллектуальной деятельности, относящихся к разным категориям[16]. Представляется, что в составе сложного объекта могут (и должны) использоваться различные разнопорядковые объекты интеллектуальных прав, перечисленные в ст. 1225 ГК РФ, включая не только произведения науки, ли-

[11] Авторское право и смежные права: учебник / Под ред. И.А. Близнеца. – 2-е изд., перераб. И доп. – Москва : Проспект, 2015. С. 164.
[12] Право интеллектуальной собственности: учебник / Е.В. Бадулина, Д.А. Гаврилов, Е.С. Гринь и др.; Под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. Т. 1: Общие положения. С. 83.
[13] То есть три и более охраняемых результата интеллектуальной деятельности.
[14] *Рожкова М.А.* Сложный объект интеллектуальных прав: постановка вопросов и поиск ответов.
[15] *Грушина Е.В.* Указ. соч. С. 28.
[16] Интересно, что в ст. 134 ГК РФ, которая уже упоминалась в контексте сравнения правовых режимов сложной вещи и сложного объекта, также содержится указание на то, что сложная вещь состоит из «различных вещей», что, на наш взгляд, по аналогии отражает выделенный нами признак разнородности.

тературы и искусства, но и программы для ЭВМ, изобретения, а также средства индивидуализации.

Классическим примером сложного объекта, включающего в себя разнородные охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, является кинофильм. Так, в составе любого кинофильма, как правило, можно выделить литературный сценарий, музыкальные произведения с текстом или без текста, графические произведения, исполнения актеров, программы для ЭВМ и другие объекты.

При этом нужно добавить, что для квалификации объекта в качестве сложного не требуется включение в его состав исключительно неповторяющихся разнородных результатов интеллектуальной деятельности. Возникает закономерный вопрос: какое минимальное количество разнородных результатов интеллектуальной деятельности необходимо включить в состав единого объекта для его квалификации в качестве сложного? На наш взгляд, в составе сложного объекта должно быть минимум два разнородных результата интеллектуальной деятельности, перечисленных в ст. 1225 ГК РФ. Двух различных результатов интеллектуальной деятельности достаточно для признания их разнородности. В то же время общее минимальное количество используемых результатов интеллектуальной деятельности, как мы указывали выше, должно составлять не менее трех. Тем самым возможна ситуация признания сложным объектом следующей совокупности результатов интеллектуальной деятельности (при соответствии иным признакам сложных объектов): «Два музыкальных произведения + литературное произведение».

Именно признак разнородности, по словам К.А. Барышниковой, является ключом к пониманию правового режима сложного объекта[17] и позволяет отделить сложные объекты от иных категорий, включая составные произведения. В отличие от составных произведений, являющихся результатом творческого труда по подбору и компоновке[18], прежде всего, однородных материалов[19], сложный объект подразумевает под собой именно совокупность различных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. На такой признак сложного объекта, как разнородность используемых результатов интеллектуальной деятельности, в доктрине также указывали В.А. Дозорцев[20], А.Ю. Копылов[21], А.В. Снопкова[22] и др.

На наш взгляд, разнородность используемых результатов интеллектуальной деятельности является системообразующим признаком сложного объекта, который определяет как специфику данного правового режима, так и необходимость его отдельного закрепления в ГК РФ.

Отдельного анализа в контексте данного признака заслуживает вопрос соавторства между авторами разнородных результатов интеллектуальной деятельности. Так, основное противоречие в доктрине заключается в том, следует ли рассматривать создание разнородных результатов интеллектуальной деятельности как часть совместного творческого вклада в единый результат (в данном случае – сложный объект).

И.В. Савельева полагает, что соавторство возможно только в рамках одного осуществляемого вида творчества, в то время как при объединении разнородных результатов интеллектуальной деятельности говорить о возникновении соавторства

[17] *Барышникова К.А.* Интеллектуальные права на объекты хореографического искусства: учебное пособие / К.А. Барышникова. – Санкт-Петербург: Лань: Планета музыки, 2023. С. 38.

[18] *Рожкова М.А.* Верное понимание терминов «составное произведение», «сайт» и «контент сайта» как условие правильного разрешения спора // Комментарий практики рассмотрения арбитражных споров (судебно-арбитражной практики). Вып. 28 / Отв. ред. В.М. Жуйков. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2021. С. 84.

[19] Вывод об однородности используемых в составных произведениях материалов делается на основании анализа самых распространенных примеров составных произведений: сборники стихотворных или прозаических произведений, энциклопедии, базы данных музыкальных или фотографических произведений и т. д.

[20] *Дозорцев В.А.* Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей. С. 147.

[21] *Копылов А.Ю.* Указ. соч. С. 77.

[22] *Снопкова А.В.* Проблемы правовой охраны объектов digital art // Право цифровой экономики – 2022 (18): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. д.ю.н. М.А. Рожкова. – Москва: Статут, 2022. – 414 с. – (Анализ современного права / IP & Digital Law). С. 63.

нельзя. Основной причиной такого подхода она называет разнородность характера творческого труда, которая предопределяет необходимость отдельного регулирования и самостоятельной защиты авторских прав каждым из создателей[23].

Схожую точку зрения об однородности деятельности соавторов для признания соавторства высказывал и В.А. Дозорцев. По его мнению, при разнородном творчестве речь идет не о соавторстве, а о соучастии или сотрудничестве, что предполагает иной правовой механизм регулирования отношений между создателями[24]. «Лица, принимающие участие в создании фильма, произведения которых вошли в него в качестве составной части, – как далее указывает В.А. Дозорцев, – соавторами не являются»[25].

К.А. Барышникова, анализируя позиции других ученых, включая мнения, высказанные О.С. Иоффе и С.А. Чернышевой, на примере создании оперы (музыка и либретто) поддерживает общий вывод о том, что соавторство при неоднородном творчестве возможно[26]. Не оспаривая данный вывод, хотим отметить, что по отношению к сложным объектам законодатель уходит от категории соавторства и использует иную правовую конструкцию.

Представляется, что, если разнородные результаты интеллектуальной деятельности изначально создаются как самостоятельные объекты интеллектуальных прав и лишь впоследствии объединяются в составе сложного объекта по инициативе лица, организовавшего создание сложного объекта, говорить о соавторстве в таком случае некорректно. В связи с этим аргументы о том, что наличие неделимых творческих вкладов в создание сложного объекта является еще одним конституирующим признаком рассматриваемого института[27], представляются неверными. Следовательно, ключевым критерием признания соавторства выступает не разнородность используемых элементов и творческого труда, а степень их интеграции в единый сложный объект.

Целостность формы и сложность внутренней структуры. Данный признак можно считать, пожалуй, самым разработанным в российской научной литературе. В Заключении по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений части четвертой Гражданского кодекса Исследовательский центр частного права указал, что к сложным объектам могут относиться только те объекты, «которые, с одной стороны, представляют собой единое целое (единый объект), а с другой стороны, имеют сложный состав (структуру), образуемый из совокупности разнородных результатов интеллектуальной деятельности»[28].

Неудивительно, что сложность структуры – один из первых признаков, на которые было обращено внимание советских ученых, занимающихся проблематикой правовой охраны кинофильмов. Так, М.В. Гордон указывал: «Вместе с тем нельзя признавать кинофильм только суммой этих отдельных элементов. При создании кинофильма продолжают существовать в его составе объекты, созданные в процессе подготовительной работы, но общий результат всей деятельности по созданию фильма выходит за пределы простого соединения этих объектов. <…> кинофильм нельзя рассматривать как сумму объектов, на которые существует авторское право определенных лиц»[29]. Представляется, что указанная позиция в полной мере распространяется на любой сложный объект и характеризует, в первую очередь, сложную внутреннюю структуру таких объектов.

В дальнейшем данный признак также был предметом детального исследования в доктрине. Например, А. Юмашев указывал следующее:

[23] *Савельева И.В.* Правовое регулирование отношений в области художественного творчества // М.: Изд-во Московского университета. 1986. С. 60.
[24] *Дозорцев В.А.* Право на фильм как сложное многослойное произведение // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2000. № 3. С. 65.
[25] Там же.
[26] *Барышникова К.А.* Указ. соч. С. 37–39.
[27] *Грушина Е.В.* Указ. соч. С. 28.
[28] Заключение Исследовательского центра частного права по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (редакционный материал) // Вестник гражданского права. 2007. № 3.
[29] *Гордон М.В.* Советское авторское право. М.: Госюриздат, 1955. С. 195.

«Результаты интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта не просто комбинируются друг с другом, а включаются в структуру такого объекта, который существует уже как единое целое, а не как совокупность разнородных объектов»[30]. Похожую позицию высказывал и И.Д. Озерский: «… Следующим признаком сложного объекта является единство всех его составляющих, наличие такой взаимосвязи между ними, которая позволяет всем компонентам служить единой цели, а объекту, который они образуют, быть завершенным и неделимым с точки зрения общего назначения»[31].

Признак единства и целостности результатов интеллектуальной деятельности, входящих в состав сложного объекта, является единственным не поименованным в ст. 1240 ГК РФ признаком, который признается на уровне судебной практики. Так, Верховным Судом РФ неоднократно приводилась уже упоминаемая позиция о сложном объекте как о целом едином завершенном произведении, в котором невозможность использования хотя бы одной составляющей его части повлечет утрату авторского замысла создателя сложного объекта, целостности результата интеллектуальной деятельности и невозможности его дальнейшего применения[32]. В дальнейшем эта позиция получила широкое применение в судебной практике[33].

Действительно, ключевым признаком сложного объекта можно назвать интеграцию всех его составляющих элементов в единое неделимое целое, в котором каждый элемент выполняет определенную функциональную роль. В отличие от простого объединения результатов интеллектуальной деятельности (в первую очередь, в качестве составного произведения), сложный объект характеризуется неразрывной связью всех его компонентов и общим восприятием в качестве единого объекта.

Тем самым, конституирующим признаком сложного объекта является целостность его формы (внешнее отражение признака) и сложность внутренней структуры (внутреннее отражение признака). При этом под целостностью формы сложного объекта следует понимать именно возможность его восприятия в качестве единого объекта и использования этого объекта в коммерческом обороте. В то же время под сложностью внутренней структуры следует подразумевать, во-первых, состав сложного объекта из множества разнородных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, и во-вторых, такую взаимосвязь этих элементов, которая делает возможной восприятие множества составных частей в качестве единого объекта и дальнейшее использование такого объекта, в ином случае это становится невозможным.

Дискуссионным вопросом является уровень интеграции составляющих частей и возможность их самостоятельного использования вне сложного объекта. Так, А. Амбарян указывал, что объекты, вошедшие в состав сложного произведения, продолжают сохранять свою юридическую автономность и являться объектами интеллектуальных прав[34]. Следует согласиться с указанным мнением и отметить следующее. Действительно, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, включенные в состав сложного объекта, не теряют своей правовой природы после такого включения и продолжают оставаться отдельными и самостоятельными объектами интеллектуальных прав, которые могут использоваться и вне сложных объектов. Особенно это замечание актуально для случаев, когда в состав сложных объектов включаются те результаты интеллектуальной деятельности, которые не создавались исключительно для такого использования и продолжали самостоятельно «жить» до создания сложного объекта.

[30] *Юмашев А.* Музыкальное произведение с текстом: объект или объекты авторских прав? // Интеллектуальная собственность. Авторское правое и смежные права. 2008. № 8. С 17.
[31] *Озерский И.Д.* Проблемы ограничения использования результатов интеллектуальной деятельности в составе театрально-зрелищного представления // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2019. – № 26. С. 123.
[32] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2012 г. № 45-В12-1, от 29.09.2020 № 5-КГ20-88-К2.
[33] См., например: постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 декабря 2020 г. по делу № А12-7928/2020, определение Московского городского суда от 14 декабря 2021 г. по делу № 33-25252/2021, определение Московского городского суда от 6 декабря 2023 г. по делу № 33-54772/2023 и др.
[34] *Амбарян А.* Указ. соч. С. 8.

Тем не менее те результаты интеллектуальной деятельности, которые были включены в состав сложного объекта, после такого включения уже не могут быть без ущерба изъяты из этого сложного объекта. Так, например, сложно себе представить полноценный кинофильм, из которого был изъят саундтрек, который являлся его неотъемлемой частью. Более наглядным примером может служить ситуация, когда из состава театрально-зрелищного представления изымается литературный источник – пьеса, что делает невозможным какое-либо использование театрально-зрелищного представления в принципе.

Таким образом, признак целостности формы и сложности структуры сложного объекта остается ключевым признаком, обосновывающим его правовую природу. Данный признак, разработанный изначально в юридической науке, нашел отражение и в судебной практике. Признание признака целостности подтверждает необходимость самостоятельного правового регулирования сложных объектов, потому что именно данный признак подтверждает необходимость обеспечения баланса интересов участников при создании сложных объектов.

В доктрине неоднократно отмечалось, что **многосубъектность** (наличие нескольких лиц, обладающих исключительными правами на элементы, входящие в состав сложного объекта) является еще одним признаком сложного объекта[35]. Высказывалась позиция, что для появления сложного объекта необходимо наличие как минимум трех правообладателей: двух первоначальных (на объекты интеллектуальных прав, из которых составляется сложный объект), а также собственно создателя сложного объекта[36].

На наш взгляд, участие множества лиц в создании сложного объекта не может рассматриваться в качестве его конституирующего признака. Такая многосубъектность сама по себе не влияет на рассмотренные нами признаки и не предопределяет сложность внутренней структуры такого объекта. Подобный признак сложного объекта критикует и К.А. Барышникова[37].

Наличие множества участников, необходимых для организации и создания сложного объекта, исторически можно рассматривать как одну из причин формирования института сложного объекта. Так, например, в середине XX в. М.В. Гордон отмечал, что кинофильм представляет собой результат совместной работы нескольких авторов над различными специальными объектами авторского права[38], а В.А. Дозорцев, как уже упоминалось, писал о результате коллективных (скоординированных) усилий. Следовательно, можно говорить о том, что правовой режим сложных объектов возник как ответ на необходимость урегулирования комплексных взаимоотношений между различными субъектами, участвующими в создании такого объекта.

Тем не менее в настоящее время правовая конструкция сложного объекта не предусматривает обязательное участие нескольких субъектов в его создании. В ряде случаев сложный объект может быть создан в результате творческого труда единственного автора или правообладателя (например, создание музыкантом видеоклипа на собственное музыкальное произведение с текстом); в иных случаях сложные объекты могут создаваться в результате действий различных лиц, но правообладателем такого объекта в силу закона будет единственный субъект (например, создание анимационного (мультипликационного) фильма сотрудниками в рамках служебных отношений).

Таким образом, в современных условиях создание сложного объекта не всегда сопряжено с многосубъектностью. Представляется, что многосубъектность постепенно утрачивает свое значение в качестве конституирующего признака сложного объекта, уступая место структурной сложно-

[35] См., например: *Мазур Е.А.* Указ. соч. С. 30; *Братусь Д.В.* Организационные авторские права / под общ. Ред. Б.М. Гонгало. Москва: Статут, 2022. С. 86.
[36] Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. С. 84.
[37] *Барышникова К.А.* Указ. соч. С. 35-36.
[38] В то же время М.В. Гордон не проводил четкого разграничения между сложными и составными объектами, указывая: «Произведение, состоящее из самостоятельных частей, именуют сложным или составным». См.: *Гордон М.В.* Указ. соч. С. 45, 195.

сти и взаимосвязанности множества разнородных результатов интеллектуальной деятельности.

Еще один признак сложных объектов, традиционно выделяемый в российской научной и учебной литературе, – **вхождение в исчерпывающий перечень** п. 1 ст. 1240 ГК РФ. На необходимость вхождения в такой перечень для признания объекта в качестве сложного указывали, в частности, Е.В. Грушина[39] и Ф.Р. Хайруллин[40].

Включение отдельных объектов в исчерпывающий перечень для их признания сложными, по нашему мнению, также не может являться конституирующим признаком правового режима сложных объектов. Формальное установленное законодателем ограничение сложных объектов от иных правовых режимов и объектов интеллектуальных прав не отражает сущностных характеристик данной правовой конструкции. Отсутствие в ст. 1240 ГК РФ четко закрепленных признаков сложных объектов наряду с содержанием исчерпывающего перечня делает поименованное указание таких объектов во многом случайным и не основанным на единых, системно выработанных правовых подходах. Подробнее проблема закрепления исчерпывающего перечня сложных объектов будет рассмотрена далее.

2. Исчерпывающий перечень сложных объектов в п. 1 ст. 1240 ГК РФ

Как известно, ст. 1240 ГК РФ содержит закрытый перечень сложных объектов. Сейчас в этот перечень включены: (1) кинофильм и иные аудиовизуальные произведения, (2) театрально-зрелищное представление, (3) мультимедийный продукт, (4) база данных. Вывод о закрытом характере перечня сложных объектов можно сделать на основе буквального толкования п. 1 ст. 1240 ГК РФ[41].

Однако перечень сложных объектов не всегда был именно таким. Первоначально ст. 1240 ГК РФ в проекте IV части ГК РФ выглядела совершенно иначе, претерпевая изменения при каждом чтении в Государственной Думе. Подробное изменение перечня сложных объектов представлено в таблице[42].

Анализ изменений ст. 1240 ГК РФ в этой части свидетельствует о том, что перечень сложных объектов неоднократно пересматривался на разных этапах законодательного процесса.

Несмотря на то, что первоначальные редакции п. 1 ст. 1240 ГК РФ предусматривали более разнообразный список сложных объектов (включая, например, телевизионные передачи, законченные технические агрегаты и т. д.), тем не менее сам он всегда оставался закрытым, а его изменения происходили исключительно путем точечных (и зачастую случайных) законодательных правок.

Таким образом, с момента разработки проекта IV части ГК РФ законодатель и не предполагал делать перечень сложных объектов открытым, стремясь к четкому определению объектов, подпадающих под действие ст. 1240 ГК РФ. Обоснование такого подхода можно найти в Заключении Исследовательского центра частного права, где указывалось, что в п. 1 ст. 1240 ГК РФ был приведен исчерпывающий перечень «во избежание чрезмерно широкого применения положений о сложном объекте»[43].

В совокупности все это свидетельствует, скорее, о нежелании законодателя формулировать критерии отнесения к сложным объектам. Законодатель пошел по более простому пути, установив исчерпывающий перечень конкретных объектов и исключив возможность его толкования по аналогии. Избранный законодателем подход существенно ограничил гибкость регулирования в условиях постоянного технологического прогресса.

Тем не менее определенный промежуток времени суды первой и апелляционной инстан-

[39] *Грушина Е.В.* Указ. соч. С. 28.
[40] *Хайруллин Ф.Р.* Указ. соч. С. 80.
[41] Примером открытого перечня является п. 2 ст. 1260 ГК РФ, где при перечислении различных видов составных произведений используется указание на «другие подобные произведения».
[42] Зачеркнутым текстом в таблице выделены те результаты интеллектуальной деятельности, которые были исключены из перечня сложных объектов в ходе последующего чтения приведенных законопроектов.
[43] Заключение Исследовательского центра частного права по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (редакционный материал) // Вестник гражданского права. 2007. № 3.

	Перечень сложных объектов (ст. 1240 ГК РФ)
Законопроект № 323423-4 (2006 год), первое чтение	Кинофильм, телевизионная передача, иное аудиовизуальное произведение, театрально-зрелищное представление, законченный технический агрегат
Законопроект № 323423-4 (2006 год), второе чтение	Кинофильм, иное аудиовизуальное произведение, телевизионная передача, театрально-зрелищное представление, ~~законченный технический агрегат~~, мультимедийный продукт, единая технология
Законопроект № 323423-4 (2006 год), третье чтение	Кинофильм, иное аудиовизуальное произведение, ~~телевизионная передача~~, театрально-зрелищное представление, мультимедийный продукт, единая технология
Законопроект № 47583-6 (2012 год), внесение в Государственную Думу	Кинофильм, иное аудиовизуальное произведение, театрально-зрелищное представление, мультимедийный продукт, ~~единая технология~~, базы данных, интернет-сайт, комплексный научно-технический результат
Законопроект № 47538-6/7 (2013 год), второе и третье чтение	Кинофильм, иное аудиовизуальное произведение, театрально-зрелищное представление, мультимедийный продукт, ~~единая технология~~, базы данных

ций позволяли себе расширительное толкование перечня сложных объектов. В частности, в деле № А23-4426/2009 суд апелляционной инстанции признал компакт-диск формата MP3, содержащий музыкальные произведения и фонограммы, сложным объектом. Такая практика была пресечена Высшим Арбитражным Судом РФ в 2010 г.: « … Этот вывод [о признании компакт-диска сложным объектом] не соответствует пункту 1 статьи 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации, содержащему исчерпывающий перечень сложных объектов…»[44].

Все это привело к устоявшемуся однозначному выводу в судебной практике: перечень сложных объектов содержится в ст. 1240 ГК РФ, является исчерпывающим и не может быть расширительно истолкован. Так, в разное время по этому основанию не признавались сложными объектами:

1) компакт-диск, сборник фонограмм, альбомное издание[45];

2) газета[46];

3) хореографические постановки[47];

4) вокально-хореографические произведения[48];

5) агитационный материал для выборов, содержащий фрагменты музыкальных произведений, между которыми звучат призывы голосовать[49];

6) настольная игра[50].

Несмотря на то что перечень сложных объектов изложен исчерпывающим образом, а его расширительное толкование не допускается, не все юристы согласны признавать, что он носит

[44] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 ноября 2010 г. № 10521/10 по делу № А23-4426/2009.
[45] Определение Нижегородского областного суда от 17 февраля 2015 г. по делу № 33-1295/2015.
[46] Определение Пермского краевого суда от 3 июля 2020 г. по делу № 33-3731/2020.
[47] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2012 г. № 45-В12-1.
[48] Там же.
[49] Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 октября 2012 г. № 32-АПГ12-35.
[50] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 января 2024 г. по делу № А45-34135/2022

закрытый характер. В юридическом сообществе продолжаются дискуссии о возможности расширительного толкования перечня и постоянно высказываются идеи о том, что перечень сложных объектов не должен носить исчерпывающий характер[51], а некоторые объекты (такие как большие данные[52] или объекты digital art[53]) могли бы признаваться в качестве сложных объектов интеллектуальных прав.

Существование исчерпывающего перечня сложных объектов в доктрине рассматривается как существенный недостаток данной правовой конструкции и юридической техники. Так, А.Ю. Копыловым решение законодателя называется «искусственным», поскольку, по его мнению, признакам сложных объектов могут соответствовать и иные, не поименованные в п. 1 ст. 1240 ГК РФ, а некоторые поименованные объекты не отвечают критериям сложного объекта[54].

Высказывались идеи о том, что гибкость толкования понятий «аудиовизуальное произведение», «мультимедийный продукт» и «театрально-зрелищное представление» позволяют относить многие непоименованные объекты, включая объекты digital art, к сложным объектам[55]. Подобный подход был использован в деле № А12-10588/2021, где речь шла о неправомерном использовании виртуальных туров, представляющих собой сборники панорам, в которых был использован ряд фотографических произведений. Коллегия судей кассационной инстанции пришла к выводу о том, что виртуальные туры, в защиту которых был подан иск, представляют собой сложные объекты, а именно мультимедийные продукты[56]. Признание совокупности фотографических произведений мультимедийным продуктом и, соответственно, сложным объектом представляется весьма спорным. Искусственное расширение закрытого перечня сложных объектов через признание их таковыми на основании категорий, не имеющих законодательного определения (в первую очередь имеются в виду мультимедийные продукты), создает правовую неопределенность и затрудняет прогнозируемость судебной практики.

Тем не менее такие предложения и подходы свидетельствуют о назревшей проблеме исчерпывающего перечня сложных объектов и демонстрируют попытку адаптировать существующий правовой режим к новым видам непоименованных объектов. Однако вместо подготовки системного решения на законодательном уровне, в настоящее время правоприменитель вынужден прибегать к замысловатым механизмам обхода существующих императивных норм. В связи с этим считаем целесообразным наряду с указанием выделенных нами признаков предусмотреть открытый перечень сложных объектов, аналогичный конструкции п. 2 ст. 1260 ГК РФ о составных произведениях, что позволит сделать правовой режим более определенным, а правовое регулирование – более гибким и эффективным.

3. Участники отношений и принципы распределения прав на сложный объект

Ключевой фигурой всего правового режима сложных объектов является лицо, организовавшее создание сложного объекта (далее – организатор). При этом положения ГК РФ не раскрывают данного понятия, а на основании положений ст. 1240 ГК РФ нельзя однозначно определить, кто именно может выступать в качестве организатора и какие действия он должен предпринять.

Определенные разъяснения были даны в п. 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»: под лицом, организовавшим создание сложного объекта, следует понимать лицо, ответственное за организацию процесса созда-

[51] См., например: *Амбарян А.* Указ. соч. С. 14; *Копылов А.Ю.* Указ. соч. С. 80; *Мазур Е.А.* Указ. соч. С. 29.
[52] *Аюшеева И.З.* Большие данные: проблемы определения гражданско-правового режима. Lex russica. 2023. Т. 76. № 10. С. 130. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.203.10.125-134
[53] *Снопкова А.В.* Указ. соч. С. 63.
[54] *Копылов А.Ю.* Указ. соч. С. 87.
[55] *Снопкова А.В.* Указ. соч. С. 64.
[56] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 августа 2022 г. по делу № А12-10588/2021.

ния такого объекта, в частности лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за создание соответствующего объекта (например, продюсер). Интересно, что данное определение организатора не претерпело изменений с момента его закрепления в совместном постановлении Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Представляется, что под организатором как законодатель, так и правоприменитель, в первую очередь, понимает такое лицо, которое готово взять на себя значительные организационные, финансовые и другие затраты, необходимые для создания сложного объекта. При этом отсутствие каких-либо дополнительных разъяснений позволяет сделать следующий вывод: в настоящее время не установлено ограничений в отношении организационно-правовой формы юридического лица, выступающего в качестве организатора, а также не предусмотрены запреты на выполнение данной функции физическим лицом.

Среди ученых высказывалась позиция о том, что наличие организатора является еще одним конституирующим признаком сложного объекта[57]. Так, Ф.Р. Хайруллин указывал, что в случае отсутствия организатора, нормы ст. 1240 ГК РФ применяться не должны[58]. Данный подход представляется неверным, поскольку исключает случаи создания объектов, подпадающих под выделенные нами признаки, единственным лицом. Как отмечалось ранее при анализе признака многосубъектности, искусственное сужение сферы применения правового режима сложных объектов представляется неоправданным. В настоящее время нельзя отрицать возможность создания таких объектов без участия организатора или без вовлечения множества субъектов в классическом понимании. Подобного мнения придерживается и К.А. Барышникова: «Сущность объекта не может быть поставлена в зависимость от того, как был организован процесс его создания»[59].

Конструкция, предусмотренная действующим законодательством, подразумевает, что деятельность организатора не является творческой, следовательно, организатор – это однозначно не автор[60]. На отсутствие творческого характера в деятельности организатора неоднократно указывалось и в доктрине[61]. Статья 1240 ГК РФ четко разграничивает понятия организатора и автора результата интеллектуальной деятельности, входящего в состав сложного объекта. Тем не менее отсутствие законодательных ограничений позволяет признать, что физическое лицо также может самостоятельно создать сложный объект, обладая исключительными правами на все входящие в его состав результаты интеллектуальной деятельности. Тем самым, в российском праве нет формальных препятствий для ситуации, при которой организатор создания сложного объекта и автор входящих в его состав результатов совпадают в единственном лице.

Статья 1240 ГК РФ указывает на возможный способ создания сложного объекта путем организации его создания организатором, которому принадлежат права на вошедшие в сложный объект результаты интеллектуальной деятельности. Спорным является вопрос о том, можно ли считать названный способ создания сложного объекта единственным. Так, вряд ли можно утверждать, что из формулировки «лицо, организовавшее создание сложного объекта …, приобретает право использования [включенных в него] результатов на основании договоров» следует, будто сложный объект не может быть создан иным способом, включая самостоятельную творческую деятельность автора, о чем шла речь выше. А значит, организация его создания неким организатором-продюсером не является квалифицирующим признаком сложного объекта, а таковой продюсер не

[57] См., например: *Озерский И.Д.* Указ. соч. С. 123.
[58] *Хайруллин Ф.Р.* Указ. соч. С. 80.
[59] *Барышникова К.А.* Указ. соч. С. 36.
[60] *Рожкова М.А.* Сложный объект интеллектуальных прав: постановка вопросов и поиск ответов.
[61] *Хайруллин Ф.Р.* Указ. соч. С. 80; *Снопкова А.В.* Указ. соч. С. 66.

является единственным возможным его правообладателем[62].

Именно организатор (при его наличии), занимающий координирующую роль в создании сложного объекта, аккумулирует права на составные результаты интеллектуальной деятельности. Положения ст. 1240 ГК РФ содержат диспозитивные нормы о том, что:

1) при неопределенности типа договора организатора с правообладателем специально включаемого в сложный объект результата интеллектуальной деятельности такой договор будет считаться договором об отчуждении исключительного права (абз. 2 п. 1 ст. 1240 ГК РФ);

2) если организатор заключил лицензионный договор с правообладателем включаемого в сложный объект результата интеллектуальной деятельности, то он будет считаться заключенным на весь срок и в отношении всей территории действия соответствующего исключительного права (абз. 3 п. 1 ст. 1240 ГК РФ).

При этом условия лицензионного договора, ограничивающие использование результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта[63], недействительны (п. 2 ст. 1240 ГК РФ).

Такая концепция была призвана, в первую очередь, упростить коммерческий оборот сложных объектов, обеспечивая их юридическую целостность и исключая ситуации, при которых отдельные авторы имели бы правовые механизмы блокировать использование таких объектов из-за разногласий в распределении прав. О дополнительной поддержке прав лица-организатора писал и В.А. Дозорцев: «… Обладателю права на комплексное многослойное произведение должно принадлежать право и на использование всех его элементов. Такого правообладателя, после того как он приобрел право на элементы, уже нельзя поставить в зависимость от произвола каждого участника разнородной творческой деятельности, имеющего свои индивидуальные права. … Всех творцов сложного, комплексного результата нельзя ставить в зависимость от произвола одного из них – интересы каждого из участников не должны быть подвержены риску, связанному с судьбой прав другого участника, все они должны находиться в равном положении»[64].

Анализ статьи 1240 ГК РФ показывает, что законодателем была предпринята попытка сформировать самостоятельный правовой режим сложных объектов. Тем не менее избранный законодателем способ юридической техники свидетельствует о том, что ст. 1240 ГК РФ регулирует лишь определенные аспекты распоряжения исключительными правами. При этом основные положения не относятся ни к понятию сложного объекта как предмета правового регулирования, по поводу которого закон регламентирует отношения, ни к его правовому режиму. Единственная норма, которая может быть отнесена к эффективному регулированию отношений по поводу сложных объектов – это запрет на отзыв произведения до его обнародования (п. 2 ст. 1269 ГК РФ), что, действительно, снимает возможное препятствие к их использованию.

В то же время указанные права и обязанности основных субъектов, которые регулируются в ст. 1240 ГК РФ, возникают, как правило, до появления самого сложного объекта, тем самым регулирование этих отношений фактически остается вне пределов ст. 1240 ГК РФ.

Таким образом, законодатель, руководствуясь не вполне очевидными основаниями и без четко сформулированных признаков, выделил из общего массива результатов интеллектуальной деятельности, возникающих в результате объединения нескольких самостоятельных охраноспособных элементов, ограниченный перечень объектов, отнесенных к категории «сложных». При этом единственной целью такого выделения стало закрепление особых диспозитивных норм, регулирующих порядок приобретения (аккумулирования) прав на данные объекты.

Более того, в ситуации, когда включаемый в сложный объект результат интеллектуальной деятельности создается юридическим лицом (что

[62] Подробнее о многосубъектности как о признаке сложного объекта речь шла в п. 1 настоящего исследования.
[63] По всей видимости, имеются в виду условия, ограничивающие способы использования.
[64] *Дозорцев В.А.* Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей. С. 147–148.

характерно для разработки «единого, но сложного, комплексного и многослойного результата, состоящего из множества разнородных объектов» в терминологии В.А. Дозорцева), закрепленное в ст. 1240 ГК РФ правило о приобретении исключительного права на такой объект организатором его создания фактически дублирует норму п. 1 ст. 1296 ГК РФ «Произведения, созданные по заказу».

В этой связи представляется, что регламентация получения прав на включаемые в сложный объект результаты интеллектуальной деятельности не является достаточной причиной их выделения в отдельную категорию. Тем более, что данная категория выделена без достаточно четкого обособления от других объектов, тоже осложненных использованием в их составе нескольких результатов интеллектуальной деятельности.

Данная регламентация могла бы быть уточнена или предусмотрена в рамках положений об отдельных видах договоров[65] без необходимости создания специального правового режима. Представляется, что в настоящий момент в отсутствие определения конституирующих признаков при одновременном закреплении исчерпывающего перечня сложных объектов актуальность ст. 1240 ГК РФ в существующем виде продолжает оставаться невысокой как для практики и гражданского оборота, так и для подробного научного исследования.

Исправить сложившуюся ситуацию и сформировать действительно эффективный механизм правового регулирования сложных объектов нам представляется возможным с учетом уже имеющейся развитой законодательной базы и доктринальной проработанности данного вопроса в Российской Федерации. Основной путь дальнейшего совершенствования положений о сложных объектах, на наш взгляд, сводится к закреплению открытого перечня в ст. 1240 ГК РФ, установлению основных конституирующих признаков таких объектов и более четкому разграничению прав между участниками. Внедрение указанных мер обеспечит гибкость правового регулирования, которое покажет свою эффективность в условиях постоянного технологического развития.

4. Зарубежный опыт

Исследование сложных объектов, как и любого иного комплексного явления, было бы неполным без учета зарубежного опыта. Однако сравнительно-правовой анализ показывает, что Россия в этом отношении обладает определенной уникальностью, выделяя объекты данной категории в качестве отдельного феномена. В других юрисдикциях задачи, которые в российском правопорядке решаются через концепцию сложных объектов, как правило, регулируются иными правовыми механизмами.

США и концепция «work for hire». В США отсутствует специальное регулирование категории сложных объектов, аналогичной российскому праву. Вместо этого используется специфический инструмент – концепция «work for hire»[66] (работа по найму). Основная особенность этого механизма заключается в том, что автором и правообладателем всех существующих авторских прав становится лицо, нанявшее творца для создания произведения или его части (как правило, таким лицом выступает работодатель или заказчик; как физическое, так и юридическое лицо). Это представляет собой исключение из общего принципа, согласно которому автором признается лицо, непосредственно создавшее произведение.

Для признания произведения, созданного «по найму», необходимо наличие либо трудовой функции, либо соответствие одному из девяти вариантов произведений, указанных в американском законодательстве, наряду с письменным согласием[67]. Практически это означает, что если все стороны согласны с тем, что произведение создается как работа по найму, то формируется единый объект, право на который принадлежит организатору. Если такого консенсуса нет, то речь идет скорее о «комплексном» произведении, состоящем из

[65] Заметим, что, например, сложные вещи выделяются в законе не для того, чтобы регламентировать отношения по поводу их создания (с этим справляются известные общие договорные конструкции), а для того, чтобы обеспечить их оборот.
[66] 17 U.S.C. § 101
[67] Эти варианты включают, в частности, коллективное произведение, кинофильм или другое аудиовизуальное произведение, перевод, дополнительное произведение (supplementary work), сборник, учебные тексты, тесты и атласы.

множества частей. Однако и в первом, и во втором случае право на целое не поглощает права на отдельные части, поскольку любое право может быть разделено и передано отдельно.

Континентальный подход. В странах континентальной правовой системы подход иной. Общий подход заключается в следующем: признается, что некоторые произведения (например, кинофильм) могут состоять из отдельных произведений, которые имеют большее или меньшее значение. Однако правовая природа таких произведений определяется тем, что структурные элементы взаимно адаптированы, интегрированы и дополняют друг друга, создавая не просто совокупность, а самостоятельный результат, который не сводится к сумме частей. Концептуально такие объекты признаются едиными, а его создатели – соавторами[68]. Дальнейшее регулирование остается на откуп конкретных юрисдикций.

В Германии авторами считаются все, кто внес творческий вклад, при этом организатор получает специальное sui generis право на коммерческую эксплуатацию кинофильма, действующее в течение 50 лет после его первого обнародования. При этом, поскольку авторские права сохраняются, любые решения о судьбе произведения и иные возникающие вопросы должны приниматься коллективно. Исключение составляют права на оригинальное произведение (роман), сценарий и музыку для фильма, которые остаются неизменными в силу прямого указания закона.

В то же время во Франции произведения дифференцируется в зависимости от характера соавторства на коллективные произведения (L'œuvre collective) и произведения сотрудничества (L'œuvre de collaboration)[69]. При этом произведения сотрудничества создаются несколькими лицами, которые совместно получают авторские права на итоговый результат, в то время как коллективные произведения[70] создаются по заказу организатора, а соавторы не получают авторские права на произведение в целом, сохраняя права только на собственную часть[71]. Интересно, что по французскому праву аудиовизуальные произведения относятся к произведениям сотрудничества, в то время как мультимедийные продукты – к коллективным произведениям[72]. В этой системе оба объекта рассматриваются не как единые произведения, а скорее, как «комплексные» объекты.

Подходы Германии и Франции в достаточной степени различны, что вызвано, прежде всего, фундаментальным различием между монистической и дуалистической теориями: в первой авторское право считается единым, неделимым и непередаваемым, а во второй оно представлено как совокупность имущественных и неимущественных прав, при этом отчуждаемыми являются только последние. Тем самым, французское право решает первую проблему, связанную с множественностью авторов, но при этом оставляет без внимания вторую – связанную с многосоставностью такого объекта и его оборотом, оставляя это на волю договорного права.

Очевидно, что специальное законодательное регулирование, посвященное вопросам авторства и консолидации прав, в первую очередь касается кинофильмов и иных аудиовизуальных произведений. Иные виды результатов интеллектуальной деятельности, которые в России признаются сложными объектами, не имеют отдельного правового режима и рассматриваются в судебной практике лишь по отдельным вопросам.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что многие проблемы, возникающие в сфере интеллектуальных прав, в за-

[68] См. Подробнее: *Greco P.* Die Filmwerke, ihre Struktur und ihre Stellung in Überrecht / P. Greco. – Germany: Verlag für angewandte Wissenschaften Baden-Baden, 1958.

[69] Intellectual Property Code of France. No. 92–597. July 1, 1992. Сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности в разделе «Документы ВОИС». URL: http://www.wipo. int/wipolex/en

[70] Классическими примерами коллективных произведений считаются энциклопедии, словари и произведения периодической печати. См. Подобнее *Stamatoudi I.* Copyright and Multimedia Products: A Comparative Analysis. Cambridge University Press. 2002. P. 196–203.

[71] См. подробнее: *Котенко Е.С.* Авторские права на мультимедийный продукт: монография. – Москва: Проспект, 2014. – С. 12.

[72] См.: Ste Havas Interactive v. Francoise Casaril, Court of Appeal (Paris), 4e Chambre, 28 April 2000, [2001] 187 RIDA 314. См.: Stamatoudi I. A. Op. cit. P. 202.

рубежных юрисдикциях решаются индуктивным путем – через разрешение отдельных споров, без системной доктринальной проработки. В результате такое регулирование часто носит фрагментарный, ad hoc характер: правовая система реагирует на появление конкретных объектов (например, фотографии или кинофильмы), а не создает унифицированный правовой механизм. В то же время российское право выделяет самостоятельный институт, обеспечивающий единое регулирование сложных объектов.

Заключение

Подводя итог первой части нашего исследования, следует отметить, что концепцию сложного объекта можно справедливо рассматривать в качестве значительного достижения российской юридической науки, которой удалось выделить и концептуализировать правовую природу сложного объекта интеллектуальных прав. В отличие от зарубежных юрисдикций, где аналогичные объекты нередко рассматриваются исключительно как разновидности охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (для регулирования некоторых разрабатываются ad hoc нормы в законодательстве), то в российском праве на основе заложенной в доктрине идеи о существовании «комплексных и многослойных» объектов получилось осмыслить правовую конструкцию сложного объекта и закрепить ее в виде самостоятельного института.

При этом в контексте IV части ГК РФ сложный объект не просто представляет собой категорию интеллектуальных прав, но и формирует самостоятельный правовой режим, регулирующий (или, по крайней мере, должен регулировать) порядок аккумулирования прав на такой объект[73]. Специфика данного правового режима заключается в том, что его регулирование направлено не на отдельные составляющие, а на объект в целом, что призвано обеспечить правовую определенность в вопросах коммерческого оборота таких объектов. Несмотря на это, действующий механизм аккумулирования прав не оптимален и требует дальнейшей проработки, поскольку он не учитывает разнообразие способов создания сложных объектов и возможные модели взаимодействия между организатором и авторами (при их наличии).

Безусловно, в настоящее время формирование правового режима сложных объектов в российском праве нельзя назвать завершенным. С момента введения в действие IV части ГК РФ в правовом регулировании сложных объектов существуют серьезные пробелы, а в настоящее время уже назрела необходимость дальнейшего совершенствования ст. 1240 ГК РФ с учетом указанных недостатков, что позволило бы сделать институт сложных объектов более широко применяемым на практике. Однако сам факт закрепления такого правового режима, направленного на достижение баланса интересов различных участников (как авторов, так и организаторов) при создании отдельных результатов интеллектуальной деятельности, демонстрирует высокий потенциал российской правовой науки и ее способность к формированию оригинальных теоретических и прикладных решений в области интеллектуальных прав, которые позволяют субъектам и правоприменителю адаптироваться к изменяющимся технологическим и экономическим реалиям.

В настоящей статье были рассмотрены общие положения, посвященные правовому режиму сложных объектов, их основным признакам, а также вопросам аккумулирования прав на сложный объект и входящих в его состав результаты интеллектуальной деятельности. Специальные положения регулирования института сложных объектов, а также анализ отдельных результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть квалифицированы в качестве сложных, требуют детального изучения и будут рассмотрены в следующей части данного исследования.

[73] В контексте этого является очевидным тот факт, что сложные объекты отсутствуют в перечне результатов интеллектуальной деятельности в ст. 1225 ГК РФ. Сложный объект – не просто «собирательное понятие», а отдельный правовой режим. Подробнее про идею «собирательного понятия» см.: *Костенко М.А., Яровая В.В.* Правовой режим сложных объектов в аспекте модернизации гражданского законодательства России // Власть Закона. – 2016. – № 1 (25). С. 110–111.

Список литературы:

1. Авторское право и смежные права: учебник / Под ред. И.А. Близнеца. – 2-е изд., перераб. И доп. – Москва : Проспект, 2015. – 456 с.
2. *Амбарян А.* Сложные объекты авторских прав // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 4. – С. 7–14.
3. *Аюшеева И.З.* Большие данные: проблемы определения гражданско-правового режима. Lex russica. 2023. Т. 76. № 10. С. 125–134. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.203.10.125-134
4. *Барышникова К.А.* Интеллектуальные права на объекты хореографического искусства: учебное пособие / К.А. Барышникова. – Санкт-Петербург: Лань: Планета музыки, 2023. – 132 с.
5. *Братусь Д.В.* Организационные авторские права / под общ. Ред. Б. М. Гонгало. Москва: Статут, 2022. 234 с.
6. *Гордон М.В.* Советское авторское право. М.: Госюриздат, 1955. – 232 с.
7. *Грушина Е.В.* Сложные объекты как новая категория // Законодательство. – 2009. – № 2. С. 26–31.
8. *Дозорцев В.А.* Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей / Исслед. центр частного права. – М.: «Статут», 2003. – 416 с.
9. *Дозорцев В.А.* Право на фильм как сложное многослойное произведение // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2000. № 3. С. 62–73.
10. *Дубов А.В.* Особенности правовой природы сложного объекта интеллектуальных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2023. Вып. 3 (41). С. 127–133. DOI: 10.58741/23134852_2023_3_13
11. Заключение Исследовательского центра частного права по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (редакционный материал) // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 120–130.
12. *Копылов А.Ю.* Проблемы квалификации сложных объектов интеллектуальных прав // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 6. С. 75–90.
13. *Костенко М.А., Яровая В.В.* Правовой режим сложных объектов в аспекте модернизации гражданского законодательства России // Власть Закона. – 2016. – № 1 (25). – С. 107–116.
14. *Котенко Е.С.* Авторские права на мультимедийный продукт: монография. – Москва : Проспект, 2014. – 128 с.
15. *Мазур Е.А.* Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта. Монография. М.: АПКиППРО, 2012. 126 с.
16. *Озерский И.Д.* Проблемы ограничения использования результатов интеллектуальной деятельности в составе театрально-зрелищного представления // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2019. – № 26. – С. 121–129.
17. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – 512 с.
18. *Рожкова М.А.* Верное понимание терминов «составное произведение», «сайт» и «контент сайта» как условие правильного разрешения спора // Комментарий практики рассмотрения арбитражных споров (судебно-арбитражной практики). Вып. 28 / Отв. ред. В.М. Жуйков. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2021. С. 78–88.
19. *Рожкова М.А.* Сложный объект интеллектуальных прав: постановка вопросов и поиск ответов [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2025. 14 января. URL: https://zakon.ru/blog/2025/1/14/slozhnyj_obekt_intellektualnyh_prav_postanovka_voprosov_i_poisk_otvetov
20. *Савельева И.В.* Правовое регулирование отношений в области художественного творчества // М.: Изд-во Московского университета. 1986. 141 с.
21. *Снопкова А.В.* Проблемы правовой охраны объектов digital art // Право цифровой экономики – 2022 (18): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. д.ю.н. М.А. Рожкова. – Москва: Статут, 2022. – 414 с. – (Анализ современного права / IP & Digital Law). С. 62–97.

22. *Хайруллин Ф.Р.* Понятие и признаки сложного объекта в части четвертой ГК РФ // Бизнес в законе. – 2011. – № 5. – С. 79–81.
23. *Хайруллин Ф.Р.* Понятие и признаки сложного объекта в части четвертой ГК РФ // Современное право. – 2012. – № 2. С. 56–58.
24. *Юмашев А.* Музыкальное произведение с текстом: объект или объекты авторских прав? // Интеллектуальная собственность. Авторское правое и смежные права. 2008. № 8. С. 14–20.
25. *Greco P.* Die Filmwerke, ihre Struktur und ihre Stellung in Überrecht / P. Greco. – Germany: Verlag für angewandte Wissenschaften Baden-Baden, 1958.
26. *Stamatoudi I.* Copyright and Multimedia Products: A Comparative Analysis. Cambridge University Press. 2002.

Научная статья
УДК 347.78

Для цитирования:
Васильева А.С. Влияние искусственного интеллекта на личные неимущественные права в составе интеллектуальных прав и их защиту // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). С. 43–50.
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_4
For citation:
Vasilyeva A.S. The impact of artificial intelligence on personal non-property rights within intellectual property rights and its protection // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. June. N 2 (48). Pp. 43–50. (In Russ.).
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_4

DOI: 10.58741/23134852_2025_2_4

Влияние искусственного интеллекта на личные неимущественные права в составе интеллектуальных прав и их защиту

А.С. Васильева,[1]
аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета
г. Санкт-Петербург, Россия
Author ID 1215387

Данная статья посвящена проблеме влияния искусственного интеллекта на личные неимущественные права в составе интеллектуальных прав и их защиту. Предметом исследования являются российские нормативно-правовые акты, доктринальные положения российских и зарубежных ученых по вопросу искусственного интеллекта и личных неимущественных прав авторов. Целью работы выступает формирование научного представления о влиянии искусственного интеллекта на личные неимущественные права в составе интеллектуальных прав и их защиту. В процессе написания работы использовались такие методы, как метод единства и дифференциации, метод правового моделирования, анализ, синтез, абстрагирование. На основе анализа делается вывод о том, что в качестве автора работы, созданной с использованием

[1] Научный руководитель А.Г. Демиева, д.ю.н., профессор кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

искусственного интеллекта, может быть пользователь, разработчик или сама технология. Защита личных неимущественных прав авторов-людей может осуществляться при помощи использования технических средств. В свою очередь, искусственный интеллект может использоваться для поиска несанкционированного использования творческих работ авторов-людей.

Ключевые слова:
искусственный интеллект; личные неимущественные права; автор; правообладатель; обучение искусственного интеллекта

В связи с развитием искусственного интеллекта (далее – ИИ) и возникающими по этой причине массовыми нарушениями интеллектуальных прав, неурегулированностью вопроса определения автора произведений, созданных с применением искусственного интеллекта, назрела необходимость выявления воздействия новой технологии на сферу интеллектуальных прав, в том числе личных неимущественных прав. Искусственный интеллект является предпосылкой для изменения правового поля всех без исключения стран мира, также он имеет определенный эффект и на право интеллектуальной собственности. Однако в Российской Федерации вопросы влияния ИИ на сферу личных неимущественных прав авторов пока не нашли большого отклика в работах отечественных ученых. При этом данная проблематика ставит перед нами ряд вопросов. Во-первых, кто должен быть указан в качестве автора в случае применения ИИ в процессе создания работы? Во-вторых, как должны защищаться личные неимущественные права в случае использования для обучения ИИ объектов авторских прав? В-третьих, как уже сам ИИ может быть полезен авторам творческих работ для выявления нарушений их личных неимущественных прав? Все из представленных вопросов подлежат освещению в данной статье.

Прежде чем перейти к рассмотрению вышеперечисленных вопросов личных неимущественных прав в контексте применения ИИ и формулированию предложений по их решению, следует понять, что представляет собой ИИ.

Определение ИИ закреплено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Национальная стратегия). Однако помимо представленного определения ИИ, иные трактовки содержатся в так называемом Законе об искусственном интеллекте (далее – Закон)[2] и в ряде государственных стандартов по направлению «Искусственный интеллект»[3]. Не будем детально рассматривать терминологию, представленную в Законе и в государственных стандартах, так как Закон устанавливает ограниченный временной период действия экспериментального правового режима – 5 лет и действует только в городе федерального значения Москве, государственные стандарты имеют конкретные области применения. При этом важно подчеркнуть, что определение ИИ уже проработано и закреплено в официальных российских источниках.

Под ИИ в Национальной стратегии понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их[4]. Фактически в опре-

[2] Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ (последняя редакция).

[3] Стандарты по направлению «Искусственный интеллект» // Росстандарт. URL: https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/aistandarts (дата обращения: 25 марта 2025 г.).

[4] Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15 февраля 2024 г.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»).

делении указывается на результаты, получаемые в процессе функционирования ИИ и отличные от результатов интеллектуальной деятельности человека. Следовательно, данные результаты уже не созданы творческим трудом человека, а получены самим ИИ в процессе работы. Из-за этого можно предполагать, что автором данных результатов будет выступать не человек, а сам ИИ. Эта оценка дана на перспективу, пока зависимость ИИ от человека четко прослеживается. При этом творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств[5]. Таким образом, представленное определение ИИ указывает на два вида результатов, которые могут быть получены при работе с ИИ: результат интеллектуальной деятельности и результат деятельности ИИ. Поэтому и личные неимущественные права также должны рассматриваться в двух контекстах: личные неимущественные права человека (здесь тоже возникает проблема определения какого именно человека – разработчика или пользователя ИИ) и неимущественные права самого ИИ (эти права могут возникнуть в перспективе, в процессе усложнения функций ИИ и в минимизации зависимости технологии от человека). Последнее является совершенно новой конструкцией, не встречавшейся ранее в российском законодательстве и правоприменительной практике.

В праве интеллектуальной собственности существуют два ключевых, но не единственных субъекта: автор и правообладатель. Правообладателем выступает гражданин или юридическое лицо, обладающее исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации[6]. Следовательно, данный субъект извлекает коммерческую выгоду от использования результата интеллектуальной деятельности, он распоряжается исключительным правом, что может приносить ему материальное вознаграждение.

Автором, в свою очередь, может быть только гражданин, т.е. человек. Именно этот субъект обладает личными неимущественными правами. К личным неимущественным правам относятся право авторство, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения и право на отзыв. Список довольно большой, но ИИ не обладает сейчас и в ближайшем будущем не будет обладать правосубъектностью, чтобы наделить его данными правами. Однако стоит остановиться на праве авторства и праве автора на имя. Для работ, созданных с применением ИИ, необходимо указание (маркировка) на это. Не будучи автономным и разумным в том понимании, что ИИ не будет защищать свои права, добиваться того, чтобы содержалось указание на «имя» ИИ (название программы, модели, обновления), такая маркировка важна для нас, людей. Нам необходимо знать, что результат создан ИИ или с его применением, это влияет на возможность повторения данного результата при определенных условиях. К таковым относятся одинаковый промт (запрос от человека), модель, обновление ИИ и одни и те же обучающие материалы. О последних будет подробнее написано далее.

Стоит отметить, что в научных работах ИИ относят иногда к квазисубъектам[7]. Таким образом, полагаем целесообразным установить «квазиимущественное право» ИИ на указание названия программы, модели, обновления с возложением обязанности на разработчика включения данных указаний при формировании ИИ ответа на запрос. Представляется, что для разработчиков это не является чем-либо обременительным. Уже сейчас при работе на определенных сайтах в случае копирования информации автоматически появляется указание на имя автора, название работы, год опубликования и название журнала, в некоторых случаях ссылка на сайт в сети Интернет, где опубликовано данное произведение.

[5] Пункт 80. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

[6] Статья 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 22 июля 2024 г.).

[7] *Пономарева Е.В.* Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Екатеринбург – 2019. 208 с. С. 86–105.

Как уже было отмечено, ИИ не действует автономно, т.е. быть автором он не может. Автором может быть или разработчик, или пользователь. В юридической доктрине представлены аргументированные позиции как за наделение статусом автора таких объектов разработчика, так и пользователя. Рассмотрим более подробно данные аргументы. Функция разработчика заключается в создании самого ИИ, в его тренировке на определенных наборах данных. Пользователь при этом дает команду, задачу, а иногда и корректирует работу ИИ. Например, в отечественной литературе Э.П. Гаврилов отмечает, что на произведение, созданное электронно-вычислительной машиной, авторское право должно признаваться за разработчиком, даже если он сам не мог предсказать конечного результата[8]. С другой стороны, В.С. Витко акцентирует, что деятельность разработчика (создатель машинного интеллекта) не носит творческий характер, поэтому он не может быть автором[9]. А.М. Пушков не разделяет позицию в исключительном наделении лишь разработчика или только пользователя статусом автора сгенерированных ИИ результатов. Отмечается, что если автором выступает только пользователь, то это могло бы не соответствовать соотношению прилагаемых пользователем усилий, часто не имеющих творческого характера, и получаемых результатов, которые достигаются из-за заложенных в программу алгоритмов или действию внешних случайных факторов[10]. Р. Диас Мартинс предлагает такой подход разрешения данного вопроса: «Быть может, лучший вариант – предусмотреть право правообладателя юнита ИИ требовать предустановленный одноразовый платеж, согласно договору условий использования платформы, для того чтобы пользователь мог эксплуатировать произведение»[11]. Представляется, что такой подход через материальный интерес разработчика будет более подходящим, так как учитываются интересы всех участников, задействованных в процессе создания результата с применением ИИ.

При согласии с позицией А.М. Пушкова и Р. Диас Мартинс представляется, что законодателю в перспективе стоит выработать сбалансированный подход в данной сфере. Наиболее целесообразным будет закрепление за пользователем интеллектуальных прав, в том числе личных неимущественных прав, на результат, созданный с использованием ИИ, при условии, что пользователь осуществит выплату за пользование сайтом с внедренным ИИ. Это будет так называемым «входным билетом», дающим право создавать определенные результаты любым человеком с помощью новых технологий, а также позволяющим коммерциализировать полученный результат, т.е. осуществить передачу исключительного права.

Итак, на основе проведенного анализа можно сделать промежуточный вывод о том, какие сведения (указания) должны содержаться при генерации ИИ результата:

1) результат создан с помощью ИИ (название программы, модели, обновления);

2) имя человека, сформировавшего запрос (промт);

3) наименование организации или имя конкретного разработчика, вложившего в ИИ алгоритмы и т.д.

В зарубежной литературе также отмечается, что возможно распространение формы «обязанности по маркировке», т.е. указывать на то, что работа создана ИИ[12]. Относительно последнего из составляющих, представляется, что оно не является обязательным, в пользовательском согла-

[8] *Гаврилов Э.П.* Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития / отв.ред. В.А. Рассудовский. – М.: Наука, 1984. 222 с. С. 137.

[9] *Витко В.С.* Творчество – это дело человека // Искусственный интеллект: благо или вред для авторского права: сборник докладов Научной школы авторского права Московского университета имени А.С. Грибоедова. – Москва : Издательская группа «Юрист», 2022. 128 с. С. 6–52.

[10] *Пушков А.М.* Проблемы охраны авторских прав в условиях развития технологий искусственного интеллекта // Искусственный интеллект: благо или вред для авторского права: сборник докладов Научной школы авторского права Московского университета имени А.С. Грибоедова. – Москва : Издательская группа «Юрист», 2022. 128 с. С. 102–109.

[11] *Диас Мартинс Р.* Авторство без автора: правовые аспекты произведений, созданных ИИ // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51, No 4. С. 143–152; DOI: 10.17323/tis.2024.23978

[12] *Miernicki M., Ng (Huang Ying) I.* Artificial intelligence and moral rights. AI & Soc 36, 319–329 (2021). https://doi.org/10.1007/s00146-020-01027-6

шении может быть предусмотрено, что пользователь вправе использовать результат без указания наименования организации, разработавшей ИИ. В случае с именем конкретного разработчика возможно аналогичное положение.

Предложенный вариант является идеальным и труднореализуемым. Не секрет, что сейчас ИИ может пользоваться любой желающий, никакой регистрации и платы не требуется. Возникает вопрос: как определить, кто является пользователем? Ответ видится в авторизации пользователя на сайте, с последующим автоматическим проставлением имени пользователя на сгенерированном результате. В случае если авторизации не было, а результат был сгенерирован, то следует указывать номер работы. Бремя доказывания того, что конкретный пользователь формулировал запрос, должно лечь на этого пользователя.

Вторым вопросом рассматриваемой проблемы является то, как должны защищаться личные неимущественные права в случае использования для обучения ИИ объектов авторских прав.

Под обучением понимается процесс, в ходе которого человек учит (настраивает) ИИ выполнять задачи и получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, посредством обработки наборов данных, включающих охраняемые авторскими правами произведения, которые воспроизводятся и перерабатываются в процессе генерации ИИ новых результатов[13]. Терминология данного определения основывается на Национальной стратегии. Результат только сопоставим с результатами интеллектуальной деятельности человека, так как пока неясно, когда результаты деятельности ИИ будут превосходить результаты интеллектуальной деятельности людей. В научной литературе отмечается: «… Тот факт, что в процессе переработки произведений на них накладывался шум, они были искажены, можно прийти к выводу о том, что из всех личных неимущественных прав автора в рассматриваемом случае было нарушено право на неприкосновенность произведения в значении ст. 1266 ГК РФ»[14]. Таким образом, можно выделить, что при обучении ИИ происходит нарушение как личного неимущественного права, так и исключительного права.

Ключевая проблема состоит в том, что ИИ не похож в работе с мозгом человека[15]. Следовательно, говорить о том, что загруженные данные будут использоваться ИИ для вдохновения, по аналогии с вдохновением человека, не представляется возможным. Эти данные будут использоваться либо «в чистом виде» (без какой-либо переработки), либо в виде переработанном, но очень схожем с первоначальными результатами. Об этом, например, свидетельствует тот факт, что авторы творческих работ стали массово подавать иски к разработчикам ИИ по причине обучения технологии на их творческих работах[16]. Данный пример приведен для демонстрации того, что результаты ИИ очень схожи с творческими работами, на которых их обучали, и заметить это достаточно легко. Не будем останавливаться на вопросе о том, как законно использовать объекты авторских прав для обучения ИИ, так как это выходит за рамки данного исследования. Более важен вопрос, как защитить личные неимущественные права автора.

В Гражданском кодексе Российской Федерации содержится статья, посвященная техническим средствам защиты авторских прав. Представляется уместным размещать дополнительные автоматические маркировки на объекты, которые публикуются в сети Интернет. Далее будет приведен краткий перечень технических средств защиты, который содержится на официальном сайте На-

[13] *Васильева А.С.* Использование объектов авторских прав для обучения искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. Декабрь. № 4 (46). С. 80–84. DOI: 10.58741/23134852_2024_4_8

[14] *Чебодаева В.А.* Контент, сгенерированный нейросетью: кто виноват и что делать? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2023. № 4 (42). С. 46–58. DOI: 10.58741/23134852_2023_4_5

[15] Study shows that the way the brain learns is different from the way that artificial intelligence systems learn. 3 Jan 2024 // University of Oxford. URL: https://www.ox.ac.uk/news/2024-01-03-study-shows-way-brain-learns-different-way-artificial-intelligence-systems-learn (дата обращения: 26 марта 2025 г.).

[16] *Brittain B.* OpenAI defeats news outlets' copyright lawsuit over AI training, for now. November 8, 2024 // Reuters. URL: https://www.reuters.com/legal/litigation/openai-defeats-news-outlets-copyright-lawsuit-over-ai-training-now-2024-11-07/ (дата обращения: 27 марта 2025 г.).

ционального реестра интеллектуальной собственности (далее – НРИС). Так, могут быть использованы коды, которые запрещают копировать текст со страницы сайта; водяной знак – изображение или текст с данными автора или правообладателя, его логотип и ссылка на сайт; алгоритмы, которые при копировании изображения, документа или текста со страницы сайта, автоматически добавляют ссылку на сайт-источник и т.д.[17] Однако не стоит забывать, что данные технические средства не являются обязательными к применению, их наличие или отсутствие не служит основанием для отказа в охране и защите интеллектуальных прав.

Необходимо также осуществлять определенное указание для ИИ на обязательность упоминания имени автора, названия произведения и года его опубликования. Так, автор (правообладатель) при размещении своего произведения на сайте в сети Интернет может сделать такое указание в виде записи в конце текста. Другим способом может являться запись на недопустимость копирования материала. Эти указания могут быть приняты ИИ как запрет, появляется шанс, что данный объект не будет незаконно использоваться далее. Безусловно, такой вариант является специфичным, а также не может быть универсальным, так как накладывает обязательство на авторов (правообладателей) снабжать результаты дополнительной информацией. Однако в борьбе за творчество с ИИ возможно и осуществление такого способа. С другой стороны, это борьба не человека и машины, а не достигнутая пока согласованность между авторами творческих работ, правообладателями и разработчиками ИИ. Важна выработка правовых моделей решения проблемы несанкционированного использования объектов авторских прав для обучения технологии. Это может быть обучение на произведениях, перешедших в общественное достояние, расширение случаев свободного использования произведений, заключение договора об отчуждении исключительного права или лицензионного договора[18].

Далее предлагается перейти к рассмотрению последнего выделенного вопроса, затрагивающего личные неимущественные права в контексте развития ИИ. Данная технология может быть эффективным средством в процессе выявления нарушений личных неимущественных прав. В докладе Д. Коллопи отмечается, что ИИ является полезным способом фильтрации и инструментом, помогающим человеку проводить анализ, ускоряя выявление контента, нарушающего права правообладателей[19]. В Японии планируется применение систем распознавания изображений и текстов на базе ИИ для обнаружения пиратского контента[20]. На сайте НРИС также предлагается воспользоваться услугой системы «Антипиратство». При помощи данной системы возможно отслеживать размещение объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет и в автоматическом режиме направлять досудебные претензии нарушителям[21]. Применение ИИ в данном случае значительно сокращает поиск нарушений интеллектуальных прав.

Также ИИ может быть полезен для выявления несанкционированного использования фрагментов работ других авторов. Стоит отметить, что заимствования могут происходить несколькими способами: копирование чужих фрагментов работ без изменений и без указания первоисточника; перевод с одного языка на другой без указания первоисточника; пересказ (перифраз) авторских предложений без ссылки на первоисточник.

[17] Технические средства защиты авторских прав. Опубликовано: 19 апреля 2023. Актуально на: 23 октября 2024 // n`RIS. URL: https://nris.ru/blog/tehnicheskie-sredstva-zashity-avtorskih-prav/?ysclid=m4l1dojiso129100503 (дата обращения: 27 марта 2025 г.).

[18] *Васильева А.С.* Использование объектов авторских прав для обучения искусственного интел лекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. Декабрь. № 4 (46). С. 80–84. DOI: 10.58741/23134852_2024_4_8

[19] *Коллопи Д.* Искусственный интеллект и защита прав интеллектуальной собственности: обзор проблем и перспектив // Искусственный интеллект и защита прав интеллектуальной собственности. WIPO/ACE/16/15. 12 января 2024 г. Консультативный комитет по защите прав // wipo.int. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/enforcement/ru/wipo_ace_16/wipo_ace_16_15.pdf (дата обращения: 25 марта 2025 г.).

[20] Японский искусственный интеллект возьмется за защиту манги и аниме. 10 декабря 2024 // Национальное бюро экспертизы интеллектуальной собственности. URL: https://national-expertise.ru/blog/yaponskij-iskusstvennyj-intellekt-vozmyotsya-za-zashchitu-mangi-i-anime/ (дата обращения: 26 марта 2025 г.).

[21] Антипиратство – автоматизированная система поиска и фиксации незаконно размещенного контента в интернете // n`RIS. URL: https://nris.ru/antipiracy/ (дата обращения: 25 марта 2025 г.).

Представляется, что это наиболее частые неэтичные заимствования. Относительно художественных произведений Бхарати Баладжи, советник по налогообложению в Vakilsearch, отмечает, что алгоритмы распознавания изображений анализируют визуальные особенности и закономерности, присутствующие на изображениях, для идентификации материалов, защищенных авторским правом, и обнаружения случаев несанкционированного использования или модификации[22].

Таким образом, ИИ выступает инструментом, который используется для выявления нарушений в сфере интеллектуальных прав, в том числе личных неимущественных прав. При этом использование ИИ может значительно ускорить, как сам процесс поиска данных нарушений, так и эффективность такого поиска по причине наличия огромного количества наборов данных и умению самообучаться, то есть самосовершенствоваться в процессе работы. Однако важно отметить, что использование ИИ всегда должно осуществляться под контролем человека, как единственно разумного, рационального и независимого субъекта.

Подводя итог данной работе, важно сказать, что результаты исследования могут быть использованы для совершенствования законодательства, правоприменительной практики в сфере искусственного интеллекта и права. Основные положения могут быть использованы при дальнейшем изучении правового регулирования ИИ в сфере права интеллектуальной собственности. Новизна работы состоит в предложенной автором позиции по разрешению трех вопросов проблемы личных неимущественных прав в контексте ИИ.

Во-первых, в качестве автора работы, созданной с использованием ИИ, может быть пользователь, разработчик или сам ИИ. Последний вариант является гипотетическим, так как законодательно установлено, что автором может быть исключительно физическое лицо. Однако с развитием технологии и усложнением ее функциональных возможностей такой вариант может стать актуальным и нуждающимся в более детальном рассмотрении. На данный момент наиболее приемлемым будет закрепление за пользователем интеллектуальных прав, в том числе личных неимущественных прав, на результат, созданный с использованием ИИ, при условии, что пользователь осуществит выплату за пользование сайтом с внедренным ИИ.

Во-вторых, защита личных неимущественных прав авторов-людей может осуществляться при помощи использования кодов, которые запрещают копировать текст со страницы сайта; водяного знака – изображение или текст с данными автора или правообладателя, его логотип и ссылка на сайт; алгоритмов, которые при копировании изображения, документа или текста со страницы сайта, автоматически добавляют ссылку на сайт-источник. Также возможно делать указания для ИИ на обязательность включения информации об авторе при генерации результата.

В-третьих, ИИ может использоваться для поиска несанкционированного использования творческих работ авторов-людей. Так, был рассмотрен опыт Японии и национальный опыт применения ИИ при работе с системой «Антипиратство».

В дальнейшем исследователям необходимо более детально рассмотреть весь спектр применения ИИ с позиции каждого личного неимущественного права автора. Также стоит выработать точную формулировку, указывающую на применение ИИ при создании результата. Необходимо учитывать технические возможности и комплексно подходить к решению поставленной проблемы.

Список литературы:

1. *Васильева А.С.* Использование объектов авторских прав для обучения искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. Декабрь. № 4 (46). С. 80–84. DOI: 10.58741/23134852_2024_4_8
2. *Витко В.С.* Творчество – это дело человека // Искусственный интеллект: благо или вред для авторского права: сборник докладов Научной школы авторского права Московского университета имени А.С. Грибоедова. – Москва : Издательская группа «Юрист», 2022. 128 с. С. 6–52.

[22] *Bharathi Balaji.* The Role of AI in Detecting Copyright Violations: The Complete Details // vakilsearch.com. URL: https://vakilsearch.com/blog/ai-in-detecting-copyright-violations/ (дата обращения: 27 марта 2025 г.).

3. *Гаврилов Э.П.* Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития / отв. ред. В.А. Рассудовский. – М.: Наука, 1984. 222 с. С. 137.
4. *Диас Мартинс Р.* Авторство без автора: правовые аспекты произведений, созданных ИИ // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51, No 4. С. 143–152; DOI: 10.17323/tis.2024.23978
5. *Пономарева Е.В.* Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Екатеринбург – 2019. 208 с. С. 86–105.
6. *Пушков А.М.* Проблемы охраны авторских прав в условиях развития технологий искусственного интеллекта // Искусственный интеллект: благо или вред для авторского права: сборник докладов Научной школы авторского права Московского университета имени А.С. Грибоедова. – Москва : Издательская группа «Юрист», 2022. 128 с. С. 102–109.
7. *Чебодаева В.А.* Контент, сгенерированный нейросетью: кто виноват и что делать? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2023. № 4 (42). С. 46–58. DOI: 10.58741/23134852_2023_4_5
8. *Miernicki M., Ng (Huang Ying) I.* Artificial intelligence and moral rights. AI & Soc 36, 319–329 (2021). https://doi.org/10.1007/s00146-020-01027-6

Научная статья
УДК 347.77

Для цитирования:
Осокин А.В. Влияние искусственного интеллекта на развитие правовой охраны баз данных в современном мире // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). С. 51–69.
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_5
For citation:
Osokin A.V. The impact of artificial intelligence on the development of legal protection of databases in the modern world // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. June. N 2 (48). Pp. 51–69. (In Russ.).
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_5

DOI: 10.58741/23134852_2025_2_5

Влияние искусственного интеллекта на развитие правовой охраны баз данных в современном мире

А.В. Осокин,
аспирант кафедры предпринимательского права Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, победитель конкурса «IP&IT LAW – 2025»
г. Москва, Россия
ORCID 0000-0002-2392-6813
ID РИНЦ 1144009

Целью настоящей статьи является определение подходящего правового режима охраны базы данных, созданной с использованием искусственного интеллекта, с учетом иностранного опыта, проблем правовых режимов охраны произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта, а также их влияния на правовую охрану таких базы данных. В статье анализируются основные способы защиты баз данных ИИ (авторско-правовая охрана, право sui generis на базы данных, патентно-правовая охрана, иные способы защиты (секрет производства, договоры, антимонопольные средства защиты, технические решения); автор предлагает рассмотреть целесообразность внедрения специального режима охраны баз данных, созданных при использовании искусственного интеллекта). Автор приходит к выводу о преждевременности распространения интеллектуально-правовой охраны на результаты функционирования искусственного интеллекта, равно как и отстаивает позицию об отсутствии необходимости в выработке специального правового режима охраны результатов функционирования искусственного интеллекта. При этом автор отмечает, что наиболее приемлемым способом защиты баз данных, созданных при помощи искусственного интеллекта, является использование иных способов защиты (секрет производства, договоры, антимонопольные средства защиты, технические решения), которые не предполагают публично-правового вмешательства и могут быть использованы совместно с техническими средствами защиты.

Ключевые слова:
база данных; искусственный интеллект; авторско-правая охрана; право sui generis; патентная охрана; секрет производства; антимонопольная защита

Введение

Происходящие на рынке искусственного интеллекта (далее – ИИ) кардинальные изменения, связанные с появлением новых моделей ИИ (DeepSeek, Qwen 2.5-Max, Kimi k-1.5), уже оказывают влияние на структуру рынка ИИ, а в перспективе окажут влияние на возможности монетизации произведений, созданных при помощи ИИ, включая формирование правового режима охраны таких произведений. Подтверждается тезис В. Ландеса и Р. Познера о необходимости анализа и постепенного реформирования законодательства о защите интеллектуальной собственности в рамках происходящих экономических изменений, которые обусловлены диктатом экономической эффективности[1]. Действительно, сама по себе необходимость правовой охраны произведений, равно как и влияние технологических изменений на такой правовой режим, напрямую зависят от возможностей по монетизации соответствующих произведений. Проще говоря, «американская» модель ИИ является более инвестиционноемкой в отличие от нарождающейся «китайской» модели ИИ: победа в этом противостоянии, вероятно, предопределит дальнейший вектор развития правового режима охраны результатов функционирования ИИ.

Особого внимания заслуживает вопрос влияния ИИ на правовую охрану баз данных. В настоящий момент базы данных, с одной стороны, являются источником для генерации контента, а с другой – выступают в качестве результата функционирования ИИ. Именно поэтому – в условиях неопределенности правового режима охраны баз данных, созданных ИИ, объема баз данных для целей правовой охраны отдельных элементов системы ИИ (например, охраны параметров модели машинного обучения (model weights), базы данных промптов и т.п.), а также постепенного изменения экономической модели ИИ – необходимо определить подходящий способ защиты и определить пределы его действия.

1. База данных ИИ как объект права

Основной проблемой правовой охраны базы данных ИИ является отсутствие единообразия в определении ее понятия для целей правовой охраны. В странах континентального права (например, в Германии, России, Франции) база данных охраняется как право, смежное с авторским[2]. В иных правопорядках базы данных охраняются по иным моделям (например, в Европейском союзе (далее – ЕС) для баз данных создан sui generis правовой режим охраны, в Швеции, которая является родиной права sui generis на базы данных, они также могут охраняться как секреты производства, а в Великобритании был заимствован европейский подход с учетом английской специфики, которая предполагает необходимость собственной оценки критериев охраноспособности базы данных[3]). В то же время американский подход не отклоняется от стандарта, выработанного в деле Feist Publications v. Rural Telephone Service[4], где судами был предложен повышенный стандарт правовой охраны произведений в части соблюдения критерия оригинальности и авторства; в результате сформировавшегося подхода Feist'a базы данных в США являются неохраноспособными[5]. Поэтому европейское регулирование и следующие ему правопорядки в части возможности правовой охраны баз данных являются в настоящее время образцовыми.

---

[1] *Landes W.M., Posner R.A.* The Economic Structure of Intellectual Property Law. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2003. P. 4.

[2] См.: ст. 1260, 1334 Гражданского кодекса РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (часть I). Ст. 5496; art. L112-3 (2), L341-1-342-5 Code de la propriété intellectuelle 1992; §§ 4, 87a-87e Urheberrechtsgesetz 1965 (далее – UrhG).

[3] Английские правоведы ставят вопрос относительно соблюдения требований о значительных инвестициях в получение, проверку или представление содержимого базы данных в контексте обучения модели ИИ. По их мнению, при решении данных вопросов необходимо ориентироваться на еще не сформированную практику английских судов (*Bond T., O'Hara L., Wortley W., Jameson A., Deniston K.* Comparative Law Perspective: United Kingdom // International Handbook of AI Law: A Guide to Understanding and Resolving the Legal Challenges of Artificial Intelligence / ed. by *M. Artzt, O. Belitz, S. Hembt, N. Lölfing*. Wolters Kluwer, 2025. P. 628).

[4] Feist Publications, Inc. v. Rural Tel. Serv. Co., 499 U.S. 340 (1991).

[5] При этом создатели баз данных предпочитают комбинировать способы защиты прав на базу данных, избегая использования права sui generis и т.п. Так, они одновременно могут использовать авторско-правовую охрану в отношении элементов своей базы данных, полагаться на договорные механизмы защиты базы данных, а также обращаться к существующим техническим решения.

Если обратиться к определению базы данных, то устанавливаются следующие признаки для квалификации совокупности информации как базы данных: (i) самостоятельность данных и материалов, подлежащих объединению, (ii) систематическая или методическая упорядоченность, (iii) доступность по отдельности, (iv) осуществление доступа при помощи электронных либо иных средств (art. 1 (2) of the EU Directive in the legal protection of databases, 1997 (далее – Directive, Директива). Аналогичное определение дублируется в § 87a(1) UrhG и L112-3 (1) Code de la propriété intellectuelle. В то же время для правовой охраны базы данных устанавливаются дополнительные критерии, которые будут рассмотрены далее[6].

Для определения базы данных как объекта правовой охраны необходимо разграничить ее со схожим объектом – программой для ЭВМ. В связи со схожестью компьютерной программы и базы данных ИИ обратимся к позиции В.А. Корнеева, который предлагает ставить охраноспособность произведений, сгенерированных компьютером, в зависимость от творческого характера и объективной формы такого произведения, поскольку программа для ЭВМ представляет собой инструмент, с помощью которого человек достигает определенного результата[7]. Может ли данная позиция быть экстраполирована на базы данных ИИ? Представляется, что не в полной мере, поскольку технологическое развитие ИИ может привести к пересмотру устоявшихся концепций.

В европейском регулировании прямо установлено, что компьютерные программы не могут охраняться по праву sui generis, а также становиться частью произведения базы данных (art. 1 (3) of Directive, § 4 (2) UrhG). Аналогичную позицию поддерживают и немецкие ученые. По мнению D. Linke, безотносительно типа искусственного интеллекта [*«сильного» или «слабого» искусственного интеллекта – А.О.*] базы данных, равно как и программы для ЭВМ, созданные при помощи ИИ, не могут являться объектом правовой охраны в качестве смежного права, поскольку их функционирование зависит от отдельных команд и инструкций[8]. Действительно, зависимость баз данных и компьютерных программ, созданных ИИ, от человека исключает их авторско-правовую охрану.

При этом технический прогресс приводит к появлению новых типов произведений, в том числе созданных ИИ, что позволяет поставить вопрос об их охраноспособности. Так, речь идет о базах данных «второго поколения» (базы знаний, реляционные базы данных), отличительной характеристикой которых является наличие структурированной формы. Действительно, само по себе существование неструктурированных (нетворческих) и структурированных (творческих) баз данных ставит под вопрос невозможность охраноспособности таких объектов. Использование ИИ в управлении базами данных выводит данную сферу на качественно новый уровень, обеспечивая пользователю различную степень функционального воздействия на базу данных с помощью ИИ, что может стать поводом для наделения более «сильным» правовым режимом охраны такого произведения, полученного с помощью ИИ[9].

В любом случае доктрина указывает на существование трех типов данных – данных, созданных и специально используемых ИИ, больших данных, а также данных, охраняемых авторским правом; при этом любой тип данных, касающийся как больших данных, так и данных, охраняемых авторским правом, может рассматриваться в качестве

[6] Обратим внимание, что немецкий законодатель использует термин «база данных» как в § 4, так и в § 87a UrhG, хотя в конечном итоге требования к охраноспособности (как в рамках авторского, так и в рамках права sui generis) являются одинаковыми.

[7] *Корнеев В.А.* Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав. Автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2010. С. 8.

[8] *Linke D.* „Künstliche Intelligenz“ und Urheberrecht – Quo vadis?: Schriften zum geistigen Eigentum und zum Wettbewerbsrecht. Band 130 / hrsg. Von C. Berger, H.-P. Götting. Nomos, 2021. S. 203–204.

[9] Неслучайно китайские эксперты выделяют 5 уровней воздействия и преобразования базы данных при помощи ИИ: (i) база данных, созданная при содействии ИИ (AI-advised database), (ii) база данных со встроенным движком ИИ (AI-assisted database), (iii) гибридная база данных с поддержкой ИИ (AI-enhanced database), (iv) гетерогенная база данных (AI-assembled database), (v) база данных, созданная исключительно ИИ (AI-designed database) (*Li G., Zhou X., Li S. XuanYuan*. An AI-Native Database // IEEE Data Engineering. 2019. P. 72). Наличие многообразных технических решений в области ИИ не должно быть проигнорировано со стороны законодательства об охране интеллектуальной собственности, поскольку иное может привести к дестимуляции деятельности в области создания баз данных при помощи ИИ.

данных, созданных и специально использованных ИИ, если они организованы, в том числе в форме базы данных, для целей использования ИИ[10]. Необходимо дифференцировать категории данных, поступающих в систему ИИ для целей ее функционирования и создания баз данных: если речь идет о данных из публичных источников или данных, предоставляемых государственными органами, то целесообразно исходить из политики открытых данных, равно как и обеспечить унификацию таких данных (баз данных) для улучшения их совместимости; когда речь идет о данных, поступающих из частных источников, целесообразно выявить их правовой режим во избежание ряда правовых рисков (например, нарушения положений о защите персональных данных, критического значения такой информации, необходимости использования антимонопольного законодательства и т.п.[11]). При этом существующее регулирование в сфере защиты персональных данных, которые могут использоваться при функционировании ИИ, необходимо подстраивать под реалии ИИ, например, в части допустимости профилирования конкретных лиц, равно как и прилагать усилия для гармонизации режима в области персональных данных сообразно требованиям ИИ на международном уровне.

Здесь особого внимания заслуживает вопрос охраноспособности параметров модели машинного обучения. В сущности, данный элемент ИИ представляет собой наиболее востребованную часть системы ИИ, защита которой, в условиях противостояния «китайской» и «американской» моделей ИИ, приобретает особое значение. При этом существуют, по крайней мере, две проблемы, связанные с тем, что, во-первых, параметры модели машинного обучения имеют числовое выражение, а во-вторых, отсутствует контроль над генерацией произведений.

Кроме того, сама по себе возможность признания параметров модели машинного обучения базой данных является неоднозначной в свете судебной практики ЕС. В деле Fixtures v. OPAP Европейский суд справедливости занял оригиналистскую позицию, истолковав положения Директивы буквально[12]. Он обозначил, что всякая база данных должна включать в себя систематическое или методическое расположение, что, однако, не всегда характерно для параметров модели машинного обучения. В более позднем деле Freistaat Bayern v. Verlag Esterbauer GmbH[13] был избран интернационалистский подход к толкованию Директивы: база данных существует в силу существования третьих лиц, заинтересованных в использовании такой базы данных и воспринимающих содержащийся в параметрах материал как имеющий ценность (критерий законного интереса). Очевидно, что второй подход в большей мере соответствует текущей ситуации на рынке ИИ, в результате чего отдельные элементы также заслуживают правовой охраны.

Необходимо указать на возможность признания характера базы данных за совокупностью промптов. Отдельно взятый промпт не будет подлежать охране как база данных, что, однако, не исключает возможности признания за ним авторско-правовой охраны при наличии достаточного уровня оригинальности. В то же время для признания охраноспособности за базой данных, состоящей из промптов для ИИ, необходимо учитывать как количественный, так и качественный критерии. По мнению S. Hembt и J. Smeets, к качественным критериям относятся (i) индивидуальный характер промпта, (ii) упорядоченность, а не хаотичность промптов в базе данных, (iii) наличие значительных инвестиций как финансового, так и нефинансового характера; к количественному – наличие значительного количества промптов (например, несколько десятков)[14]. Следовательно, практически любой связанный с функционированием ИИ компонент может быть признан базой данных при соблюдении ряда критериев. С учетом складывающейся практики наличие ценности у любого объекта,

[10] *Liu K.-C., Zheng S.* Protection of and Access to Relevant Data – General Issues // Artificial Intelligence and Intellectual Property / ed. by J.-A. Lee, R. Hilty, K.-C. Liu. Oxford University Press, 2021. P. 368.
[11] *Liu K.-C., Zheng S.* Op. cit. P. 376.
[12] Case C-444/02, Fixtures Marketing Ltd v Organismos prognostikon agonon podosfairou AE (OPAP), 9 November 2004.
[13] Case C-490/14, Freistaat Bayern v. Verlag Esterbauer GmbH, 29 October 2015.
[14] *Hembt S., Smeets J.* Intellectual Property Law // International Handbook of AI Law: A Guide to Understanding and Resolving the Legal Challenges of Artificial Intelligence / ed. by *M. Artzt, O. Belitz, S. Hembt, N. Lölfing*. Wolters Kluwer, 2025. P. 423–424.

структурированного как база данных, дает ему возможность правовой охраны, по крайне мере, в формате права sui generis на базу данных.

Практически любое произведение, созданное при помощи ИИ или самим ИИ, а также имеющее такие характеристики, как (i) самостоятельность данных и материалов, подлежащих объединению, (ii) упорядоченность, или структурированность, данных, а в некоторых случаях – (iii) наличие ценности базы данных для третьих лиц, может рассматриваться как база данных и выступать как подлежащая правовой охране база данных. При этом определение модели правовой охраны базы данных ИИ является дискуссионным вопросом.

2. Охрана базы данных ИИ по модели авторского права

Основной целью авторского права является предоставление правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности, полученным в результате творческого процесса, а также их распространение в отношении неопределенного круга лиц. В случае с использованием результатов применения искусственного интеллекта возникает, в сущности, аналогичная проблема, связанная с необходимостью предоставления или непредоставления правовой охраны таким результатам. Как отмечает Е.А. Павлова, основным фактором, который необходим для признания того или иного результата объектом авторских прав, является творческий характер[15]. Аналогичные требования могут предъявляться и в отношении произведений, созданных при помощи ИИ, включая базы данных ИИ.

Данная позиция подтверждается правовой позицией Европейского суда справедливости, который отмечает, что структура базы данных должна охраняться авторским правом, если она является оригинальной; под оригинальностью понимается такой отбор или расположение содержимого, который является результатом свободного и творческого выбора автора, оставляющего в произведении свой личный отпечаток (творческая база данных; поэтому нетворческая база данных, необходимость создания которой продиктована техническими соображениями, не подлежит авторско-правовой охране)[16]. Обстоятельства, связанные с творческим характером базы данных, а также личным (авторским) вкладом, являются основным препятствием на пути к авторско-правовой охране нетворческих баз данных ИИ[17], что, однако, не умаляет их экономической, технической и научной ценности. Кроме того, сам по себе авторско-правовой режим представляется не в полной степени соответствующим природе базы данных ИИ, поскольку целью авторско-правовой охраны произведения является защита творческого вклада, а не инвестиций, вложенных в создание произведения. Рассмотрим ряд проблем авторско-правового режима охраны более подробно.

2.1. Критерии охраноспособности базы данных ИИ

Как отмечает Я. Казеева, базы данных ИИ не могут быть объектом авторского права, поскольку они не соответствуют критериям авторства и оригинальности произведения[18]. На первый взгляд, данная позиция может показаться верной. Действительно, в европейской и американской практике нетворческие базы данных ИИ не являются объектом авторского права: авторско-правовой охране подлежат лишь творческие базы данных ИИ.

Европейский подход сводится к тому, что база данных ИИ создается не человеком, а программой, что исключает возможность соблюдения критерия авторства. Кроме того, в создании, эксплуатации и защите базы данных ИИ наличествует существенный финансовый интерес. Так, в немецком праве непреложной догмой является то, что автором произведения должен быть человек, поскольку

[15] Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. *Е.А. Павлова*. М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. С. 196 (автор комментария к статье – Е.А. Павлова).
[16] Case C-604/10 Football Dataco Ltd and others v Yahoo and others, 1 March 2012.
[17] Как верно отмечает *C. Sappa*, фактически авторское право распространяется только на творческие базы данных, а, с учетом функционального характера такого произведения, требования оригинальности, предъявляемые к творческим базам данных, крайне трудно удовлетворить, в том числе и системам ИИ (*Sappa C.* How data protection fits with the algorithmic society via two intellectual property rights – a comparative analysis // Journal of Intellectual Property Law&Practice. 2019. Vol. 14. Issue 5. P. 407–410).
[18] *Kazeeva I.* Sui Generis Intellectual Property Protection: Comparison of EU and U.S. Regulatory Approaches. Springer, 2024. P. 77.

именно он вправе осуществлять творческий труд; ИИ же воспринимается в качестве инструмента в руках создателя произведения, который принимает творческие решения, характеризующие произведение[19]. Если же рассматривать ИИ в качестве автора произведения, то происходит одновременное несоблюдение критериев авторства и оригинальности произведения: в первом случае автором может являться исключительно физическое лицо либо группа лиц, но не инструмент, выступающий в настоящее время объектом правового регулирования; во втором же случае авторско-правовая охрана применяется лишь в отношении выдающихся произведений ИИ[20]. С учетом того, что чаще всего база данных является способом управления и оптимизации информации, то предоставление «сильного» авторского права является чрезмерным для защиты таких результатов функционирования ИИ.

На европейском уровне был выработан стандарт оригинальности, который предъявляется ко всем результатам интеллектуальной деятельности, а не исключительно к объектам авторского или смежного права. Так, Европейский суд справедливости исходит из того, что оригинальность результата интеллектуальной деятельности достигается через специально избранную последовательность творческих элементов, выражающую интеллектуальный потенциал конкретного автора[21]. Данная позиция свидетельствует о том, что правоприменение постепенно повышает стандарты, предъявляемые к охраноспособности результатов интеллектуальной деятельности, включая базы данных ИИ, с целью ограничения сферы действия авторского права во избежание чрезмерной охраны результатов, не имеющих творческой ценности.

Более строгий подход был избран американским правопорядком. Так, американские суды полностью отрицают охраноспособность базы данных, в том числе базы данных ИИ, на том основании, что авторское право не защищает простые инвестиции и, следовательно, простую информацию. В этой связи базы данных должны быть исключены из сферы авторско-правовой охраны, если они не проходят проверку на оригинальность безотносительно инвестиций как финансового, так и нефинансового характера (мастерство, умения, труд и т.п.)[22]. В целом, европейское и американское право имеет схожую методологию решения проблемы охраноспособности базы данных ИИ, поскольку не допускают широкого распространения авторского права. Для целей определения охраноспособности базы данных ИИ допустимо предложить тест на охраноспособность: во-первых, необходимо определить соответствие произведения, созданного ИИ, требованиям, предъявляемым к базе данных; а во-вторых – определить наличие творческого элемента в структуре базы данных ИИ.

Может сложиться впечатление, что китайское право отличается от консервативных западных правопорядков: в Китае происходит постепенное признание охраноспособности баз данных ИИ. Как отмечает А. Гуадамуз, китайские суды постепенно приходят к тому, что на базу данных, созданную ИИ при помощи человека, возникают определенные права, даже если такая база не подлежит авторско-правовой охране по критерию оригинальности[23]. В то же время подобное решение китайского суда, по моему мнению, может объясняться следующими причинами. Во-первых, китайское право вынужденно признает авторское право на такие произведения, поскольку у них, в отличие от ЕС, отсутствует право sui generis на базы данных – китайский суд прямо намекает на то, что необходима разработка специального правового режима, основанного на критерии инвестиций. Во-вторых, национальные правопорядки Европы допускают авторско-правовую охране творческих баз дан-

[19] *Elter S.* Künstliche Intelligenz und kreative Erzeugnisse. Schutz von KI-geschaffenen Erzeugnissen // Digitalisierung, Automatisierung, KI und Recht. Festgabe zum 10-jährigen Bestehen der Forschungsstelle RobotRecht / hrsg. *S. Beck, C. Kusche, B. Valerius*. Nomos, 2020. S. 185–186.

[20] По мнению M. Leistner, объектом авторского права могут признаваться лишь особо выдающиеся базы данных ИИ, однако, авторско-правовая охрана не должна предоставляться для целей создания комбинированных и оптимизированных наборов обучающих данных (*Leistner M.* Protection of and Access to Data under European Law // Artificial Intelligence and Intellectual Property / ed. by *J.-A. Lee, R. Hilty, K.-C. Liu*. Oxford University Press, 2021. P. 386).

[21] Case C-5/08 Infopaq International A/S v Danske Dagblades Forening, 16 July 2009.

[22] *Sappa C.* Op. cit. P. 407-410

[23] *Guadamuz A.* Do Androids Dream of Electric Copyright? Comparative Analysis of Originality in Artificial Intelligence Generated Works // Artificial Intelligence and Intellectual Property / ed. by *J.-A. Lee, R. Hilty, K.-C. Liu*. Oxford University Press, 2021. P. 171.

ных, которые, однако, составляют меньшую часть из генерируемых ИИ баз данных. Можно предположить, что китайское право в аспекте охраноспособности базы данных ИИ заимствует решения, уже существующие в иностранных правопорядках. В любом случае во всех правопорядках базы данных ИИ, в частности, нетворческие базы данных, чаще всего оказываются неохраноспособными. При этом авторско-правовая охрана вряд ли станет массовой применительно к базам данных ИИ.

2.2. Проблемы модели авторско-правовой охраны базы данных ИИ

Несмотря на то что авторское право является самым «сильным» правовым режимом охраны результатов интеллектуальной деятельности[24], оно сталкивается с рядом проблем, соприкасаясь с результатами функционирования ИИ. Немецкая доктрина отмечает нерешенность вопроса реальной потребности рынка в существовании авторско-правовой охраны базы данных ИИ[25]. Действительно, происходящие в настоящее время изменения на рынке ИИ, очевидно, приведут к переоценке критерия инвестиций применительно к правовой охране базы данных ИИ, поскольку китайская модель ИИ свидетельствует о том, что инвестиции могут оказаться не столь значительными, как в американской модели ИИ при идентичном либо превосходящем качестве генерируемого контента. В настоящем случае охраноспособность базы данных ИИ также находится в уязвимом положении: необходимость столь сильной охраны может отпасть.

Существует три модели поведения законодателя в отношении авторско-правовой охраны базы данных ИИ. Во-первых, допустимо отказаться от антропоцентричного подхода к авторству и признать законным авторство системы ИИ (как квазиюридического лица либо иного субъектного состояния) (первая модель). Во-вторых, возможно признание результатов функционирования ИИ не подлежащими правовой охране по модели авторского права, признав, однако, возможность иных форм их правовой охраны (например, права sui generis на базы данных) (вторая модель). В-третьих, возможно создание специального правового режима охраны данных, созданных при помощи ИИ (третья модель).

Вероятно, первая модель поведения законодателя, допускающая авторство ИИ на базы данных, является нецелесообразной как с теоретической, так и с практической точек зрения. Политико-правовая аргументация, нацеленная на признание правосубъектности или ее элементов за системой ИИ, может пошатнуть догматические основания системы гражданского права, что в конечном итоге, не решит проблемы правового режима охраны результатов интеллектуальной деятельности ИИ в силу black box problem, объясняющей невозможность прогнозирования поведения ИИ, а равно и невозможности адаптации правого режима охраны контента ИИ. С практической точки зрения, нецелесообразно включать все базы данных ИИ в орбиту авторского права, поскольку подобный подход рискует дестабилизировать рынок данных за счет необоснованного усиления правового режима такого рода произведений.

Кроме того, авторско-правовая охрана базы данных ИИ рискует столкнуться с проблемой нарушения правовых режимов охраны данных при их обработке. Так, разработка ИИ может быть связана с нарушением авторских и иных прав, если она заключается в создании хотя бы одной базы данных, включающей в себя сведения, защищенные авторским правом, в силу возможности несанкционированного воспроизведения оригинальной структуры базы данных. Р. Мейс приводит примеры нарушения авторского права при разработке базы данных ИИ: на подготовительной стадии существует риск полного копирования содержания и структуры базы данных, на этапе извлечения данных нарушение будет иметь

[24] Следуя общемировым тенденциям, авторское право на базы данных ИИ в Великобритании имеет крайне узкое действие, касающееся только тех баз данных, которые представляют собой интеллектуальное творение, предполагающее наличие оригинальных элементов отбора или расположения информации. Как отмечают английские юристы, такая узкая сфера действия авторского права в отношении баз данных ИИ в Великобритании обусловлена тем, что автор или правообладатель вправе запретить осуществление дальнейших действий с данными или базой данных, включая запрет на создание копий и оопубликованы баз данных без его согласия (*Bond T., O'Hara L., Wortley W., Jameson A., Deniston K.* Op. cit. P. 624).

[25] *Linke D.* Ibidem. S. 253.

место при копировании одной или нескольких оригинальных структур базы данных; при этом на этапе рекомбинации определить несанкционированное воспроизведение будет невозможно в силу невозможности определения исходной структуры базы данных[26]. Иначе говоря, широкое использование авторского права в отношении базы данных рискует привести к увеличению числа случаев нарушения авторских прав при обработке базы данных, выступающих в качестве исходной структуры формирования базы данных ИИ.

Отказ от авторско-правовой охраны базы данных ИИ может быть обоснован с той точки зрения, что базы данных, составленные государственными органами, не являются результатом интеллектуальной деятельности, следовательно, они являются публичным достоянием ab initio. Как отмечает М. Лейстнер, допускается ограничение сферы раскрытия базы данных государственных органов лишь при отсутствии прямой правовой или политической заинтересованности, а предоставление доступа целесообразно ограничить лишь в случаях, связанных с необходимостью повышения динамической эффективности базы данных[27]. В целом, возможна экстраполяция данного решения на базы данных ИИ, однако, как отмечает Г. Ното Ла Диега, вопрос охраноспособности ИИ носит политико-правовой характер, поскольку решение об объявлении всего контента ИИ общественным достоянием может дестимулировать развитие систем ИИ в связи с отсутствием правовых гарантий коммерциализации такого контента[28].

Стоит возразить позиции Г. Ното Ла Диега, который, как показало время[29], заблуждался относительно взаимосвязи правовой охраны контента ИИ и экономических стимулов к развитию систем ИИ. Так, крупнейшие игроки рынка ИИ базируются в тех странах, где правовой режимы охраны контента ИИ находится либо в зачаточном состоянии (Китай), либо игроки обходятся договорными способами защиты, включая режим секрета производства, антимонопольными либо техническими средствами защиты прав на генерируемый ИИ контент (США) (подробнее см. § 5 настоящей статьи). Стремительное развитие регуляторной среды ИИ, в том числе в отношении результатов функционирования ИИ, привело к тому, что на территории ЕС отсутствуют сколько-нибудь значимые игроки рынка ИИ: несоответствие регуляторного режима фактически складывающимся отношениям в сфере ИИ привели к эмиграции таких компаний в более благоприятные с регуляторной точки зрения юрисдикции (Великобритания, США). Поэтому авторско-правовая охрана должна рассматриваться либо в качестве исключительного поощрения особо оригинальным базам данных ИИ, либо в качестве правового режима, не применяемого в отношении баз данных ИИ.

Вторая и третья модели будут рассмотрены в § 3 и 5 настоящей статьи.

3. Охрана базы данных, созданной ИИ, по праву sui generis

В настоящее время наиболее предпочтительным режимом охраны базы данных, по мнению европейских правоведов, является право sui generis, или смежное право. Существование данного правового режима является отличительной особенностью государств-членов ЕС, где была принята Директива, повлиявшая также на национальные правопорядки (прежде всего, на законодательство об интеллектуальной собственности Германии и Франции). При этом родоначальником такой модели стали скандинавские страны. Попытки закрепления права sui generis были предприняты в США, однако от них отказались в результате давления бизнеса, который обходился ординарными способами защиты прав (прежде всего, архаичным режимом секрета производства и механизмами договорного регулирования).

[26] *Meys R.* Data Mining Under the Directive on Copyright and Related Rights in the Digital Single Market: Are European Database Protection Rules Still Threatening the Development of Artificial Intelligence? // GRUR International. 2020. Volume 69. Issue 5. P. 459–460.
[27] *Leistner M.* Op. cit. P. 399.
[28] *Ното Ла Диега Г.* Искусственный интеллект и базы данных в эпоху машинных данных // Право цифровой экономики – 2021 (17): Ежегодник-антология / науч. ред. *М.А. Рожкова.* М.: Статут, 2021. С. 110.
[29] Статья была опубликована в феврале 2019 г. до активного развития систем ИИ.

В действительности, удобство права sui generis состоит в том, что он представляет собой упрощенный режим правовой охраны баз данных ИИ, заменяющий критерий авторства и критерий творчества для авторского права критерием независимости элементов базы данных и критерием значительных инвестиций в разработку и создание базы данных. Немецкая литература исходит из того, что деперсонификация права sui generis связана с повышением инвестиционных стимулов за счет охраны экономической услуги, а не предоставления творческой охраны[30]. Преимуществом данного режима является возможность правовой охраны всех баз данных – как творческих, так и нетворческих – безотносительно наличия у них особой оригинальности. Таким образом, снимается вопрос необходимости наделения ИИ правосубъектностью, поскольку для правовой охраны базы данных ИИ критерия авторства уже не предъявляется.

В то же время доктрина указывает на одну сложность, с которой могут столкнуться базы данных ИИ: неясно, смогут ли базы данных ИИ приобрести правовую охрану в силу различий между созданием и получением данных для создания такого объекта[31]. Как отмечает Европейский суд справедливости, создание или получение данных не всегда может рассматриваться как инвестиция для целей создания базы данных, поскольку целью права sui generis является содействие созданию систем хранения и обработки существующей информации, а не создание материалов, подлежащих объединению в базу данных[32]. Представляется, что база данных ИИ предположительно не соответствует приведенному в судебной практике Европейского суда справедливости критерию, поскольку целью функционирования ИИ является генерация контента за счет переработки существующей информации и ее объединения в качественно новую.

Аналогичная позиция была поддержана Федеральным Верховным Судом ФРГ, который отметил, что инвестиции должны быть направлены непосредственно на создание базы данных, а не являться побочным продуктом иных инвестиций, приносящих доход[33]. С точки зрения § 87a (1) UrhG, базы данных ИИ не охраняются правом sui generis, поскольку защита является возможной лишь в случае, когда функционирование ИИ рассматривается только как анализ базы данных, а контент ИИ – как результат его функционирования. Действительно, представленная правовая позиция повлияла на немецкий правопорядок и привела к тому, что собирание данных может рассматриваться как существенный вклад в создание базы данных, а создание данных за счет переработки информации, соответствующей функции ИИ, не может рассматриваться в качестве существенного вклада.

Немецкое право также ориентировано на защиту лишь творческих баз данных по модели права sui generis. Так, в силу § 87a UrhG охраноспособной признается всякая база данных ИИ, которая является в достаточной степени оригинальной, а также инвестиционноемкой. Информация, содержащаяся в базе данных, на момент создания такой базы данных должна существовать, поскольку в ином случае будет иметь место несоответствие элементу значительных инвестиций в части создания новой информации, а не ее творческой переработки. Аналогичные выводы касаются и вопроса правовой охраны параметров модели машинного обучения, поскольку такие параметры вряд ли, согласно немецкой практике, могут быть предметом права sui generis: такая информация возникает лишь в процессе обучения, а не существует на момент предоставления запроса[34]. Избранные немецким правом подходы свидетельствуют

[30] *Linke D.* Ibidem. S. 247–248.
[31] *Kazeeva I.* Op. cit. P. 76.
[32] Case C-203/02, British Horseracing Board v. William Hill Organization, 9 November 2004.
[33] BGH Urteil v. 22.06.2011 – I ZR 159/10.
[34] *Käde L.* Kreative Maschinen und Urheberrecht: Die Machine Learning-Werkschöpfungskette vom Training über Modellschutz bis zu Computational Creativity. Nomos, 2021. S. 158.
В отношении параметров обучения системы ИИ она отмечает, что возможность правовой охраны такого элемента, [*а, в сущности, творческой базы данных ИИ – А.О.*], основана на том, что процесс обучения нейросети может потребовать много ресурсов, предполагает постоянные корректировки в процессе обучения, а также повторяется несколько раз, что является инвестиционно- и трудоемким процессом. Кроме того, совокупность параметров обучения не создается автоматически, а вручную подбирается человеком, что позволяет говорить о праве sui generis на такую базу данных (*Käde L.* Ibidem. S. 164).

о существенном влиянии правовых позиций Европейского суда справедливости на формирование национальной практики

При этом технологическое развитие привело к появлению очередного критерия охраноспособности базы данных ИИ по праву sui generis: в деле CV-Online Latvia v. Melons был предложен критерий законного интереса в праве доступа пользователей и конкурентов к базе данных[35]. При наличии параллельного критерия правовой охраны базы данных существует вероятность ее правовой защиты при наличии ценности для третьих лиц. В сущности, наличие данных критериев связано с объемом объектов правовой охраны, нацеленного на исключение правовой охраны необработанной информации (raw data). По крайней мере, такого подхода, по мнению, Л. Гаэтан, придерживается французское право, которое позволяет обосновать охрану инвестиций через право sui generis, позволяющее защитить многочисленные базы данных различного характера, в том числе используемые для обучения ИИ[36].

Таким образом, правовые позиции исходят из необходимости ограничения сферы действия права sui generis путем установления дополнительных элементов правовой охраны: (i) элемента собирания информации, предполагающего аккумуляцию существующих данных для их включения в базу данных, (ii) элемента верификации информации, предполагающего проверку ее на предмет достоверности, а также на отделение персональных данных от неперсональных, и (iii) элемента презентации, предполагающий обработку и структурирование такой информации в базу данных. Создание информации, характерное для функционирования ИИ, не может рассматриваться в качестве существенной инвестиции в базу данных, что ставит под сомнение возможность правовой охраны ряда баз данных ИИ.

В доктрине содержится указание на то, что сфера действия права sui generis является избыточной на том основании, что она позволяет осуществлять правовую охрану тех результатов интеллектуальной деятельности, которые не рассматривались Директивой в качестве объекта своего изначального регулирования, когда, например, топографические карты, издательская продукция, мультимедийные произведения и ряд иных объектов, сгенерированных ИИ, de lege lata охраняются правом sui generis[37]. В дополнение к этому немецкая литература отмечает, что охрана базы данных ИИ возможна для всех видов смежных прав с учетом некоторых практических трудностей, поскольку для целей права sui generis правовым значением обладают существенность инвестиционного компонента и минимальный уровень информационного содержания, отличный от нагромождения необработанных данных (raw data)[38]. Целесообразно ограничить сферу действия права sui generis, поскольку неточности юридической техники могут приводить к наделению режимом правовой охраны тех объектов, для которых защита по праву sui generis изначально была несвойственной. Применительно к возможности охраны базы данных ИИ, равно как и любого другого контента ИИ, необходимо отметить, что чрезмерное расширение правового режима охраны является опасным, поскольку может привести к коллизиям правовых режимов (в частности, коллизиям между охраной баз данных и охраной иных смежных прав).

В любом случае право sui generis является основным правовым режимом охраны базы данных ИИ, по крайне мере, на территории ЕС. В научной литературе содержится указание на существование двухуровневой системы охраны базы данных, когда авторско-правовая охрана предоставляется творческим базам данных, а охрана sui generis предоставляется нетворческим базам данных[39].

[35] Case C-762/193, CV-Online Latvia v Melons, 3 June 2021.
[36] *Gaëtan L.* Droit des bases de données, entre progressions et coups d'arrêt [Электронный ресурс]. URL: https://www.dalloz-actualite.fr/flash/droit-des-bases-de-donnees-entre-progressions-et-coups-d-arret (дата обращения: 31 марта 2025 г.).
[37] *Lauber-Rönsberg A., Hetmank S.* The concept of authorship and inventorship under pressure: Does artificial intelligence shift paradigms? // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2019. Vol. 14. № 7. P. 575.
[38] *Linke D.* Ibidem. S. 255.
[39] *Pihlajarinne T., Ballardini R.-M.* Owning Data via Intellectual Property Rights: Reality or Chimera? // Regulating Industrial Internet through IPR, Data Protection and Competition Law / ed. by *R.-M. Ballardini, O. Pitkänen*. Wolters Kluwer, 2019. P. 115–123.

Представляется, что приведенная позиция является ошибочной, поскольку существование двухуровневой системы охраны баз данных в ЕС является дискуссионным вопросом, который не находит отражение в действующем законодательстве или судебной практике. Кроме того, формирование новых критериев для охраны баз данных подтверждает, что авторско-правовая охрана и охрана базы данных по модели sui generis не соотносятся друг с другом, а представляют собой различные правовые режимы.

В то же время ряд иных источников замечает, что право sui generis представляет собой единственный правовой режим охраны данных в ЕС, обозначая ряд проблем, свойственных и авторско-правовой охране: наиболее проблемным и одновременно инвестиционноемким является вопрос отделения персональных данных от неперсональных; кроме того, существует риск получения доступа к соответствующим базам данных со стороны третьих лиц[40]. Следовательно, право sui generis имеет ряд существенных недостатков, которые, помимо существенных инвестиций, предполагают вложение достаточного числа финансовых средств, направленных на исключение регуляторных рисков (например, обеспечения надлежащего оборота персональных данных для предотвращения нарушений режима персональных данных).

При формировании правовой модели охраны баз данных по праву sui generis необходимо обратить внимание на защиту прав доступа пользователей к базам данных, в том числе к базам данных ИИ. Как отмечает М. Лейстнер, ограничение исключительного права на использование существенной части базы данных не может эффективно учитывать возможную потребность в доступе к данным, полученным с помощью ИИ, когда такие данные могут быть использованы третьими лицами для разработки или распространения новых продуктов и услуг с добавочной стоимостью[41]. С целью решения обозначенного вопроса на уровне судебной практики ЕС был разработан дополнительный критерий правовой охраны, связанный с защитой законного интереса в праве доступа пользователей и конкурентов системы ИИ к базе данных ИИ (CV-Online Latvia v. Melons). В то же время утилитарный характер базы данных ИИ вряд ли может обойтись одним лишь критерием законного интереса в праве доступа.

Необходимо поставить вопрос о возможности принудительного лицензирования в отношении базы данных, в том числе базы данных ИИ. Несмотря на то, что в доктрине вопрос введения принудительных лицензий на те или иные объекты интеллектуальных прав является крайне спорным по причине противоречивых экономических последствий и предполагаемого ухудшения положения пользователей и конкурентов[42], на этапе разработки Директивы предлагалось предусмотреть возможность принудительного лицензирования в отношении баз данных – как опубликованных, так и не опубликованных –

[40] В любом случае «наполнение» алгоритмов ИИ зависит от трех различных наборов данных: (i) обучающие наборы для обучения и контроля системы ИИ – они определяют желаемый результат, (ii) входные данные, (iii) предполагаемые метки, полученные при подаче невидимых данных в алгоритм машинного обучения, что приводит к получению выходных данных (*Sanders A.K.* Data and technology Transfer: Competition Law in the Fourth Industrial Revolution // Intellectual Property Law and the Fourth Industrial Revolution / ed. by *C. Heath, A.K. Sanders, A. Moerland*. Wolters Kluwer, 2020. P. 205).

[41] *Leistner M.* Op. cit. P. 391.

[42] Весьма обстоятельный анализ влияния принудительного лицензирования на отношения в области охраны интеллектуальной собственности дается в литературе по экономическому анализу права. Так, *В. Ландес и Р. Познер* обозначают, что принудительное лицензирование предполагает непредоставление прав доступа к необходимой информации, а способ распределения издержек (они могут быть переложены либо на государство, что повлечет за собой значительные расходы, либо на пользователя (потребителя), что ухудшит его материальное положение) (*Landes W.M., Posner R.A.* Op. cit. P. 116). Иные американские правоведы отмечают, что целью принудительного лицензирования является ограничение затрат на переговоры (negotiation costs), однако, если ставки по такой лицензии установлены неправильно либо не корректируются в зависимости от меняющихся рыночных реалий, это может дестимулировать поставщиков программного обеспечения (*Besen S.M., Manning W.G. Jr., Mitchell B.M.* Copyright liability for cable television: copyright licensing and the Coase theorem // The Journal of Law and Economics. 1978. Vol. 21. № 1. P. 95). С моей точки зрения, данные выводы могут быть в равной степени применены и к сфере принудительных лицензий в отношении базы данных, что, с учетом зарождающегося характера сферы, может существенно дестимулировать собственников систем ИИ.

для обеспечения прав доступа со стороны пользователей и конкурентов на основе критерия единственного источника (the sole source criterion)[43].

В доктрине отмечается, что предоставление принудительных лицензий в отношении базы данных может быть обозначено, если такая база данных становится единственным источником (например, превращается в отраслевой стандарт, независимое получение которого становится невозможным из-за сетевых эффектов либо государственного регулирования)[44]. На первый взгляд, представленный аргумент является обоснованным, поскольку он позволяет обеспечить реализацию прав доступа и поддерживать надлежащий уровень конкуренции. В то же время нельзя не отметить его преждевременный характер на том основании, что условия для введения подобного регулирования на рынке ИИ еще не сформированы – отсутствуют предпосылки монополизации рынка больших данных, по крайней мере, на территории ЕС. Таким образом, существующие критерии охраны базы данных должны также учитывать права доступа пользователей и конкурентов.

В целом, приведенное регулирование является специфическим подходом ЕС к решению вопроса правовой охраны базы данных ИИ. С одной стороны, такой подход является в большей степени проинвестиционным: он защищает значительный вклад в создание базы данных, а также расширяет сферу применения права sui generis по сравнению с авторским правом. С другой стороны, избранный подход, вероятно, дестимулировал развитие базы данных ИИ на территории ЕС. Территориальный характер права sui generis является одновременно и достоинством, и недостатком данного правового режима. Если рассматривать территориализм права sui generis как недостаток, отметим, что экстраполяция данного регулирования на базы данных ИИ, равно как и на произведения ИИ, дестимулировало рынок ИИ на территории ЕС. В сущности, создание полноценного регулирования оказалось преждевременным, поскольку не возникло соответствующего рынка больших данных, в отличие от иных правопорядков, где законодатель более осторожно подходит к формированию моделей правовой охраны баз данных и произведений ИИ.

4. Патентно-правовая охрана базы данных ИИ

Крайне узкое значение имеет патентно-правовая охрана базы данных ИИ. Подобная ситуация связана с тем, что базы данных ИИ не представляют собой технического решения проблемы, а также не соответствуют критерию изобретательского уровня. Патентное право само по себе нацелено на публичное распространение результатов интеллектуальной деятельности при условии предоставления защиты изобретателю, а также на монетизацию соответствующих результатов интеллектуальной деятельности.

Нерешенным остается вопрос соотношения критерия, на основании которого базе данных ИИ будет предоставляться правовая охрана и вид соответствующей правовой охраны[45]: если исходить из критерия инвестиций, то правовая охрана будет предоставляться по модели права sui generis; если обращать к критерию изобретательского уровня, возможна патентно-правовая охрана. Европейское регулирование в сфере патентного права ориентируется на принципиальную возможность патентоспособности произведений, созданных при помощи искусственного интеллекта, но не созданных исключительно искусственным интеллектом.

Так, Европейское патентное ведомство адаптировало критерии патентоспособности под произведения, созданные ИИ: (i) технический харак-

[43] Данный критерий был выработан в практике Европейского суда справедливости в деле Bronner v Mediaprint (Bronner v Mediaprint [1998] ECLI:EU:C:1998:569), где принудительная лицензия была предоставлена в силу того факта, что создание сопоставимой базы данных было нежизнеспособным в разумных экономических условиях для сопоставимого по размеру и ресурсам конкурента с оригинатором базы данных.

[44] *Leistner M.* Op. cit. P. 396–397.

[45] Как верно отмечает *T. Tombal*, основной проблемой патентной охраны произведений ИИ, включая базы данных, является то, что патентообладатель получает исключительное патентное право только на конкретный продукт или процесс (способ), который был им изобретен и который отражен в формуле изобретения, устанавливающей объем такого исключительного права; идея информации, лежащая в основе изобретения, не является объектом патентной охраны (*Tombal T.* Imposing Data Sharing Among Private Actors: A Tale of Evolving Balances. Wolters Kluwer, 2022. P. 29–33).

тер изобретения, хотя алгоритмы ИИ сами по себе не обладают техническим характером, что исключает их охраноспособность в качестве изобретения, (ii) новизна изобретения, которая наличествует лишь при использовании ИИ как инструмента достижения конечного результата, но не как исключительного способа создания произведения, (iii) изобретательский уровень произведения, который связан с необходимостью закрытия алгоритмов функционирования ИИ от третьих лиц, включая данные, на основе которых происходило обучение системы ИИ, а также (iv) промышленная применимость изобретения, предполагающая возможность использования произведения, созданного при помощи ИИ, для решения практических и технических задач[46].

При этом немецкая доктрина в области патентного права отмечает трудности квалификации базы данных ИИ в качестве изобретения применительно к изобретательскому уровню, поскольку, по мнению В. Шрён, необходимо определить, что́ выступает критерием правовой охраны (инвестиции или творческий вклад) и кто является правообладателем произведения (человек, где ИИ выступает в качестве инструмента, либо ИИ как квазиюридическое лицо)[47]. Однако текущая судебная практика и доктрина склоняются к тому, что патентно-правовая охрана недоступна для базы данных ИИ.

В контексте невозможности патентно-правовой охраны базы данных ИИ Федеральный Верховный Суд ФРГ указал, что для получения патентно-правовой охраны необходимо восприятие такой последовательности в обычной форме по своему назначению в качестве физического объекта, а также наличие технических свойств, запечатленных патентуемым способом[48]. Иначе говоря, патентоспособной может быть лишь форма (информация, закодированная с помощью символов и доступная для охраны производного продукты), но не сама информация. Равным образом неясным остается ответ на вопрос о возможности патентоспособности базы данных ИИ по § 9(3) Patentgesetz как продукт запатентованного способа создания произведений (вторичное изобретение). Поэтому нерешенность вопроса о патентоспособности, например, параметров модели машинного обучения[49], равно как и самой системы ИИ[50], препятствует патентоспособности производного от них контента, вклю-

[46] Guidelines for Examination in the European Patent Office [Электронный ресурс]. URL: https://www.epo.org/en/legal/guidelines-epc/2024/index.html (дата обращения: 31 марта 2025 г.).

[47] *Schrön V.* Künstliche Intelligenz im Patentrecht: Der Erfinderbegriff als Steuerungsinstrument für die Schutzfähigkeit von Erfindungen unter Verwendung künstlicher Intelligenz. Nomos, 2023. S. 233.

[M]етодология *V. Schrön* построена на классификации уровней ИИ, где она выделяет 5 уровней (1 уровень – творческая составляющая человека перевешивает творческую составляющую ИИ, 2 уровень – творческая составляющая человека соответствует творческой составляющей ИИ, 3 уровень – творческая составляющая ИИ перевешивает творческую составляющую человека, 4 уровень – ИИ самостоятельно разрабатывает изобретение безотносительно творческой составляющей и 5 уровень – изобретение разрабатывается «сильным» ИИ). На основе представленной классификации она признает изобретательский вклад ИИ в создание базы данных, что будет соответствовать критерию изобретательского уровня и влечь патентно-правовую охрану такой базы данных (*Schrön V.* Ibidem. S. 251–252). При этом данный тезис пока не нашел широкой поддержки ни в научной литературе, ни в судебной практике.

[48] BGH, Urteil vom 27. September 2016, X ZR 124/15 = GRUR 2017, 261, 263.

[49] В доктрине отмечают, что базы данных вряд ли могут быть объектом патентной охраны, поскольку соблюдение требований к изобретательскому уровню, новизне, промышленной применимости и достаточному раскрытию информации либо невозможно, либо трудновыполнимо (*Kazeeva I.* Op. cit. P. 77). Кроме того, отметим, что существуют как экономические (разработчики заинтересованы в засекречивании параметров модели обучения ИИ, равно как и иной коммерчески ценной информации, когда патентование результата предполагает раскрытие соответствующей информации), так и технические проблемы (определение технического уровня, изобретательского вклада, а также необходимость обширных знаний о возможностях ИИ со стороны сотрудников патентного ведомства) патентоспособности произведений, созданных ИИ (*Lauber-Rönsberg A., Hetmank S.* Op. cit. P. 578–579).

[50] При этом появляются первые попытки патентования технологии ИИ. Так, в английском патентном праве действует т.н. тест Аэротель, который включает в себя четыре элемента: (i) правильность толкования формулы изобретения, (ii) определение фактического вклада, (iii) патентоспособность исключенного объекта, (iv) проверка технической природы фактического или предполагаемого вклада (Aerotel Ltd v. Telco Holdings Ltd & Ors [2006] EWCA Civ 1371). На основе этого теста Высокий суд Великобритании в деле Emotional Perception AI Ltd v. Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks определил нейронную сеть ИИ в качестве объекта патентной охраны, который не подпадает под действие режима компьютерной программы, а его технический вклад в созданное изобретение имеет внешний технический эффект (Emotional Perception AI Ltd v. Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks [2023] EWHC 2948 (Ch)). Поэтому английское патентное право инициировало существенные изменения подходов к патентоспособности нейронной сети ИИ.

чая базы данных ИИ. Большинство правовых систем вряд ли готовы к патентованию баз данных ИИ, поскольку контент ИИ не соответствует критерию изобретательского уровня в силу повышенных требований к объекту патентной охраны.

5. Иные способы защиты базы данных ИИ

Наравне с интеллектуально-правовыми способами защиты базы данных ИИ, рассмотренными выше, существуют иные способы, обладающие, главным образом, относительным защитным эффектом, а не абсолютным, как это имеет место при интеллектуально-правовых режимах. В то же время текущее состояние рынка ИИ и развитие технологий ИИ свидетельствует о том, что абсолютный защитный эффект интеллектуально-правовых режимов является во многом излишним. Крупнейшие системы ИИ активно используют иные способы защиты права на базы данных ИИ, используя менее затратные способы защиты права с относительным защитным эффектом. К числу таких способов защиты можно отнести: (i) охрану базы данных как секрета производства, (ii) договорные механизмы охраны базы данных ИИ, (iii) антимонопольные механизмы защиты базы данных ИИ и (iv) технические решения в области охраны базы данных ИИ.

5.1. Охрана базы данных ИИ как секрета производства

В своей работе Г. Ното Ла Диега убежденно доказывает, что секреты производства являются ненадлежащим способом защиты базы данных, поскольку они, во-первых, предназначены для доведения информации до всеобщего сведения, а, во-вторых, информация базы данных должна быть легкодоступной и извлекаемой, в то время как секреты производства, наоборот, нацелены на сохранение коммерчески значимой информации в тайне[51]. Практика использования режима секрета производства как способа защита базы данных ИИ свидетельствует об обратном: Я. Казеева указывает на то, что договорные механизмы, средства правовой защиты судебного характера, охрана базы данных ИИ как секрета производства, равно как и ряд доктрин common law (например, trespass, misappropriation) формируют набор инструментов для защиты большинства баз данных[52].

Действительно, доктрина повсеместно исходит из принципиальной возможности охраны базы данных ИИ как секрета производства, хотя и отмечает его ограниченный (относительный) защитный эффект. В отношении режима коммерческой тайны основная сложность заключается в определении предмета договора, поскольку необходимо точное определение данных, подлежащих такой охране, что может быть особенно сложно в ситуации, когда такие данные еще не созданы. В то же время основную ценность следует придать непосредственно параметрам модели машинного обучения, которые и составляют суть системы ИИ. Кроме того, П. Завадский отмечает, что при заключении договора о наделении той или иной категории информации статусом коммерческой тайны необходимо учитывать следующее: (i) подлежащая защите информация не должна быть общеизвестной либо легкодоступной с помощью различных средств для третьих лиц, способных получить экономическую выгоду от ее раскрытия или использования, (ii) информация должна иметь коммерческую ценность в силу тайного характера[53], (iii) наличие у контролера, на законных основаниям обладающим информацией, явно выраженного намерения сохранить такую информацию в тайне[54]. Действительно, представленные условия позволяют сформировать правовой режим охраны секрета производства для базы данных ИИ.

В то же время собственники ИИ должны осознавать, что – безотносительно правового режима защиты базы данных – происходит передача кри-

[51] *Ното Ла Диега Г.* Указ. соч. С. 152.
[52] *Kazeeva I.* Op. cit. P. 30.
[53] В настоящее время отсутствует внятное понимание количественного критерия такой коммерческой ценности. Иначе говоря, отсутствует четкое понимание минимального порога «ценности» информации. С учетом реалий рынка ИИ в ближайшее время будет происходить переоценка минимальных значений «ценности» параметров модели машинного обучения (алгоритмов) в связи с появлением более дешевых («китайских») систем ИИ.
[54] *Zawadski P.* Poland // Law of Raw Data. AIPPI Law Series. Volume 6. Wolters Kluwer, 2021. P. 263–270.

тически важных или конфиденциальных сведений, которые рискуют оказаться в распоряжении третьих лиц. В данном случае необходимо обратиться к шведскому праву, где базы данных чаще всего охраняются несколькими способами – абсолютным способом (например, правом sui generis либо авторско-правовой охраной) и относительным способом (например, путем создания режима коммерческой тайны)[55]. В таком случае может показаться, что секрет производства является субсидиарным способом защиты базы данных ИИ и выступает дополнением к интеллектуально-правовому режиму охраны.

Интерес представляет вопрос совмещения права sui generis и режима коммерческой тайны. Р. Мейс отмечает, что на практике допустимо совмещение права sui generis и режима коммерческой тайны, отмечая, что создание базы данных путем добычи соответствующей информации может быть допустимым лишь в случае, когда такая информация не является тайной, поскольку владелец базы данных заинтересован в обеспечении ее сохранности[56]. Французские ученые пишут о том, что режим секрета производства существует параллельно с интеллектуально-правовыми режимами охраны базы данных, поскольку режим коммерческой тайны может быть объединен с любым существующим интеллектуальным правом[57]. Действительно, адаптивность режима коммерческой тайны объясняет возможность широкого использования такого правового режима, в том числе в связи с отсутствием конкуренции с интеллектуально-правовыми режимами.

5.2. Договорные механизмы охраны базы данных ИИ

Договорные механизмы охраны базы данных ИИ, в сущности, представлены пользовательскими соглашениями. В настоящее время база данных как объект правовой охраны практически нигде не выделяется, поскольку она включена в контент, генерируемый ИИ. В то же время OpenAI в условиях использования обозначает, что исключает создание либо расширение базы данных без согласия пользователя[58]. Кроме того, OpenAI рассматривает свою нейросеть как систему машинного обучения, направленную на изучение новой информации и ее преобразование в качественно новую, а не простое собирание информации в базу данных[59]. Вероятно, такой подход обусловлен местом нахождения OpenAI (США), где интеллектуально-правовая охрана базы данных либо вовсе исключена, либо существенно ограничена. Кроме того, они прямо указывают на творческий характер своих произведений, что предположительно касается и баз данных, создаваемых ChatGPT. Аналогичный подход заимствован нейросетью Julius (США), ориентированной на анализ различных баз данных и содействие в их совершенствовании[60]. В остальном же договорное регулирование находится в сфере усмотрения оператора ИИ.

5.3. Антимонопольные механизмы охраны базы данных ИИ

Антимонопольные механизмы охраны базы данных ИИ были частично рассмотрены в рамках принудительного лицензирования права sui generis на базы данных. В научной литературе отмечается, что для защиты базы данных ИИ применимы инструменты, свойственные антимонопольному праву (применение мер воздействия в отношении оператора ИИ за злоупотребление доминирующим положением, одобрение сделок в отношении особо ценных активов, рискующих нарушить состояние конкуренции и т.п.)[61]. В то же время существуют позиции, что антимонопольное регулирование сферы произведений ИИ, вклю-

[55] *Eriksson H.* Sweden // Law of Raw Data. AIPPI Law Series. Volume 6. Wolters Kluwer, 2021. P. 335–342.
[56] *Meys R.* Op. cit. P. 463.
[57] *Cassiers V., Strowel A.* La proposition de directive sur la protection des secrets d'affaires et ses interactions avec les droits intellectuels // Actualités en droits intellectuels. L'intérêt de la comparaison. Bruylant, 2014. P. 59.
[58] Usage policies [Электронный ресурс]. URL: https://openai.com/policies/usage-policies/ (дата обращения: 31 марта 2025 г.).
[59] Our approach to data and AI [Электронный ресурс]. URL: https://openai.com/index/approach-to-data-and-ai/ (дата обращения: 31 марта 2025 г.).
[60] How You Can Use AI for Data Analysis [Электронный ресурс]. URL: https://julius.ai/articles/using-ai-for-data-analysis (дата обращения: 31 марта 2025 г.).
[61] *Ното Ла Диега Г.* Указ. соч. С. 158–163.

чая базы данных ИИ, является преждевременным. Так, китайские правоведы отмечают, что меры антимонопольного регулирования обладают характером ex post контроля, занимают много времени, зависят от конкретного случая, а также неэффективны по причине отставания антимонопольного регулирования от практики[62]. Представляется, что единственным эффективным способом антимонопольного регулирования правовой охраны базы данных ИИ является устранение барьеров на доступ к такому благу, а также попытка снижения нерыночной цены. В любом случае говорить о конкретных механизмах антимонопольной охраны базы данных ИИ преждевременно.

5.4. Технические решения в области охраны базы данных ИИ

Очевидным преимуществом технических решений в области охраны базы данных ИИ является то, что, в сущности, они представляют собой самозащиту права на базу данных со стороны оператора ИИ. Так, для внедрения технических способов охраны базы данных ИИ не требуется какого-либо специального правового режима, а необходимо лишь создание специальных инструментов, препятствующих неправомерному доступу к базе данных и существующих наравне с многообразными правовыми режимами охраны базы данных ИИ. С учетом текущего уровня развития ИИ комбинирование технических (фактических), относительных (договорных) и абсолютных (интеллектуально-правовые режимы охраны) способов защиты не приведет к чрезмерной защите базы данных ИИ. Более того, даже в отсутствие надлежащего регуляторного режима на уровне интеллектуально-правовой охраны совмещение договорных и технических решений в области защиты базы данных ИИ может оказаться крайне эффективным[63].

6. Специальный правовой режим охраны произведений, созданных ИИ

Анализ интеллектуально-правовых режимов охраны баз данных ИИ свидетельствует об отсутствии надлежащего способа охраны прав sui generis на базы данных, созданных с помощью ИИ, с абсолютным защитным эффектом. По моему мнению, подобная ситуация является не проблемой правовых режимов охраны базы данных и иных результатов интеллектуальной деятельности, а сложностью адаптации технически сложного решения – искусственного интеллекта – к существующим правовым режимам. В этой связи целесообразно поставить вопрос о формировании специального правового режима охраны произведений, созданных ИИ, который бы был общим для всех произведений ИИ (AI outputs).

Апологетом создания специального правового режима охраны произведений ИИ, включая базы данных ИИ, в зарубежном праве является И. Лоренционни[64]. Согласно ее подходу, предлагается создание единого правового режима, который бы одновременно охранял как произведения, являющиеся объектами авторского права, так и объекты патентного права. Для целей охраноспособности произведений ИИ предъявляется требование о наличии существенных инвестиций в создание такого произведения, [то есть она предлагается построить правовой режим охраны произведений по модели смежного права, которое не требует творческого и личного вклада автора, но позволяет охранять существенные инвестиции в создание произведения, – *А.О.*]. При патентовании изобретений она предлагает заменить критерий изобретательского уровня критерием инновационного уровня, устанавливающим необходимость наличия существенных отличий изобретения ИИ от предыдущего изобретения. Срок правовой охраны произведений ИИ будет составлять 10 лет, а правообладателем будет являться лицо, принявшее на себя риск инвестирования в систему ИИ. В сущности,

[62] *Liu K.-C., Zheng S.* Op. cit. P. 381.

[63] В доктрине даже содержится позиция, согласно которой существующие правовые инструменты, включая гибкие договорные механизмы и правовой режим коммерческой тайны в совокупности с техническими мерами по защите базы данных, позволят как сохранить контроль над базой данных, так и предоставить лицензии на такую базу данных (*Liu K.-C., Zheng S.* Op. cit. P. 376).

[64] *Lorenzoni I.* Artificial Intelligence Creates, Invents … and Challenges Intellectual Property Law // Stockholm Intellectual Property Law Review. 2020. Vol. 26. № 3.

автор предлагает создать специальный правовой режим, объединяющий авторское, смежное и патентное право в единый режим, во многом схожий с правом sui generis.

При этом Я. Казеева справедливо замечает, что автор не отвечает на вопрос об объединении авторско-правовой охраны и патентно-правовой охраны в единый правовой режим sui generis[65]. Действительно неясно, каким образом будет происходить такое объединение, когда авторское право не требует регистрации, в отличие от патентного права, которое связывает возникновение изобретения с выдачей патента. Иначе говоря, возможность создания специального правового режима в настоящее время является неоднозначным вариантом решения проблемы правовой охраны результатов деятельности ИИ.

Вероятно, существует 2 способа решения проблемы правовой охраны произведений ИИ, включая базы данных ИИ: (i) создание экспериментального правового режима охраны контента ИИ, который позволит по мере развития технологии ИИ выработать подходы к правовой охране контента ИИ, включая базы данных ИИ (создание специального правового режима, адаптация уже существующих правовых моделей охраны базы данных ИИ либо отказ от интеллектуально-правовой охраны контента ИИ); (ii) исключить возможность интеллектуально-правовой охраны контента ИИ, включая базы данных ИИ, ограничившись способами с относительным защитным эффектом (например, режимом коммерческой тайны, договорными и антимонопольными механизмами, техническими решениями). С учетом текущей обстановки на рынке ИИ, а также уровня развития технологии ИИ, предпочтение следует отдать второму варианту как не оказывающему регуляторного воздействия на новую технологическую сферу и не ограничивающему развитие систем ИИ.

Заключение

По итогам рассмотрения способов защиты прав на базы данных ИИ необходимо отметить, что ни один из существующих режимов в полной мере не может обеспечить защиту базы данных ИИ.

Авторское право позволяет обеспечить охрану лишь творческих баз данных, которые отличаются оригинальностью. Нетворческие же базы данных, обладающие значительной экономической ценностью, остаются вне сферы действия авторского права (критерии авторства и оригинальности исключают защиту нетворческих баз данных). Патентная охрана базы данных ИИ также не является допустимым вариантом для охраны, поскольку она предполагает необходимость соблюдения критерия изобретательского уровня, которому система ИИ на данный момент соответствовать не может.

Наиболее приемлемый вариант – охрана базы данных как права sui generis (охрана по критерию инвестиций, вложенных в создание базы данных ИИ; причем инвестиций как финансового, так и нефинансового характера). Данный режим покрывает как творческие, так и нетворческие базы данных. В то же время появление критерия законного интереса в доступе к базе данных ИИ со стороны пользователей и конкурентов может решить ряд существующих проблем данного правового режима. Особенность и недостаток права sui generis связана с его территориальностью – оно действует лишь на территории ЕС. Равным образом нецелесообразно формирование специального правового режима защиты произведений ИИ, в связи, во-первых, с преждевременностью его создания, а, во-вторых – с риском дестимуляции развития систем ИИ.

Существование иных способов защиты права на базы данные ИИ представляется наиболее оптимальным решением проблемы охраны базы данных ИИ, поскольку использование способов с относительным защитным эффектом не предполагает публично-правового вмешательства: любая информация может быть наделена режимом секрета производства, однако, существует риск возникновения практических трудностей, связанных с определением конкретной информации, подлежащей такой защите. Кроме того, режим коммерческой тайны может существовать параллельно с интеллектуально-правовыми режимами охраны базы данных, что может усилить такую правовую защиту.

[65] *Kazeeva I.* Op. cit. P. 76.

Возможность комбинации иных способов с относительным защитным эффектом и технических средств (de facto – самозащита права) является наиболее приемлемым способом защиты прав на базу данных ИИ в текущих экономических и технологических условиях.

Список литературы:

1. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Е.А. Павлова. М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2018.
2. *Корнеев В.А.* Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав. Автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2010.
3. *Homo Ла Диега Г.* Искусственный интеллект и базы данных в эпоху машинных данных // Право цифровой экономики – 2021 (17): Ежегодник-антология / науч. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2021.
4. *Besen S.M., Manning W.G. Jr., Mitchell B.M.* Copyright liability for cable television: copyright licensing and the Coase theorem // The Journal of Law and Economics. 1978. Vol. 21. № 1.
5. *Bond T., O'Hara L., Wortley W., Jameson A., Deniston K.* Comparative Law Perspective: United Kingdom // International Handbook of AI Law: A Guide to Understanding and Resolving the Legal Challenges of Artificial Intelligence / ed. by M. Artzt, O. Belitz, S. Hembt, N. Lölfing. Wolters Kluwer, 2025.
6. *Cassiers V., Strowel A.* La proposition de directive sur la protection des secrets d'affaires et ses interactions avec les droits intellectuels // Actualités en droits intellectuels. L'intérêt de la comparaison. Bruylant, 2014.
7. *Elter S.* Künstliche Intelligenz und kreative Erzeugnisse. Schutz von KI-geschaffenen Erzeugnissen // Digitalisierung, Automatisierung, KI und Recht. Festgabe zum 10-jährigen Bestehen der Forschungsstelle RobotRecht / hrsg. S. Beck, C. Kusche, B. Valerius. Nomos, 2020.
8. *Eriksson H.* Sweden // Law of Raw Data. AIPPI Law Series. Volume 6. Wolters Kluwer, 2021.
9. Gaëtan L. Droit des bases de données, entre progressions et coups d'arrêt [Электронный ресурс]. URL: https://www.dalloz-actualite.fr/flash/droit-des-bases-de-donnees-entre-progressions-et-coups-d-arret (дата обращения: 31 марта 2025 г.).
10. *Guadamuz A.* Do Androids Dream of Electric Copyright? Comparative Analysis of Originality in Artificial Intelligence Generated Works // Artificial Intelligence and Intellectual Property / ed. by J.-A. Lee, R. Hilty, K.-C. Liu. Oxfprd University Press, 2021.
11. *Hembt S., Smeets J.* Intellectual Property Law // International Handbook of AI Law: A Guide to Understanding and Resolving the Legal Challenges of Artificial Intelligence / ed. by M. Artzt, O. Belitz, S. Hembt, N. Lölfing. Wolters Kluwer, 2025.
12. *Käde L.* Kreative Maschinen und Urheberrecht: Die Machine Learning-Werkschöpfungskette vom Training über Modellschutz bis zu Computational Creativity. Nomos, 2021.
13. *Kazeeva I.* Sui Generis Intellectual Property Protection: Comparison of EU and U.S. Regulatory Approaches. Springer, 2024.
14. *Landes W.M., Posner R.A.* The Economic Structure of Intellectual Property Law. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2003.
15. *Lauber-Rönsberg A., Hetmank S.* The concept of authorship and inventorship under pressure: Does artificial intelligence shift paradigms? // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2019. Vol. 14. № 7.
16. *Leistner M.* Protection of and Access to Data under European Law // Artificial Intelligence and Intellectual Property / ed. by J.-A. Lee, R. Hilty, K.-C. Liu. Oxfprd University Press, 2021.
17. *Li G., Zhou X., Li S.* XuanYuan: An AI-Native Database // IEEE Data Engineering. 2019.
18. *Linke D.* „Künstliche Intelligenz" und Urheberrecht – Quo vadis?: Schriften zum geistigen Eigentum und zum Wettbewerbsrecht. Band 130 / hrsg. Von C. Berger, H.-P. Götting. Nomos, 2021.
19. *Liu K.-C., Zheng S.* Protection of and Access to Relevant Data – General Issues // Artificial Intelligence and Intellectual Property / ed. by J.-A. Lee, R. Hilty, K.-C. Liu. Oxford University Press, 2021.

20. *Lorenzoni I.* Artificial Intelligence Creates, Invents … and Challenges Intellectual Property Law // Stockholm Intellectual Property Law Review. 2020. Vol. 26. № 3.
21. *Meys R.* Data Mining Under the Directive on Copyright and Related Rights in the Digital Single Market: Are European Database Protection Rules Still Threatening the Development of Artificial Intelligence? // GRUR International. 2020. Volume 69. Issue 5.
22. *Pihlajarinne T., Ballardini R.-M.* Owning Data via Intellectual Property Rights: Reality or Chimera? // Regulating Industrial Internet through IPR, Data Protection and Competition Law / ed. by R.-M. Ballardini, O. Pitkänen. Wolters Kluwer, 2019.
23. *Sanders A.K.* Data and technology Transfer: Competition Law in the Fourth Industrial Revolution // Intellectual Property Law and the Fourth Industrial Revolution / ed. By C. Heath, A.K. Sanders, A. Moerland. Wolters Kluwer, 2020.
24. *Sappa C.* How data protection fits with the algorithmic society via two intellectual property rights – a comparative analysis // Journal of Intellectual Property Law&Practice. 2019. Vol. 14. Issue 5.
25. *Schrön V.* Künstliche Intelligenz im Patentrecht: Der Erfinderbegriff als Steuerungsinstrument für die Schutzfähigkeit von Erfindungen unter Verwendung künstlicher Intelligenz. Nomos, 2023.
26. *Tombal T.* Imposing Data Sharing Among Private Actors: A Tale of Evolving Balances. Wolters Kluwer, 2022.
27. *Zawadski P.* Poland // Law of Raw Data. AIPPI Law Series. Volume 6. Wolters Kluwer, 2021.

Научная статья
УДК 347.77

Для цитирования:
Сенчихина Л.А. Об установлении даты подачи заявки на изобретение или полезную модель // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). С. 70–76.
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_6
For citation:
Senchikhina L.A. On some legal consequences of filing an application for an invention // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. June. N 2 (48). Pp. 70–76. (In Russ.).
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_6

DOI: 10.58741/23134852_2025_2_6

Об установлении даты подачи заявки на изобретение или полезную модель

Л.А. Сенчихина,
начальник отдела международной патентной кооперации Федерального института промышленной собственности,
аспирант кафедры Патентного права и правовой охраны средств индивидуализации Российской государственной академии интеллектуальной собственности
г. Москва, Россия
ORCID: 0009-0004-5800-7413
Author ID: 1052073

Статья посвящена рассмотрению правовых и процедурных вопросов, связанных с подачей патентной заявки на изобретение или полезную модель. В статье представлены результаты анализа норм российского законодательства, регламентирующих порядок установления даты подачи заявки. Новизна работы заключается в комплексном рассмотрении факта подачи заявки с учетом норм действующих международных договоров, процедуры формальной экспертизы заявки, процедуры предоставления заявителю заверенной копии поданной заявки, а также установленного порядка зарубежного патентования изобретений, созданных на территории Российской Федерации. Автором определены недостатки в формулировках норм российского законодательства, предложены направления их устранения.

Ключевые слова:
интеллектуальная собственность; изобретение; полезная модель; подача заявки; дата подачи; приоритетный документ; заверенная копия поданной заявки; государственная тайна

Введение

Подача заявки на изобретение или полезную модель преимущественно рассматривается как факт, с которым связывается возникновение права приоритета, а также момент возникновения исключительных прав на изобретение или полезную модель после выдачи патента. Современное гражданско-правовое регулирование, в том числе установление даты подачи заявки, сложилось под влиянием международных тенденций, а имен-

но, Договора по патентному праву[1] (далее – PLT), договаривающейся стороной которого является Российская Федерация (РФ). Предметом исследования являлись нормы Гражданского кодекса Российское Федерации (далее – ГК РФ)[2], связанные с языком подачи документов заявки, процедурой формальной экспертизы поданных заявок, государственной услугой по выдаче заверенной копии поданных заявочных материалов и порядком патентования за рубежом российских изобретений. Анализ проведен с учетом норм основополагающих международных соглашений: Парижской конвенции по охране промышленной собственности[3] (далее – Парижская конвенция), Евразийской патентной конвенции[4] (далее ЕАПК) и Договора о патентной кооперации[5] (далее – PCT). Теоретическую базу исследования составляют работы Г. Боденхаузена, Роберта М. Шервуда, В.А. Дозорцева, Э.П. Гаврилова, А.Л. Маковского, С.П. Гришаева, В.И. Еременко, Л.А. Новосёловой, М.А. Рожковой, Т.В. Апариной, И.Г. Озолиной и др. Целью исследования являлось уточнение правовых последствий подачи заявки, от которых зависит процесс дальнейшего патентования в других юрисдикциях, а также уточнение соответствия текущего российского нормативно-правового регулирования подачи и обработки заявок действующим нормам международных договоров, стороной которых является РФ. Актуальность исследования обусловлена необходимостью гармонизации и совершенствования инструментов правовой охраны российских технических решений.

Основное исследование

Слово «заявка» в русском языке означает «заявление о своих правах или о предоставлении прав на что-либо»[6], соответственно заявка на изобретение – это заявление лица, обладающего правом на подачу заявки на изобретение, о предоставлении исключительного права на изобретение. Подача заявки на изобретение как юридический факт, несмотря на кажущуюся консервативность смыслового содержания, имеет динамическую природу в силу непрерывно изменяющихся гражданско-правовых отношений и находится в центре постоянного внимания в научных исследованиях. Подача заявки рассматривалась В.А. Дозорцевым с точки зрения определения приоритета, как даты, с которой связывается ряд правовых последствий, в том числе определение существования объекта, подлежащего охране, исходя из его новизны, и определение субъекта права на этот объект [1, с. 7–8]. Проблемные вопросы взаимосвязи даты подачи заявки и продления патента рассматривались В.Ю. Джермакяном [2]. Факт подачи заявки рассматривался Л.А. Новоселовой в контексте накопления юридического состава для возникновения исключительного права на техническое решение и поиска путей решения противоречия, связанного с признанием за патентообладателем исключительного права в момент выдачи патента [3, с. 1]. Институт выделенных заявок, связанный с сохранением в качестве даты каждой выделенной заявки даты первоначальной заявки, исследовался И.Г. Озолиной, затягивание делопроизводства заявителем путем подачи выделенных заявок отодвигает во времени момент выдачи патента, который сопровождается публикацией информации об изобретении [4]. Упомянутые аспекты свидетельствуют о сложности и многогранности юридического факта подачи заявки. Оставляя в стороне исторические причины трансформации

[1] Договор о патентном праве от 1 июня 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/288999 (дата обращения: 1 марта 2025 г.)

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 января 2006 г. №231-ФЗ (ред. от 22 июля 2024 № 190-ФЗ). [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102110716&rdk= (дата обращения: 1 марта 2025 г.).

[3] Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1983 г. (с изменениями) [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails/12633 (дата обращения 1 марта 2025 г.).

[4] Евразийская патентная конвенция от 9 сентября 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/228 (дата обращения: 1 марта 2025 г.).

[5] Договор о патентной кооперации от 19 июня 1970 г. (измененный 3 октября 2001 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails/12635 (дата обращения: 1 марта 2025 г.).

[6] *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. 1536 с. [Электронный ресурс]. URL: https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B7%D0%B0%D1%8F%D0%B2%D0%BA%D0%B0&mode=slovari&dicts[]=42 (дата обращения 10 марта 2025 г.).

процедуры подачи и установления даты подачи заявки, настоящее исследование обращает внимание на несколько иные существующие правовые вопросы, связанные с использованием поданной заявки в качестве основы для продолжения патентования за рубежом.

Согласно пункту 2 ст. 1374 ГК РФ, под подачей заявки понимается подача подготовленного русскоязычного заявления о выдаче патента на изобретение или полезную модель, а также других документов на любом языке с переводом их на русский язык, который является государственным языком Российской Федерации[7]. Привычный традиционный комплект заявки на изобретение и заявки на полезную модель определен в составе отдельных статей ГК РФ (см. п. 2 ст. 1375 ГК РФ и п. 2 ст. 1376 ГК РФ соответственно). Принцип, по которому устанавливается дата подачи заявки на изобретение и заявки на полезную модель, заложен в п. 3 ст. 1375 ГК РФ и п. 3 ст. 1376 ГК РФ соответственно и связан с наличием необходимых элементов заявки, которыми являются заявление и описание; причем если в описании имеется указание на чертежи, то для установления даты подачи заявки они также должны быть представлены. Следует обратить внимание на то, что в нормах ст. 1375 и 1376 ГК РФ отсутствует уточнение требуемого языка элементов заявки. Сопоставляя нормы ст. 1374 и 1375 ГК РФ, а также ст. 1374 и 1376 ГК РФ, можно прийти к выводу, что для установления даты подачи заявителю достаточно подать заявление на русском языке, описание на любом языке, его перевод на русский язык и при необходимости чертежи. Как справедливо было отмечено В.Ю. Джермакяном[8] в комментариях к п. 2 ст. 1374 ГК РФ, срок представления перевода не регламентирован, перевод на русский язык может быть представлен позднее на стадии формальной экспертизы. Таким образом, поскольку не предписано иное, последующее представление перевода не должно изменять дату подачи заявки, т.е. минимальный набор элементов заявки для установления даты подачи заявки состоит из русскоязычного заявления и составленного на любом языке описания. Однако вывод в отношении набора документов не в полной мере соответствует положениям ст. 5 PLT, согласно которым вместо заявления достаточно наличия сведений о заявителе и контактных данных, а в качестве описания может выступать подобный документ. Данное несоответствие ГК РФ положениям PLT обсуждалось ранее в статье В.И. Еременко [5, с.3]. Необходимо отметить другое значительное упущение в действующих российских нормах, а именно, в формулировке ст. 1384 ГК РФ предписано установление даты подачи заявки на этапе формальной экспертизы, которая, кроме того, осуществляется при уплате предусмотренной Приложением № 1 к Положению о патентных пошлинах соответствующей пошлины[9]. Согласно п. 5.01 Пояснительных комментариев[10] Международного бюро Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – МБ ВОИС), ведомство обязано присваивать дату подачи заявке, которая удовлетворяет приведен-

[7] Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) / Собрание законодательства Российской Федерации от 6 июня 2005 г. № 23. Ст. 2199.

[8] *Джермакян В.Ю.* Комментарий к главе 72 «Патентное право» Гражданского кодекса РФ (4-е издание, переработанное и дополненное). – Специально для системы ГАРАНТ, 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://internet.garant.ru/#/document/57480695/entry/41374/doclist/191/1/0/0/%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D1%8F%D0%BD%20%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B9%20%D0%BA%20%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B5%2072:8 (дата обращения: 1 марта 2025 г.).

[9] Положение о патентных и иных пошлинах за совершение юридически значимых действий, связанных с патентом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, с государственной регистрацией товарного знака и знака обслуживания, с государственной регистрацией и предоставлением исключительного права на географическое указание, наименование места происхождения товара, а также с государственной регистрацией отчуждения исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, залога исключительного права, предоставления права использования такого результата или такого средства по договору, перехода исключительного права на такой результат или такое средство без договора, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2008 г. № 941 (с изменениями). [Электронный ресурс]. URL: https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/pril_1_2_941.pdf (дата обращения: 1 марта 2025 г.).

[10] Пояснительные комментарии к Договору о патентном праве и Инструкции к Договору о патентном праве, подготовленные Международным бюро Всемирной организации интеллектуальной собственности. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/treaties/ru/ip/plt/pdf/pt_dc_5.pdf (дата обращения: 1 марта 2025 г.).

ным выше требованиям, причем дата подачи заявки не может быть отклонена, если не выполнены какие-либо иные требования. Исходя из положений ст. 6 PLT, установление ведомством даты подачи заявки не должно быть обусловлено уплатой заявителем пошлины (например, за регистрацию заявки и формальную экспертизу заявки), равно как и непосредственно процедурой формальной экспертизы, а, следовательно, должно производиться в силу факта подачи требуемых документов.

В отличие от норм ГК РФ в евразийском законодательстве вопрос установления даты подачи решен иначе, евразийские нормы не имеют аналогичного упомянутому выше недостатка. Дата подачи евразийской заявки устанавливается национальным ведомством, через которое она подана или в которое она переслана, или Евразийским патентным ведомством, если заявка подана на прямую (см. пр. 33, 34 Патентной инструкции к Евразийской патентной конвенции[11] (далее – Инструкции к ЕАПК)), причем данная процедура является отдельным этапом жизненного цикла заявки, который предшествует формальной экспертизе (см. пр. 41 Инструкции к ЕАПК). Евразийские требования к языку составления заявления и иных документов заявки для целей установления даты подачи заявки (см. пр. 21(6) Инструкции к ЕАПК) в целом комплементарны российским требованиям. Следует отметить, что представление перевода на русский язык не изменяет дату подачи заявки, но при этом в евразийских нормах предусмотрен двухмесячный срок для представления перевода и возможность продления данного срока при условии уплаты соответствующей пошлины, а также предусмотрены последствия в виде отзыва заявки при непредставлении перевода. В евразийском и российском законодательствах от заявителя не требуется заверение перевода заявки на рабочий язык ведомства, в то время, как законодательство Германии, учитывая PLT, дополнительно предусматривает обязанность заявителя по представлению заверенного перевода [6, с. 23]. Представляется, что данное требование направлено на повышение качества перевода заявочных материалов и снижение вероятности его корректировки в процессе экспертизы по существу.

Что касается норм PCT, то требования для установления даты международной подачи заявки несколько отличаются от требований для установления даты подачи в рамках национальной и региональной евразийской процедур, это связано со спецификой функционирования международных органов PCT, а также спецификой процедур международной фазы, в частности с проведением по каждой международной заявке международного поиска. Отдельные вопросы установления даты международной подачи, в том числе в контексте наличия в международной заявке чертежей, были достаточно подробно рассмотрены в статье Т.В. Апариной [7, с. 47]. Вместе с тем в рамках настоящего исследования необходимо отметить ключевые отличия требований PCT по установлению даты международной подачи, которая является действительной датой подачи в каждом указанном ведомстве. Одно из основных отличий состоит в том, что язык подачи заявки PCT обусловлен ограничениями, установленными компетентным Получающим ведомством (см. пр. 12.1(a) Инструкции к Договору о патентной кооперации[12] (далее – Инструкции к PCT)), в случае подачи заявки на ином языке международная заявка будет переслана в МБ ВОИС, но при этом заявка будет считаться полученной на дату поступления документов заявки в национальное Получающее ведомство (см. пр. 19.4 (a)(ii), (b) Инструкции к PCT). Другое отличие состоит в том, что помимо элементов, которые обсуждались выше, для установления даты международной подачи необходимо наличие части, которая внешне представляется формулой изобретения (см. ст. 11(1)(iii)(e) PCT). Тем не менее, несмотря на рассмотренные выше особенности, PCT в достаточной степени гармонизирован с PLT.

Далее предлагается обратиться к ст. 4A-I(3) Парижской конвенции, где содержится лаконич-

[11] Патентная инструкция к Евразийской патентной конвенции от 1 декабря 1995 г. (с изменениями) [Электронный ресурс]. URL: https://www.eapo.org/documents/voprosy-pravovoj-ohrany-izobretenij/patentnaya-instrukcziya-k-evrazijskoj-patentnoj-konvenczii/ (дата обращения 9 марта 2025 г.).

[12] Инструкция к Договору о патентной кооперации (текст, имеющий силу с 1 июля 2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/pct/ru/docs/texts/pct-regs.pdf (дата обращения: 11 марта 2025 г.).

ное определение подачи правильно оформленной национальной заявки, как подачи, «которой достаточно для установления даты подачи заявки в соответствующей стране, какова бы ни была дальнейшая судьба этой заявки» и которая является основанием для возникновения права приоритета. Таким образом, факт подачи необходимых для установления даты подачи документов заявки, а именно, заявления на русском языке и описания изобретения на любом языке (см. ст. 1374 и 1375 ГК РФ), свидетельствует о возникновении у заявителя права испрашивать приоритет по Парижской конвенции на основании поданной заявки. При этом очевидно, что по запросу заявителя ведомство должно обеспечивать предоставление сертифицированной копии документов поданной заявки (см. ст. 4D(3) Парижской конвенции), которая может быть использована для подтверждения права приоритета при дальнейшем патентовании. Однако следует учитывать, что для целей подготовки заверенной копии поданных документов описание в силу связи с PLT необязательно должно быть составлено на русском языке, который является рабочим для ведомства. Что касается международного подхода к копиям приоритетных заявок и их заверению, то он содержится в документе A/40/6 сороковой серии заседаний Ассамблеи государств-членов ВОИС[13]. В компетенцию ведомства входит определение того, как будет производиться заверение приоритетного документа, при этом отсутствуют какие-либо оговорки относительно связи языка заверяемых документов заявки с рабочим языком ведомства, т.е. не предусматривается возможность отказа ведомства в заверении документов заявки, поданных на языке, отличном от рабочего языка ведомства. Кроме того, следует обратить внимание, что нормы Парижской конвенции и PLT не связывают предоставление заявителю заверенной копии с какими-либо процедурными вопросами рассмотрения заявки.

Учитывая приведенные результаты исследования норм, касающихся установления даты подачи, формальной экспертизы и выдачи копии поданной заявки для использования преимуществ приоритета при дальнейшем патентовании, предлагается рассмотреть нормы ст. 1395 ГК РФ, которые определяют порядок зарубежного патентования созданных на территории РФ изобретений по истечении шести месяцев после подачи российской заявки. Отдельные результаты исследования проблемных вопросов нормативно-правового регулирования существующего порядка были представлены автором ранее в статье [8]. Проверка наличия в заявке сведений, составляющих государственную тайну, в соответствии с текстом Постановления правительства[14], производится на этапе формальной экспертизы заявки, хотя из непосредственного прочтения норм ст. 1395 ГК РФ следует, что при подаче заявки автоматически инициируется проведение проверки соответствия такой заявки требованиям национальной безопасности, а отсутствие уведомления заявителя в течение шестимесячного срока после факта подачи заявки означает, что в заявке не выявлены сведения, составляющие государственную тайну, и, следовательно, возможна подача иностранной заявки. Таким образом, имеет место рассогласованность формулировок норм, устанавливающих порядок зарубежного патентования, с точки зрения правовых и процедурных последствий факта подачи заявки.

Далее следует остановиться непосредственно на услуге по предоставлению заверенных копий документов приоритетных заявок, поданных в российское ведомство, которые нужны заявителям для подачи заявок с испрашиванием конвенционного приоритета за рубежом. Самостоятельные нормы,

[13] Заверение приоритетных документов: согласованное применение статьи 4D(3) Парижской конвенции по охране промышленной собственности. / Документ A/40/6 сороковой серии заседаний Ассамблеи государств-членов ВОИС. 23 июля 2004 г. – русский язык. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/govbody/ru/a_40/a_40_6.pdf (дата обращения 1 марта 2025 г.).

[14] Постановление Правительства РФ от 24.12.2007 № 928 «О порядке проведения проверки наличия в заявках на выдачу патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец, созданные в Российской Федерации, сведений составляющих государственную тайну» (с изменениями и дополнениями Постановлений Правительства РФ: № 384 от 22 мая 2008 г., № 199 от 31 марта 2010 г., № 754 от 7 сентября 2011 г., № 178 от 27 февраля 2015 г., № 629 от 25 мая, № 1397 от 18 ноября 2017 г., № 1750 от 20.10.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 декабря 2007 г. № 53, ст. 6624; 2008, № 21, ст. 2465; 2010, № 14, ст. 1664; 2011, № 37, ст. 5266; 2015, № 10, ст. 1536; 2017, № 23, ст. 3328; № 48, ст. 7223; 2023, № 1750, ст. 7745.

регламентирующие выдачу таких копий заявителю, в российском законодательстве отсутствуют, вместе с тем в данной ситуации можно говорить о необходимости прямого применения норм Парижской конвенции о заверении копии заявки ведомством, в которое она была подана, для последующего подтверждения приоритета. Однако необходимо здесь упомянуть отмеченную выше неточность действующих российских норм, связанную с установлением даты подачи заявки на стадии формальной экспертизы. Если точно следовать формулировкам, то ведомство должно выдавать заверенные копии приоритетных заявок (т.е. заявок, по которым установлена дата подачи) при выполнении дополнительного условия в виде формальной экспертизы. Статья 4A.-I(3) Парижской конвенции определила независимость факта подачи заявки и автоматически возникающего при этом права приоритета от дальнейшей судьбы заявки. В реальной жизни безусловное большинство заявок переходит на следующий этап жизненного цикла заявки после подачи заявки, а именно – на этап формальной экспертизы; и можно было бы возразить, что проблемы не существует, но вместе с тем правовым нормам нужна точность и недвусмысленность формулировок.

На практике заверение документов заявок, в том числе подготовка заверенных копий приоритетных документов заявок, осуществляется рамках государственной услуги по ознакомлению с документами заявок в соответствии со ст. 1385 и 1394 ГК РФ, в нормах которых, кроме отсутствия указания на приоритетные документы, имеется также ряд других неточностей и упущений в формулировках. После публикации заявки на изобретение п. 2 ст. 1385 ГК РФ предусмотрена возможность ознакомления и выдачи копии документов заявки на изобретение любому лицу. После публикации патента на изобретение и патента на полезную модель п. 2 ст. 1394 ГК РФ предусмотрена возможность ознакомления любого лица, как с документами заявки на изобретение, так и с документами заявки на полезную модель; при этом указание на выдачу копии в данном случае по всей видимости упущено. Следует отдельно отметить, поскольку публикация заявок на полезные модели не предусмотрена, то получение копии заявки на полезную модель возможно только в случае выдачи патента на полезную модель в рамках ст. 1394 ГК РФ. Очевидно, что для заявителя доступ к заявке с целью ознакомления и получения копии не должен быть обусловлен публикацией заявки или выдачей патента, ограничение должно возникать только в случае, когда заявка проходит проверку на содержание сведений, составляющих государственную тайну. Однако должно ли это означать, что если по запросу заявителя, поданному ранее шестимесячного срока, установленного в ст. 1395 ГК РФ, выдана заверенная копия заявки в виде приоритетного документа, то заявителю разрешена процедура зарубежного патентования?

Заключение

Современный международный подход по PLT к установлению даты подачи заявки, сформированный на основе принципа «мягкого права» и ставший частью российской национальной системы охраны технических решений, диктует необходимость переосмысления подхода к пониманию юридического факта подачи патентной заявки и связанных с ним правовых последствий, а также необходимость пересмотра нормативно-правового регулирования процедуры, связанной с проверкой соответствия заявки требованиям национальной безопасности. Вместе с тем, с точки зрения актуальных современных государственных задач по клиентоцентричности в предоставлении государственных услуг, необходимо сделать понятной для заявителя процедуру получения копии приоритетной заявки, поданной в российское ведомство. Представляется, что процедура выдачи заявителю заверенной копии заявки для зарубежного патентования должна быть согласована с установленным на данный момент в ст. 1395 ГК РФ порядком зарубежного патентования для целей соблюдения национальной безопасности.

Список литературы:

1. *Дозорцев В.А.* О понятии приоритета // Вопросы изобретательства, 1981. № 10. С. 7–8.

2. *Джермакян В.Ю.* Дата подачи выделенной заявки как прокрустово ложе при продлении патента / В.Ю. Джермакян // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2022. – № 7. – С. 23–30. – EDN RNYFAW.

3. *Новоселова Л.А.* Об особенностях некоторых правопорождающих фактов в патентном праве / Л.А. Новоселова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2016. – № 12. – С. 19–23. – EDN WKEPFN.
4. *Озолина И.Г.* Выделенная заявка как возможность необоснованно сдвинуть и продлить срок патентной монополии в России / И.Г. Озолина // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2022. – № 2. – С. 8–19. – EDN GENACN.
5. *Еременко В.И.* К вопросу о присоединении Российской Федерации к Договору о патентном праве / В.И. Еременко // Изобретательство. – 2009. – Т. 9, № 10. – С. 1–7. – EDN LALZLB.
6. *Еременко В.И.* О правовой охране промышленной собственности в Федеративной Республике Германия / В.И. Еременко // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2020. – № 7. – С. 17–31. – EDN NQBOXP.
7. *Апарина Т.В.* Дата международной подачи или чертежи? Выбор за заявителем / Т.В. Апарина // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2017. – № 6. – С. 46–49. – EDN YSTYOF.
8. *Сенчихина Л.А.* Требования национальной безопасности при зарубежном патентовании российских изобретений / Л.А. Сенчихина // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2024. – № 1. – С. 38–59. – EDN LVWTIG.

Для цитирования:
Корнеев В.А. Необходимость защиты общественных интересов, принципов гуманности и морали – не «резиновое» требование к товарным знакам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). С. 77–87.
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_7
For citation:
Korneev V.A. The need to protect public interests, principles of humanity and morality is not an «elastic» basis for refusing to grant legal protection to trademarks // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. June. N 2 (48). Pp. 77–87. (In Russ.).
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_7

DOI: 10.58741/23134852_2025_2_7

Необходимость защиты общественных интересов, принципов гуманности и морали – не «резиновое» требование к товарным знакам

В.А. Корнеев,
кандидат юридических наук, доцент
профессор кафедры интеллектуальных прав ФГБНУ «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации»

Статья посвящена противоречию общественным интересам, принципам гуманности и морали как абсолютному основанию для отказа в предоставлении правовой охраны товарным знакам. Данное, внешне очень широкое основание сравнивается с аналогичной по своей широте нормой ст. 10 ГК РФ, и делается вывод о необходимости ограничительного толкования случаев, когда не допускается государственная регистрация товарных знаков. В статье предпринята попытка определить границы применения положений подп. 2 п. 2 ст. 1483 ГК РФ с учетом подходов, выявленных в российском, европейском, английском, американском правопорядках.

Ключевые слова:
добросовестность; товарный знак; общественные интересы; гуманность; мораль

Требование о недопустимости противоречия товарных знаков морали и публичному порядку исторически первое на международном уровне – это единственное требование к товарным знакам, которое содержалось в Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. (далее – Парижская конвенция) в ее первоначальной редакции[1].

[1] https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/287780

В статье 6 первоначальной редакции Парижской конвенции было отмечено: le dépôt pourra être refusé, si l'objet pour lequel il est demandé est considéré comme contraire à la morale ou à l'ordre public (в заявке может быть отказано, если объект, в отношении которого она подана, может быть расценен как противоречащий морали или публичному порядку).

Современная редакция Парижской конвенции, определяющая международно-признанные требования к товарным знакам, в п. 3 ч. «B» ст. 6.quinquies также в числе прочего предусматривает, что товарные знаки могут быть отклонены при регистрации или признаны недействительными, если они противоречат морали или публичному порядку.

Отечественный правопорядок содержал аналогичное требование с самых первых законодательных актов о товарных знаках.

Так, исходя из положений п. 1 ст. 3 и п. 1 ст. 8 Закона Российской империи от 25 февраля 1896 г. «О товарных знаках (фабричных и торговых марках и клеймах)»[2] не могли быть предметом исключительного пользования и не принимались к заявке товарные знаки с надписями и изображениями, противными общественному порядку, нравственности или благопристойности.

В советский период почти во всех актах, определяющих требования к товарным знакам, содержались положения, тем или иным образом не допускающие противоречие знаков публичному порядку (кроме постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 07.03.1936 № 47/455 «О производственных марках и товарных знаках»[3]):

в пункте «в» ст. 4 постановления СНК РСФСР от 10.11.1922 «О товарных знаках»[4] и в п. «в» ст. 4 постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 12.02.1926 «О товарных знаках»[5] указывалось на запрет пользоваться в виде товарных знаков знаками контрреволюционного и порнографического характера;

статья 3 постановления Совета Министров СССР от 15.05.1962 № 442 «О товарных знаках»[6] запрещала использование в качестве товарных знаков знаков, противоречащих общественным интересам, требованиям социалистической морали.;

пункт 2 ст. 6 Закона СССР от 03.07.1991 № 2293-I «О товарных знаках и знаках обслуживания»[7] запрещал регистрацию в качестве товарных знаков или их элементов обозначений, противоречащих по своему содержанию общественным интересам, принципам гуманности и морали.

В современной России была воспринята норма вышеуказанного Закона СССР – согласно п. 3 ст. 6 Закон РФ от 23.09.1992 № 3520-I «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»[8] не допускалась регистрация в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали.

Аналогичная норма нашла отражение в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), в силу подп. 2 п. 3 ст. 1483 которого не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали.

Несмотря на то что соответствующие нормы существуют десятилетия, практика их применения традиционно была немногочисленной, возможно постольку поскольку главным барьером для индивидуализации товаров «скандальными» обозначениями служили не патентные ведомства, а нравственные устои заявителей. Однако анализ судебной практики показывает постепенный рост числа споров о том, противоречат ли те или иные обозначениям публичному порядку.

В рамках настоящей статьи не предполагается полноценная оценка того, что представ-

[2] Полное собрание законов Российской империи. Т. 16, с. 129 // https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=1657&regim=3.
[3] «СЗ СССР», 1936, № 13, ст. 113.
[4] «СУ РСФСР», 1922, № 75, ст. 939.
[5] «СЗ СССР», 1926, № 11, ст. 80.
[6] «СП СССР», 1962, № 7, ст. 59.
[7] «Ведомости СНД СССР и ВС СССР», 1991, № 30, ст. 864.
[8] «Российская газета», № 228, 17.10.1992.

ляют собой принципы гуманности и морали, каков исчерпывающий круг общественных интересов. Вместе с тем необходимо определить примерные границы применения этих положений, поскольку в определенном смысле все предусмотренные ст. 1483 ГК РФ правила, относящиеся наукой к абсолютным основаниям для отказа в предоставлении правовой охраны товарному знаку, направлены на защиту интересов общества[9].

Когда в Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации (ВАС РФ) велась работа по подготовке разъяснений по порядку применения положений ст. 10 ГК РФ, касающейся недопущения злоупотребления правом (в итоге ставших Обзором практики применения арбитражными судами ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, утвержденным информационным письмом Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127), одним из обсуждавшихся на открытых заседаниях Президиума вопросов был риск начала чрезмерно широкого применения этой нормы, поскольку внешне «резиновой», оценочной нормой весьма просто подменить применение конкретных способов защиты гражданских прав, предусмотренных законом, но требующих доказывания четко установленных обстоятельств.

Поэтому как в упомянутом Обзоре, так и в последующих разъяснениях высшие судебные инстанции последовательно указывали на некоторые рамки, на правила применения ст. 10 ГК РФ, обращая внимание на то, что для квалификации конкретных действий в качестве недобросовестных требуется установление определенного круга обстоятельств[10].

При этом еще в постановлении Президиума ВАС РФ от 01.07.2008 № 3565/08 отражена позиция, согласно которой честность поведения находится в иной плоскости, нежели его законность. Честное поведение может быть законным или незаконным, равным образом нечестное поведение может соответствовать закону или нет[11].

Вместе с тем, если имеется конкретная норма права, которой не соответствует поведение лица, то подлежит применению именно она, а не общие принципы права, включая запрет недобросовестного поведения.

Так, в постановлении президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.08.2024 по делу № СИП-797/2023 отмечено, что недобросовестность лица может быть основанием для отказа в защите нарушенного права. Особенно важна возможность применения положений ст. 10 ГК РФ в ситуации, когда точное следование букве закона нарушает дух закона и внешне законными действиями совершается недобросовестное деяние. При этом общие принципы права, к которым относится в том числе и добросовестность, применяются напрямую тогда, когда отсутствует непосредственно регулирующая отношения норма закона (ст. 6 ГК РФ). При наличии же конкретных норм права суд применяет эти конкретные нормы.

Аналогичное понимание должно сложиться и при применении обсуждаемой в настоящей статье нормы пп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ, которая при

---

[9] Так, ограничения, предусмотренные положениями п. 1 ст. 1483 ГК РФ установлены, в первую очередь, в публичных интересах и призваны не допустить предоставление одному лицу исключительного права на обозначение, которое не способно выполнять основную (индивидуализирующую) функцию товарных знаков (индивидуализировать конкретные товары в глазах потребителей) и (или) должно быть свободно для использования другими лицами, поскольку разумно предположить, что оно может использоваться применительно к определенным товарам (называя их, характеризуя их, определяя их форму и т.п.) – см., напр.: постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 24.11.2022 по делу № СИП-1334/2021.

[10] См., напр.: п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», п. 169-171 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023.

[11] Впоследствии в п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» (правда применительно к частному случаю недобросовестности – к недобросовестной конкуренции) прямо отражена позиция о том, что нарушение хозяйствующим субъектом при ведении своей деятельности норм гражданского и иного законодательства, в том числе в случае неправомерного использования охраняемого результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, само по себе не означает совершение акта недобросовестной конкуренции.

ее широком применении так же, как и ст. 10 ГК РФ, может подменить собой весь Кодекс в целом[12].

Как положения ст. 10 ГК РФ стали применяться за последние полтора десятилетия на порядок в большем числе случаев, чем раньше, так и норма о противоречии товарных знаков общественным интересам, принципам гуманности и морали стала все более востребованной[13], несмотря на то что она в целом создавалась (и применяется в мире) как исключительный для правоприменителя случай – когда не срабатывают внутренние ограничители участников гражданского оборота.

Риск расширительного толкования, широкого применения норм о противоречии товарных знаков общественным интересам, принципам гуманности и морали, вместо конкретных предусмотренных ГК РФ ограничений для товарных знаков, опасен в том числе тем, что не позволяет учесть интересы тех лиц, на защиту которых направлены конкретизированные ограничения.

Так, в делах № СИП-298/2022 и № СИП-333/2022[14] рассматривался вопрос о допустимости предоставления правовой охраны в качестве товарных знаков обозначениям, воспроизводящим названия, которые могут восприниматься как указание на части объекта культурного наследия («Медный всадник» и «Гром-камень» – части объекта «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников», включенного в 1990 г. в Список всемирного наследия ЮНЕСКО). В судебном порядке отклонена позиция Роспатента о том, что государственная регистрация в качестве товарных знаков таких обозначений может противоречить общественным интересам: законодатель предусмотрел специальный порядок предоставления правовой охраны таким обозначениям (п. 4 ст. 1483 ГК РФ), который не предполагает полный запрет на существование товарных знаков (как подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ), а лишь требует получения согласия уполномоченного лица. Подмена одного основания другим нивелирует возможность получения согласия. Такая подмена также позволит расширить круг лиц, которые могут быть признаны заинтересованными в оспаривании предоставления правовой охраны, учитывая, что заинтересованность по пп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ определяется широко[15], а заинтересованными лицами в оспаривании предоставления правовой охраны товарным знакам по п. 4 ст. 1483 ГК РФ являются лица, в пользу которых установлено предусмотренное данной нормой ограничение (т.е. в первую очередь те лица, которые вправе давать согласие на регистрацию товарного знака)[16].

Схожим образом в деле № СИП-446/2023 суд не допустил применение положений подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ вместо подп. 2 п. 9 той же статьи Кодекса, запрещающего регистрацию в качестве товарных знаков обозначений, тождественных, имени, псевдониму или производному от них обозначению, портрету или факсимиле известного в Российской Федерации на дату подачи заявки лица, без согласия этого лица или его наследника[17]. При этом в данном случае негативный эффект от такой подмены дополнительно заключался в том, что, применяя положения подп. 2 п. 3 вместо подп. 2 п. 9 ст. 1483 ГК РФ, Роспатент обошел процедурное ограничение, установленное п. 1 ст. 1499 Кодекса, согласно которому предусмотренное подп. 2 п. 9 ст. 1483 ГК РФ основание не подлежит проверке Роспатентом на стадии экспертизы заявленного

[12] См., напр.: Постановления президиума Суда по интеллектуальным правам от 29.11.2023 по делу № СИП-446/2023 и от 29.01.2024 по делу № СИП-266/2023. Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в постановлении от 30.07.2012 № 1063/12 также высказывал позицию о том, что суд не должен допускать непомерное расширение сферы применения общей нормы оценочного характера в ситуации, когда для применения прямо регулирующей ситуацию нормы не хватило доказательств.

[13] Так, только в Суде по интеллектуальным правам в качестве суда первой инстанции количество случаев, когда оценивалась правильность применения Роспатентом положений подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ возросло с 1-5 в год в первые годы работы, до 33 за 2024 г. , притом что до суда доходят далеко не все случаи применения норм в рамках административного производства.

[14] Постановления президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.10.2022 по делу № СИП-298/2022 и от 21.10.2022 по делу № СИП-333/2022.

[15] Пункт 32 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 07.04.2021.

[16] Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 02.08.2023 по делу № СИП-903/2022.

[17] Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 29.11.2023 по делу № СИП-446/2023

обозначения – соответствующая проверка может быть осуществлена исключительно на основании возражения заинтересованного лица[18].

В целом оба данных случая показывают, что применение абсолютного основания для отказа в регистрации товарного знака вместо относительного делает невозможной правовую охрану конкретного обозначения для всех без исключения заявителей, даже тех, которым лицо, защищаемое ГК РФ, готово дать согласие на регистрацию товарного знака, в отношении действий которого оно не считает свои права и законные интересы нарушенными.

Таким образом, как и в отношении ст. 10 ГК РФ, для целей применения положения ст. 1483 ГК РФ следует признать: если есть конкретная норма права, регулирующая конкретный интерес конкретных представителей общества, то именно она должна приниматься во внимание, без ее подмены нормой о защите общества в целом.

Хотя в норме подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ на недопущение государственной регистрации в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали, указывается с использованием соединительного союза «и», но приведенные три варианта того, чему не должна противоречить правовая охрана товарного знака, являются самостоятельными[19].

Ключевым ограничителем в широком понимании общественных интересов (принципы гуманности и морали гораздо меньше позволяют «резиновое» применение) является то, что для применения положений подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ не только должен быть назван конкретный общественный интерес (конкретный принцип гуманности или морали), но и обосновано, какой предоставлением правовой охраны товарному знаку этому общественному интересу (гуманности или морали) наносится вред.

Из этого исходит Суд по интеллектуальным правам[20], аналогичный подход (possible harmful effects) приведен в п. 2.341 Руководства Всемирной организации интеллектуальной собственности[21].

В методических материалах, подготовленных объединением национальных и региональных органов по интеллектуальной собственности Европейского союза[22], дополнительно обращается внимание на то, что для признания обозначения противоречащим общественным интересам, принципам гуманности и морали недостаточно признать, что у его разработчика плохой вкус. Безвкусные обозначения (грубые, невежливые, бестактные), но не носящие оскорбительного характера, не должны охватываться обсуждаемым основанием.

При этом отмечается, что, по общему правилу, знак будет противоречить публичному порядку, если он противоречит и/или подстрекает, прославляет, принижает или оправдывает нарушение нормы, принципа и/или ценности, относящихся к основополагающим в Европейском союзе в конкретный момент времени. Следовательно, знак должен затрагивать интерес, который государство-член считает основополагающим в соответствии со своими собственными системами ценностей. Общепринятым принципам морали противоречит знак, в отношении которого основополагающие моральные ценности и стандарты воспринимаются как оскорбленные, униженные, дискриминированные или приниженные таким образом, что это вызывает оскорбление[23].

Случаи надлежащего применения положений подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ можно условно разде-

[18] Аналогичная ситуация сложилась в деле № СИП-793/2019 (постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 11.12.2020 по делу № СИП-793/2019), где административный орган ссылался на нарушение общественных интересов, притом что указывал на использование в товарном знаке названия объекта авторского права (подп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ).

[19] См., напр.: п. 2 Обзора судебной практики по вопросам применения подп. 2 п. 3 ст. 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации, утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 20.09.2024 № СП-22/17 // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Март. № 1 (47). С. 9–12. DOI: 10.58741/23134852_2025_1_2; далее – Справка президиума СИП.

[20] Преамбула, п. 6 Справки президиума СИП.

[21] WIPO Intellectual Property Handbook. Publication 489(E). WIPO 2004.

[22] Common Communication on the Common Practice on trade marks contrary to public policy or to accepted principles of morality // https://www.tmdn.org/publicwebsite/#/practices/2547782 (далее – Common Communication), п. 1.2, п. 2.2.1.1.

[23] Common Communication, п. 2.1.1, 2.1.2, 2.2.1.

лить на три группы, когда общественным интересам, принципам гуманности, морали противоречит:

1) само по себе (безотносительно к товарам и услугам) обозначение в товарном знаке;

2) вызываемая обозначением ассоциация в отношении конкретных товаров (услуг);

3) сам факт регистрации товарного знака в отношении конкретных товаров (услуг)[24].

В рамках первой группы ситуаций оценивается обозначение как таковое – когда оно само по себе негативно влияет на общественные интересы, принципы гуманности и (или) морали.

Профессор Г. Боденхаузен, автор самого известного комментария к Парижской конвенции, приводил примеры обозначений, которые исходя из своих характеристик и требований морали или общественного порядка страны, в которой испрашивается охрана, не должны быть допущены к регистрации в качестве товарного знака: знак, содержащий непристойную картинку (противоречит морали); знаки, содержащие религиозный символ, эмблему запрещенной политической партии, эмблему государственного органа (противоречит общественному порядку, т.е. основным правовым или социальным концепциям конкретной страны)[25].

Схожие примеры приведены в п. 37 Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, утвержденных приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 20.07.2015 № 482, в которых к обозначениям, противоречащим общественным интересам, принципам гуманности и морали, отнесены, в частности, неэтично примененная национальная и (или) государственная символика (гербы, флаги, эмблемы), антигосударственные лозунги, слова и изображения непристойного содержания, призывы антигуманного характера, оскорбляющие человеческое достоинство, религиозные чувства верующих, слова, написание которых нарушает правила орфографии.

В практике Ведомства по интеллектуальной собственности ЕС к таким, недопустимым самим по себе обозначениям, отнесены, например, обозначения «BIN LADIN», «MECHANICAL APARTHEID», обозначения, содержащие обсценную лексику[26].

Ведомство США по патентам и товарным знакам обращает внимание на то, что для признания обозначения недопустимым самого по себе необходимо установить, что у него есть только одно – «скандальное», вульгарное, аморальное, обсценное значение. Так, было признано недопустимым обозначение «BULLSHIT» как таковое, поскольку разные словари содержали только одно, вульгарное значение соответствующего слова[27].

Аналогичного подхода придерживается и практика Великобритании, в отношении которой David Bainbridge[28] в целом отмечает очень редкое применение обсуждаемого основания для отказа в предоставлении правовой охраны товарным знакам и приводит примеры обозначений в основном сексуального характера.

В российской практике примером такого обозначения, противоречащего общественным интересам самого по себе, может служить обозначение «ВХЛАМИНГО», применительно к которому суд согласился с Роспатентом в том, что оно созвучно с выражением «в хламину» (синоним жаргонного выражения «в хлам»), употребляемого для характеристики очень сильного алкогольного и наркотического опьянения. Суд признал: семантика обозначения очевидна для рядового российского потребителя; такое обозначение может

[24] В европейской практике традиционно выделяют только первые два (см., например, Common Communication; Trade mark and Design guidelines 2024 // https://guidelines.euipo.europa.eu/2214311/1789498/trade-mark-guidelines/chapter-1-general-principles (далее – Trade mark and Design guidelines)), но, по мнению автора статьи, третья группа имеет самостоятельное значение и самостоятельный круг обстоятельств, требующих доказывания.

[25] Парижская конвенция по охране промышленной собственности [Текст]: Комментарий / Г. Боденхаузен; Пер. с фр. Тумановой Н.Л.; Под ред. проф. Богуславского. М.; Вступ. статья Питовранова Е.П. Москва: Прогресс, 1977.

[26] Trade mark and Design guidelines, п. 4.1.

[27] Trademark Manual of Examining Procedure – 7th edition. USPTO, 2010. П. 1203.01.

[28] Bainbridge D. Intellectual property. Ninth edition. Pearson Education Limited, 2012. С. 724–726.

быть воспринято адресной группой потребителей как пропаганда алкогольного или наркотического опьянения, что очевидно противоречит общественному интересу, который состоит в популяризации здорового образа жизни и сокращении социальных последствий, связанных с употреблением алкоголя. С учетом этого обозначение было квалифицировано как оскорбляющее человеческое достоинство[29].

Вместе с тем не любой жаргонизм имеет негативный подтекст.

Обозначение, состоящее из элементов «ЛАВЕШКА»/»LAVESHKA», Роспатент признал недопустимым как представляющее собой молодежный сленг, жаргонное слово. Суд, однако, отметил: одного данного обстоятельства (а никакой другой мотивировки административный орган не приводил) недостаточно для вывода о несоответствии спорного обозначения общественным интересам, принципам гуманности и морали: жаргонная лексика – это всего лишь слова, употребление которых свойственно людям, образующим обособленные социальные группы, т.е. слова и выражения, встречающиеся в речи людей, связанных определенным родом деятельности, способом времяпрепровождения и проч. Использование жаргонных слов далеко не всегда наносит вред общественным отношениям, посягает на принципы гуманности и морали. Тем более использование жаргонных слов молодежного сленга необязательно имеет негативный подтекст (к числу жаргонных слов молодежного сленга, например, относится слово «клевый»)[30].

Применительно ко второй группе – к обозначениям, которые вызывают противоречащие общественным интересам, принципам гуманности, морали ассоциации в отношении конкретных товаров (услуг), первое, на что нужно обратить внимание, это то, что не оценивается восприятие потребителями (или патентным ведомством) самого товара (в отрыве от обозначения).

Так, по делу № СИП-891/2022 президиум Суда по интеллектуальным правам[31] отметил, что «негативное (по той или иной причине) отношение к существованию тех или иных товаров (например, упомянутых Роспатентом гребней от вшей) не может быть учтено: если товар присутствует на рынке и может находиться в гражданском обороте на законных основаниях, то для него могут регистрироваться товарные знаки». Впоследствии эта позиция была сформулирована президиумом Суда по интеллектуальным правам в общем виде[32].

Аналогичного подхода придерживается и Американское патентное ведомство, прямо указывающее в своих методических рекомендациях на то, что «скандальность» товара (например, журналов для взрослых) не учитывается при оценке охраноспособности товарных знаков[33].

Второй, не менее важный момент заключается в том, что не учитывается «скандальность» субъекта, обращающегося за предоставлением правовой охраны товарному знаку[34]. Обсуждаемое основание как абсолютное основание для отказа в предоставлении правовой охраны товарного знака представляет собой характеристику обозначения по сравнению с конкретными товарами, которая (при ее «скандальности») означает невозможность предоставить правовую охрану обозначению по заявкам всех и каждого.

Применение данного основания зависит от того, как релевантная публика воспринимает то или иное обозначение применительно к товарам.

Основная функция товарных знаков – индивидуализировать, связывать в глазах потребителей конкретные товары, работы и услуги с конкретным источником происхождения товаров. С одной стороны, они формируют у потребителей ассоциативный ряд между конкретным обозначением (при использовании его в гражданском обороте в отношении конкретных товаров, работ или услуг) и источником (лицом, группой лиц) их происхождения, защищая интересы потребителей, помогая им

[29] Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 04.02.2025 по делу № СИП-483/2024.
[30] Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 14.03.2025 по делу № СИП-862/2024.
[31] Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.07.2023 по делу № СИП-891/2022.
[32] Пункт 5 Справки президиума СИП.
[33] Trademark Manual of Examining Procedure. Там же.
[34] См., напр.: п. 7 Справки президиума СИП.

узнавать товары, работы и услуги из числа аналогичных с точки зрения их качества, свойств, иных характеристик. С другой стороны, они защищают репутацию правообладателей, помогают правообладателям информировать потребителей о товарах, работах или услугах и об их характеристиках, рекламировать их[35].

При этом потребитель не обязан знать, иметь возможность назвать конкретное лицо, являющееся источником происхождения товаров, – товарные знаки на то и существуют, чтобы с их помощью потребитель выделял однородные товары из общей массы и представлял себе по видимому обозначению определенные характеристики товара.

Товарные знаки индивидуализируют товары, а не их производителей (юридических лиц или индивидуальных предпринимателей). Соответственно, восприятие устанавливается по отношению к определенным товарам, а не к его производителю: потребитель может не знать конкретного производителя, но понимать, что товары происходят из одного источника[36].

Что касается самого обозначения, то прежде чем оценивать его связь с определенными товарами, должно быть выявлено, какие в принципе возможные ассоциации у адресной группы потребителей оно вызывает.

Так, по делу № СИП-225/2023[37] суды не поддержали вывод о противоречии положениям подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ обозначения, содержащего словесный элемент «HEMPY», признав, что адресная группа российских потребителей вряд ли знает значение этого английского, не относящегося к общеупотребительным (по крайней мере для неносителей языка) слова.

Если же смысл элемента понятен, то, в отличие от обозначений первой группы, противоречащих общественным интересам, принципам гуманности и морали самих по себе, для обозначений второй группы характерна многовариативность их восприятия.

Учитывая, что восприятие одного и того же обозначения может разниться в отношении тех или иных товаров (услуг), оценивается восприятие потребителями конкретного обозначения применительно к конкретным товарам (услугам).

Так, в европейской практике одно и то же обозначение «KILL THEM ALL» было признано недопустимым в отношении услуг 41-го класса МКТУ «услуги развлечения детей» (поскольку воспринимается как побуждение к совершению преступления), но допустимым для товара 5-го класса МКТУ «инсектициды» (поскольку воспринимается как указывающее на уничтожение насекомых). Обозначение «AUSCHWITZ MEMORIES» признано недопустимым для услуг 41-го класса «парки развлечений» (поскольку, воспроизводя название концентрационного лагеря, оно применительно к паркам развлечений воспринимается как снижающее значение трагедии и ее жертв), но допустимым для услуг того же класса МКТУ «музеи» (поскольку воспринимается как представление для публики определенных исторических событий в образовательных целях, в целях повышения осведомленности публики).

Аналогичный последнему пример можно привести и из российской практики, где не было допущено предоставление правовой охраны обозначению «ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ» (место крупного танкового сражения 12.07.1943) в отношении товаров 33-го класса (алкогольные напитки (за исключением пива)) МКТУ[38].

Противоречащей общественным интересам признана государственная регистрация обозначения «**МИЛИЦИЯ**» в отношении услуг 45-го класса МКТУ «агентства брачные; бальзамирование; бюро похоронные; выпуск голубей на особых событиях; кремация; организация религиозных собраний; планирование и организация свадебных церемоний; помощь в надевании кимоно; проведение религиозных церемоний; проведение ритуальных церемоний; советы астрологов; составление гороскопов; услуги карточных гадателей;

[35] См., подробнее: Интеллектуальные права: учебник / Под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А.Павловой. М.: Статут, 2023. С. 705–706.
[36] См., напр.: Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 29.06.2020 по делу № СИП-859/2019.
[37] Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.10.2023 по делу № СИП-225/2023.
[38] Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 21.11.2014 . по делу № СИП-509/2014.

услуги клубов по организации встреч или знакомств; услуги по выгулу собак; услуги погребальные», как формирующих негативное отношение к органам власти (в том числе ранее существовавшим), например, предполагающих оказание этими органами услуг карточных гадателей[39].

В отличие от этого в деле № СИП-569/2024 суд признал, что словесный элемент «OPIUM» (который в отношении отдельных товаров может восприниматься в негативном ключе) применительно к таким товарам, как одежда, обувь, головные уборы, бижутерия, предметы канцелярии и сопутствующие услуги по производству, пошиву вещей, их рекламе и презентации, негативных ассоциаций с наркотическими средствами и их пропагандой не порождает[40].

При этом патентное ведомство не должно выступать «умом, честью и совестью нашей эпохи» и предотвращать попытки регистрации обозначений при малейшем подозрении на возможную скандальность. Патентное ведомство для отказа в регистрации товарного знака должно доказать, что значительная часть публики (адресной группы потребителей) воспримет то или иное обозначение в негативном ключе[41].

Должен быть определен, конкретизирован тот общественный интерес (принципы гуманности и морали), которому будет причинен вред при регистрации спорного обозначения. При этом, учитывая последствия применения положений подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ (отказ в предоставлении правовой охраны товарному знаку), вред, причиняемый общественному интересу, должен быть реально прогнозируемым, разумно предполагаемым.

Так, в отношении обозначения «

» суд не поддержал позицию Роспатента о том, что вызываемая им ассоциация в отношении алкогольной продукции противоречит общественным интересам как «популяризирующая ядерное оружие». Суд отметил: ничто в заявленном обозначении не может быть расценено как призыв к применению ядерного оружия. Ни особенности самого обозначения не содержат призыва, ни использованный словесный элемент не ассоциируется именно с применением ядерного оружия (в отличие, например, от названий других географических объектов, таких как Хиросима и Нагасаки)[42].

Сотрудники патентного ведомства не должны защищать «собственные представления о прекрасном» – о том, каким они хотели бы видеть мир. Так, суд подчеркнул: негативные ассоциации сотрудников патентного ведомства в отношении тех или иных обозначений, если эти обозначения с разумной степенью вероятности не могут нанести вред конкретным общественным интересам, принципам гуманности или морали, сами по себе не свидетельствуют о возможности применения положений подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ[43].

Более того, и это принципиально не только для данного основания для отказа в представлении правовой охраны товарного знака, но и для многих других, указанных в ст. 1483 ГК РФ и относящихся к абсолютным основаниям: решение Роспатента не имеет отношения к тому, будет ли фактически использоваться то или иное обозначение на рынке. Отказ в предоставлении правовой охраны обозначению по абсолютным основаниям вовсе не означает запрет на использование такого обозначения без регистрации.

Третьим видом случаев, когда применяются правила подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ, являются случаи, когда само по себе использование того или иного обозначения к тем или иным товарам является допустимым, но общественным интересам противоречит именно предоставление правовой охраны обозначению в качестве товарного знака.

Так, положения подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ были применены к обозначению « », которое содержит в своем составе характерные для росписи народного художественного промысла «Гжель»

[39] Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.09.2021 по делу № СИП-864/2020.
[40] Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 17.02.2025 по делу № СИП-569/2024.
[41] Trademark Manual of Examining Procedure. Там же.
[42] Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 07.02.2025 по делу № СИП-651/2024.
[43] Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 01.04.2024 по делу № СИП-891/2022.

изобразительные элементы в виде орнамента с птицей, растениями, узорами синего и голубого цветов на белом фоне, а следовательно, в сознании потребителя в отношении данного обозначения будет формироваться представление именно о росписи «Гжель». В соответствии с Федеральным законом от 06.01.1999 № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах» народные художественные промыслы представляют собой неотъемлемое достояние и одну из форм народного творчества народов Российской Федерации, которые охраняются и регистрируются в соответствии с положениями данного Закона. В силу ст. 3 этого Закона народный художественный промысел – одна из форм народного творчества, деятельность по созданию художественных изделий утилитарного и (или) декоративного назначения, осуществляемая на основе коллективного освоения и преемственного развития традиций народного искусства в определенной местности в процессе творческого ручного и (или) механизированного труда мастеров народных художественных промыслов.

Предоставление правовой охраны товарному знаку конкретному лицу создает в отношении конкретного обозначения исключительное право правообладателя, препятствующее использованию этого обозначения третьими лицами.

Народные же художественные промыслы, по своей сути, это виды творчества, которые должны быть доступны не для конкретных индивидуумов, а для народов.

С учетом этого предоставление правовой охраны таким охраняемым по специальным правилам обозначениям может быть признано нарушающим общественные интересы, если оно препятствует деятельности тех лиц, на защиту которых эти специальные правила направлены[44].

Равным образом противоречащей общественным интересам признается государственная регистрация товарного знака по «младшей» заявке, юридически тождественного «старшему» товарному знаку, на имя того же правообладателя в отношении тех же или пересекающихся товаров противоречит общественным интересам[45]. Предоставление правовой охраны товарным знакам иных лиц, сталкивающимся с уже существующими знаками, регулируется положениями п. 6 ст. 1483 ГК РФ, однако в отношении столкновения знаков одного и того же лица прямое законодательное регулирование отсутствует.

Вместе с тем суды исходят из того, что согласно норме п. 1 ст. 1477 ГК РФ на товарный знак, то есть обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак. При этом не может быть два или три исключительных права, одинаковых по содержанию, на одно и то же средство индивидуализации, поскольку в таком случае право перестает быть исключительным. Повторное предоставление исключительного права на тот же самый объект правовой охраны противоречит самому характеру признания прав, поскольку для наделения носителя какими-либо правами достаточно один раз зафиксировать соответствующий правовой факт.

Негативные последствия двойной регистрации одного и того же обозначения в качестве товарного знака одного и того же лица не столь очевидны на первый взгляд – казалось бы, этим не затрагиваются права иных лиц. Вместе с тем в действительности такие последствия есть, и они далеко не всегда прогнозируемы. Так, «двойная» регистрация позволяет заключить два договора на условиях исключительной лицензии, что в отношении одного знака прямо запрещено (ст. 1236 ГК РФ), позволяет сохранять за собой клоны товарных знаков, правовая охрана которых прекращена вследствие их неиспользования[46].

[44] См.: Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 24.01.2022 по делу № СИП-637/2021, п. 7 Справки президиума СИП.

[45] См., напр.: п. 31 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 07.04.2021, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2020 № 300-ЭС20-12050, постановления президиума Суда по интеллектуальным правам от 27.03.2017 по делу № СИП-464/2016, от 02.05.2017 по делу № СИП-711/2016, от 03.02.2020 по делу № СИП-427/2019.

[46] Подобное поведение также может быть признано недобросовестным – п. 7 Обзора судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023.

В качестве заключения следует констатировать: противоречие общественным интересам, принципам гуманности и морали не должно признаваться безгранично– должны устанавливаться конкретные публично значимые интересы и разумно предполагаемый вред, который может быть этим интересам нанесен обозначением, использованием обозначения в отношении определенных товаров (услуг) или самим фактом государственной регистрации товарного знака.

Список литературы:

1. *Bainbridge D.* Intellectual property. Ninth edition. Pearson Education Limited, 2012.
2. Common Communication on the Common Practice on trade marks contrary to public policy or to accepted principles of morality // https://www.tmdn.org/publicwebsite/#/practices/2547782.
3. Common Communication; Trade mark and Design guidelines 2024 // https://guidelines.euipo.europa.eu/2214311/1789498/trade-mark-guidelines/chapter-1-general-principles.
4. Trademark Manual of Examining Procedure – 7th edition. USPTO, 2010.
5. WIPO Intellectual Property Handbook. Publication 489(E). WIPO 2004.
6. Интеллектуальные права: учебник / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А.Павловой. М.: Статут, 2023.
7. Парижская конвенция по охране промышленной собственности [Текст]: Комментарий / Г Боденхаузен; Пер. с фр. Тумановой Н.Л.; Под ред. проф. Богуславского. М.; Вступ. статья Питовранова Е.П. Москва: Прогресс, 1977.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // https://vsrf.ru/documents/own/8435/.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // https://vsrf.ru/documents/own/27773/.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // https://vsrf.ru/documents/own/29742/.
11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 07.04.2021 // https://vsrf.ru/documents/practice/29857/.
12. Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15.11.2023 // https://vsrf.ru/documents/thematics/33140/.
13. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2012 № 1063/12 // https://kad.arbitr.ru/.
14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2020 № 300-ЭС20-12050 // https://kad.arbitr.ru/.
15. Обзор судебной практики по вопросам применения подп. 2 п. 3 ст. 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации, утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 20.09.2024 № СП-22/17 // https://ipcmagazine.ru/court/1789080/.
16. Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, утвержденных приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 20.07.2015 № 482 // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 20.08.2015.

Для цитирования:
Радецкая М.В., Туркина А.Е. Правоприменительная практика по вопросам защиты географического указания и наименования места происхождения товара: анализ проблем и возможные пути их решения (часть 2) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). С. 88–96.
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_8
For citation:
Radetskaya M.V., Turkina A.E. Law enforcement practice on the protection of geographical indications and appellations of origin: analysis of problems and possible solutions (part 2) // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. June. N 2 (48). Pp. 88–96. (In Russ.).
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_8

DOI: 10.58741/23134852_2025_2_8

Правоприменительная практика по вопросам защиты географического указания и наименования места происхождения товара: анализ проблем и возможные пути их решения (часть 2)[1]

М.В. Радецкая,
кандидат юридических наук,
консультант отдела законодательства об интеллектуальных правах,
доцент кафедры интеллектуальных прав ФГБНУ «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации»
г. Москва, Россия
ID РИНЦ 889190

А.Е. Туркина,
магистр частного права,
консультант отдела законодательства об интеллектуальных правах ФГБНУ «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации»
г. Москва, Россия
ID РИНЦ 1150437

В настоящей статье авторами предпринята попытка выявить наиболее частые проблемы, возникающие при применении судами и патентным ведомством норм § 3 главы 76 Гражданского кодекса Российской Федерации посвященных наименованиям мест происхождения товара (НМПТ) и географическим указаниям (ГУ). Причинами возникновения рассмотренных споров, позволяющими разделить споры на тематические группы,

[1] Настоящее исследование подготовлено в рамках выполнения государственного задания, утвержденного федеральному государственному бюджетному научному учреждению «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации» (номер научно-исследовательской работы в ЕГИСУ НИОКТР 123021600224-7).

стали: 1) ограничивающие конкуренцию действия хозяйствующих субъектов с использованием средств индивидуализации; 2) соотношение товарных знаков с ГУ (НМПТ); 3) содержание нарушения исключительных прав на средства индивидуализации; 4) соотношение ГУ (НМПТ) и ГОСТов; 5) соответствие товаров Государственному реестру географических указаний и наименований мест происхождения товара; 6) взыскание (и снижение) компенсации, запрошенной правообладателем ГУ (НМПТ).

Обзор и анализ правоприменительной практики по вопросам ограничения конкуренции в сфере ГУ (НМПТ), а также вопросам соотношения товарных знаков с ГУ (НМПТ) приведен в части первой настоящей статьи. Практика по остальным вопросам рассмотрена в части второй настоящей статьи.

Ключевые слова:
географические указания; наименования мест происхождения товаров; товарный знак; злоупотребление правом; ограничение конкуренции; компенсация; контрафактный товар, нарушение исключительного права

Первая часть этой статьи была опубликована в Журнале Суда по интеллектуальным правам № 1 (47) 2025 г.

Содержание нарушения исключительных прав на средства индивидуализации

При применении судами и патентным ведомством норм § 3 главы 76 Гражданского кодекса Российской Федерации, посвященных географическим указаниям (далее также – ГУ) и наименованиям места происхождения товара (далее также – НМПТ), в судебной практике возникают вопросы относительного того, ***какое действие следует считать нарушением прав на ГУ (НМПТ)***.

Согласно пункту 3 ст. 1519 ГК незаконным использованием ГУ (НМПТ) признается:

1) использование зарегистрированного ГУ (НМПТ) лицами, не обладающими правом его использования, даже если при этом указывается подлинное место происхождения товара или ГУ (НМПТ) используется в переводе либо в сочетании с такими словами, как «род», «тип», «имитация» и тому подобными;

2) использование зарегистрированного ГУ (НМПТ) лицами, обладающими правом его использования, в отношении товара, не обладающего характеристиками, указанными в Государственном реестре географических указаний и наименований мест происхождения товара (далее – ГРУН), либо произведенного за пределами границ географического объекта, указанных в ГРУН;

3) использование для любых товаров обозначения, включающего, воспроизводящего или имитирующего зарегистрированное ГУ (НМПТ), способного ввести потребителей в заблуждение относительно места происхождения товара или характеристик товара.

В деле № А56-9360/2023[2] правообладатель в отношении НМПТ «Крестецкая строчка» требовал от ответчика прекратить использование НМПТ на сайтах (обучение вышивке, реклама вышивки на заказ), удалить опубликованные фото и видео, уплатить компенсацию. Ответчик (ИП), возражая против иска, утверждал, что не производит и не распространяет контрафактных товаров, а создает онлайн-курсы по вышивке (вебинары). Из статьи 1516 ГК следует, по мнению ответчика, что НМПТ регистрируется исключительно для недопущения производства товара за пределами географических границ, в которых НМПТ стало уникальным, но никак не для того, чтобы не допускать упоминание НМПТ в образовательных, учебных и научных целях, тем более когда НМПТ имеет смысловую нагрузку, используется в своем прямом словарном значении и безотносительно к товарам, для которых наименование было зарегистрировано в качестве НМПТ. В противном случае это означало бы законодательно установленное ограничение на прогресс в области науки

[2] Постановление Тринадцатого ААС от 6 февраля 2024 г. № 13АП-35069/2023 по делу № А56-9360/2023.

и культуры. Согласно пункту 157 Постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10, «употребление слов (в том числе имен нарицательных), зарегистрированных в качестве словесных товарных знаков, не является использованием товарного знака, если оно осуществляется в общеупотребительном значении, не для целей индивидуализации конкретного товара, работы или услуги (в том числе способами, перечисленными в пункте 2 статьи 1484 ГК РФ), например, в письменных публикациях или устной речи».

Суд первой инстанции обязал ответчика прекратить использование НМПТ и уплатить компенсацию правообладателю, однако апелляционный суд решение суда первой инстанции отменил, в удовлетворении требований истца отказал. СИП справедливо поддержал выводы суда апелляционной инстанции, обратив внимание на то, что под использованием НМПТ подразумевается *использование в целях индивидуализации товаров лица*. Упоминание обозначения, которое зарегистрировано в качестве НМПТ, в вебинаре в образовательных целях не является использованием места происхождения товаров, и соответственно не свидетельствует о нарушении исключительных прав на данный объект. В материалы дела не было представлено доказательств, подтверждающих факт предложения на сайте ответчика товаров, с использованием НМПТ, права на которое принадлежат истцу[3].

Еще одним аспектом проблемы содержания нарушения исключительного права на ГУ (НМПТ) является то, что ***с момента регистрации ГУ (НМПТ) одним лицом, все остальные производители местной продукции, использующие ГУ (НМПТ) становятся нарушителями права на него***. Производимый такими лицами товар соответствует характеристикам, зафиксированным в ГРУН, но отсутствие у его производителя или продавца права использования ГУ или НМПТ делает его нарушителем при фактическом соответствии товара охраняемым характеристикам, тогда как процесс получения необходимых документов для предоставления исключительного права на ГУ (НМПТ) и государственной регистрации может занимать длительное время. Этот вывод можно проиллюстрировать на примере дела в отношении НМПТ “Елецкие кружева”, в котором СИП обратил внимание на то, что «довод фабрики [ООО Фабрика НХП “Елецкие кружева”, о том, что само по себе приобретение обществом [ООО “Кружевной край”] права на наименование места происхождения товара “Елецкие кружева”, по свидетельству Российской Федерации № 78/2 не исключает возможности квалификации его действий по использованию спорного наименования как нарушение исключительного права фабрики, которое возникло ранее, обоснован»[4]. В данном деле фабрике было отказано во взыскании компенсации за нарушение обществом исключительного права в связи с недоказанностью использования НМПТ на товарах, производимых обществом. Однако судом сделан вывод о том, что правообладатель ГУ (НМПТ), который первым получил исключительное право на него, вправе взыскивать компенсацию с последующих правообладателей исключительного права на это же ГУ (НМПТ) за период его использования до того момента, как «нарушитель» получит право на ГУ (НМПТ). Решением данной проблемы может стать установление срока, в течение которого желающие получить право на ГУ (НМПТ) предприниматели, должны подать соответствующее заявление в Роспатент, не считаясь нарушителем исключительного права на ГУ (НМПТ) лица, которое первым получило право на соответствующее обозначение.

В делах о содержании нарушения исключительного права возникает также вопрос о том, ***считаются ли нарушением исключительного права на товарный знак действия по производству товара с использованием НМПТ до (после) момента присоединения к регистрации ГУ (НМПТ)***.

В деле № А01-503/2022[5] правообладатель товарных знаков, содержащих слова «Пиво Майкопское» (№ 596056, 677614, 885454, 892033, 971177), имеющий с 30 апреля 2020 г. право на НМПТ

[3] Постановление СИП от 7 июня 2024 г. № С01-725/2024 по делу № А56-9360/2023.
[4] Постановление СИП от 16 октября 2024 г. № С01-1790/2024 по делу № А36-11299/2022.
[5] Постановление СИП от 13 января 2023 г. № С01-2354/2022 по делу № А01-503/2022.

«ПИВО МАЙКОПСКОЕ» (№ 248/1), повторно (после решения от 30 августа 2021 г. по делу № А01-119/2021 с аналогичными требованиями[6]) обнаружил продажу третьими лицами контрафактной продукции конкурента, имеющего право на НМПТ с 15 февраля 2022 г. СИП счел, что суды правомерно взыскали с конкурента компенсацию, поскольку он продолжил производить и реализовывать контрафактные товары после принятия решения по предшествующему делу. Такая позиция суда, однако, представляется спорной, поскольку игнорирует (1) непрерывность производственного цикла (например, производитель мог заранее заказать упаковку или этикетки для производимого им товара); (2) наличие у «нарушителя» права на НМПТ и использование правообладателем товарных знаков для препятствования использованию этого права; (3) то, что до даты вступления решения по делу № А01-119/2021 в силу вопрос правомерности использования обозначений оставался спорным, а после этой даты «нарушитель» контрафакт не производил[7].

Соответствие товаров в ГРУН

Еще одной интересной проблемой, выявленной на практике, являются судебные споры, в которых поднимался вопрос о ***несоответствии производимых товаров особым характеристикам, содержащимся в ГРУН***.

К примеру, в деле № СИП-347/2022[8] Роспатент отказал в предоставлении исключительного права на НМПТ «Нагутская-4», поскольку (1) выявил отличие химических свойств воды, указанных в заявке и в ГРУН; (2) Роспатент не наделен полномочиями по оценке того, являются ли выявленные отличия существенными, а разъяснения уполномоченного на это органа (Минздрава РФ) заявитель не представил (фактически заключение Минздрава представлено, но оценка воды выполнена по показателям ГОСТ, а не ГРУН). СИП, рассматривая дело в качестве суда первой инстанции, указал, что именно заключение Минздрава РФ является единственным допустимым доказательством наличия у товара особых свойств, указанных в ГРУН. В ходе рассмотрения дела Минздравом РФ представлены пояснения, указывающие, что расхождения химических свойств воды, указанных в заявке и в ГРУН, несущественны (находятся в пределах природных вариаций и не меняют квалификационную оценку минеральной воды). Президиум СИП отметил, что в приложенном к заявке заключении Минздрава РФ приводилось сравнение минеральной воды с параметрами ГОСТ, а не с параметрами ГРУН, что противоречит ст. 1522.1 ГК, однако допустимо исправление недостатков заключения и в судебном порядке, а не только посредством запроса заключения самим Роспатентом в уполномоченном органе или посредством отказа в предоставлении исключительного права с последующей подачей новой заявки (как писал Роспатент в кассационной жалобе).

В деле № СИП-511/2021[9] Роспатент отказал в предоставлении права на использование НМПТ «Нагутская» (№ 61), поскольку указанные в заявке показатели минерализации воды не совпадают с аналогичными показателями минеральной воды «Нагутская», внесенными в ГРУН. Роспатент, принимая решение, не принял во внимание документы Минздрава и Национального медицинского исследовательского центра реабилитации и курортологии, подтверждающие, что отличия в химическом составе добываемой минеральной воды являются несущественными, находятся в пределах природных вариаций и не меняют квалификационную оценку этой минеральной воды. Суды подчеркнули, что именно заключение министерства является единственным допустимым доказательством наличия у товара особых свойств, указанных в ГРУН, а кроме того, недопустимо противоречивое и непоследовательное поведение админи-

[6] Решение Арбитражного суда Республики Адыгея от 30 августа 2021 г. по делу № А01-119/2021.

[7] В судебной практике другие аналогичные дела, в которых этот же правообладатель предъявлял аналогичные требования к тому же ответчику (за иной период «нарушения») или к иному ответчику. См.: Постановление Пятнадцатого ААС от 15 сентября 2023 г. № 15АП-13021/2023 по делу № А01-4464/2022, Постановление Пятнадцатого ААС от 17 января 2024 г. № 15АП-19953/2023 по делу № А01-4210/2022.

[8] Постановление Президиума СИП от 19 апреля 2023 г. № С01-468/2023 по делу № СИП-347/2022.

[9] Постановление Президиума СИП от 17 февраля 2022 г. № С01-2296/2021 по делу № СИП-511/2021.

стративного органа, следовательно, с учетом ранее выданных свидетельств на использование НМПТ для воды с отличающимся от ГРУН составом, а также позиции Роспатента по аналогичным делам (по делу № СИП-784/2016) отказ неправомерен.

Роспатент обжаловал решение, считая недопустимым использование на практике предоставления исключительного права на ранее зарегистрированное НМПТ категории «несущественное отличие от особых свойств товара, указанных в Государственном реестре», ввиду сложностей в определении границ отклонения. Используемый в настоящее время способ описания особых свойств товара путем указания диапазонов значений направлен на создание условий для распространения правовой охраны определенного НМПТ на незначительно отличающиеся товары, тогда как примененный при принятии обжалуемого решения подход суда первой инстанции противоречит воле законодателя и нарушает права потребителей. В деле № СИП-547/2018[10] аналогично был решен спор, вызванный заключением Минздрава, в котором последний произвольно изменял особые свойства товара по сравнению с внесенными в ГРУН. Учитывая, что Роспатент полномочен лишь проверять наличие заключения компетентного органа, но не содержание (в т.ч. обоснованность) такого заключения, создается ситуация, при которой орган исполнительной власти, по сути, по собственному усмотрению принимает решение о допущении или недопущении хозяйствующих субъектов на рынок маркируемого ГУ (НМПТ) товара.

Таким образом, в указанных делах суды признали неправомерным отказ Роспатента, указав, что *заключение уполномоченного органа исполнительной власти является единственным допустимым доказательством наличия у товара особых свойств, указанных в ГРУН*, а Роспатент возражал, считая недопустимым использование в практике предоставления исключительного права на ранее зарегистрированное НМПТ категории «несущественное отличие от особых свойств товара, указанных в Государственном реестре», ввиду сложностей в определении границ отклонения.

В деле № А03-14676/2021[11] по требованию компании «Алтайский пчелоцентр» суды признали выпущенную ответчиком – другим крупным местным производителем меда ООО «Алтайская компания "Медовый край" – продукцию контрафактной с последующим изъятием из оборота и уничтожением, поскольку НМПТ «Алтайский мед» использовалось им в отношении иных товаров (меда с различными добавками), чем описанные в свидетельстве о регистрации права на использование НМПТ (мед без добавок). По мнению судов, это недопустимо, поскольку смешение меда с добавками приводит к изменению состава продукта, цвета, его вкусовых качеств, а значит, в этом случае НМПТ используется в отношении товара, не обладающего характеристиками, указанными в ГРУН. В ходе рассмотрения дела ответчик также заявлял о злоупотреблении правом со стороны истца (факт недобросовестной конкуренции). СИП, признав наличие нарушения исключительного права на стороне ответчика, также сделал вывод об отсутствии на стороне истца признаков злоупотребления правом, поскольку у истца имеется реальный экономический интерес в защите своих прав. В деле А03-5084/2023[12] рассматривалось аналогичное требование, однако истцом выступал ответчик по предыдущему делу, а ответчиком – истец по предыдущему делу. Данные дела предположительно связаны с тем обстоятельством, что производители меда пытаются таким образом устранить конкурентов с рынка: они через суд предъявляют друг к другу указанное требование, что не может не причинить существенные убытки всему производству.

Еще одним аспектом обозначенной проблемы является то, что в описании многих ГУ (НМПТ) неочевидно, каким образом связь с конкретным местом опосредует особые свойства товара. При этом характеристики, закрепленные в ГРУН, формулируются лицом, первым решившим зарегистрировать новое ГУ (НМПТ), поэтому не всегда

[10] Решение СИП от 29 мая 2020 г. по делу № СИП-547/2018.
[11] Постановление СИП от 25 сентября 2023 г. № С01-1683/2023 по делу № А03-14676/2021.
[12] Постановление Седьмого ААС от 29 января 2024 г. № 07АП-10540/2023 по делу № А03-5084/2023.

являются объективными (они могут быть сформулированы таким образом, чтобы ограничить число лиц, которые имеют возможность получить право использования соответствующего обозначения[13]). Основным доказательством заявителей по таким делам является заключение профильного органа[14] , и для оспаривания предоставления правовой охраны необходимо оспорить заключение такого органа. Очевидно, было бы целесообразно для решения вопросов о выработке соответствующих критериев, проведения экспертизы возможности производства товаров, соответствующих закрепленным в ГРУН характеристикам, продумать вопрос о наделении такими функциями специализированных профильных научных учреждений[15].

Применительно к вопросу о наличии особых свойств товара на практике также возникает вопрос о контроле за соблюдением этого требования.

К примеру, в деле №№ А40-145745/2012[16] НМПТ «Сарова» (№ 4) было зарегистрировано в отношении минеральной воды в 1992 г. В 2013 г. выяснилось, что представленное при регистрации НМПТ заключение не содержало данных о том, какие особые свойства обуславливают уникальность товара и его отличие от аналогичных товаров. Данные нарушения, допущенные при регистрации НМПТ, стали одним из редких случаев, когда правовая охрана НМПТ была прекращена в судебном порядке.

Соотношение ГУ (НМПТ) и ГОСТов

Ряд судебных споров включал использование производителями ГОСТов (технология) при наличии аналогичных ГУ (НМПТ), при этом между ними возникали противоречия.

ГОСТы могут включать НМПТ, а предприниматели, выпускающие товар согласно ГОСТу, формально могут использовать обозначение НМПТ, содержащееся в ГОСТе. Данный вопрос, в частности, возникал в рассмотренном в части первой настоящей статьи деле № А79-5314/2018 в отношении НМПТ «Сыр адыгейский». СИП указал, что наличие технических требований к товару не может исключать правовую охрану НМПТ[17], то есть «суд подчеркнул, что ГОСТы и НМПТ имеют разное правовое регулирование, поскольку включение обозначения в ГОСТ не означает право аннулировать НМПТ»[18].

Еще одним примером может служить дело № А32-22856/2021[19]. Истец – завод минеральных вод «Горячеключевской» требовал признать контрафактной, прекратить производство и введение в оборот ООО «Ручеёк» минеральной воды «Горячий Ключ-2006» и «Горячий Ключ – 2006-1». ООО «Ручеёк» ссылалось на п. 5.4.2.1 ГОСТ 32220-2013, согласно которому название расфасованной воды может включать географическое наименование местности или населенного пункта, где находится источник воды. СИП указал, что наличие в пункте 5.4.2.1. ГОСТ 32220-2013 указания на возможность включать в наименование артезианской воды место происхождения ее источника не

[13] Заявитель в отношении ГУ (НМПТ), однако, при формулировании характеристик товара ограничен некоторыми нормативными требованиями и ГОСТами (например, в отношении алкогольной продукции он ограничен требованиями, установленными Федеральным законом от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

[14] Постановление Правительства РФ от 8 августа 2020 г. № 1195 «О федеральных органах исполнительной власти, уполномоченных выдавать заключения, необходимые для государственной регистрации наименования места происхождения товара и осуществления юридически значимых действий в отношении зарегистрированного наименования места происхождения товара, и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

[15] Например, в иностранных юрисдикциях имеется опыт возложения функций сертифицирующего органа на профильный институт (например, Институт портвейна в Португалии или Национальный институт происхождения и качества во Франции), команда экспертов которого обладает независимостью оценки за счет государственного финансирования и обеспечения анонимности оцениваемых экспертами образцов продукции. Подобные учреждения могли бы выполнять и перечисленные выше задачи.

[16] Постановление СИП от 3 декабря 2013 г. по делу № А40-145745/2012.

[17] Постановление Президиума СИП правам от 18 сентября 2017 г. № С01-543/2017 по делу № СИП-48/2017.

[18] *Щербачева Л.В.* Основные отличие географического указания от наименования места происхождения товара. Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 205–211.

[19] Постановление СИП от 11 августа 2022 г. № С01-1218/2022 по делу № А32-22856/2021.

исключает необходимости соблюдения исключительных прав на конкретное НМПТ. Кроме того, СИП обратил внимание на то, что факт получения ООО «Ручеёк» свидетельства на НМПТ № 40/7, срок действия которого истек 10 апреля 2020 г., свидетельствует о том, что ООО «Ручеёк» было знакомо с процедурой получения соответствующего права.

Другим примером, иллюстрирующими указанную проблему, является также НМПТ «Нарзан», для которого географическая зона даже не указана в ГРУН, но определяется в ГОСТ Р 54316-2020[20].

В случае одновременного существования и использования производителями ГОСТов необходимо определить, следует ли при наличии ГОСТов на производство конкретных товаров (минеральные воды, продукты питания) предоставлять им охрану в качестве ГУ (НМПТ). Во всяком случае необходимо определить, как должны соотноситься требования ГОСТа и характеристики ГУ (НМПТ). Для продуктов питания следует рассмотреть возможности использования других способов охраны, таких как сертификация или применяемая в ЕС система охраны традиционных рецептов. В доктрине также предлагается пересмотреть содержание существующих ГОСТов, чтобы исключить из них охраняемые ГУ (НМПТ)[21].

Снижение судами компенсации, запрошенной правообладателем ГУ (НМПТ)

Согласно пункту 2 ст. 1537 ГК правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации: 1) в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения; 2) в двукратном размере стоимости контрафактных товаров, на которых незаконно размещено географическое указание или наименование места происхождения товара.

Общей проблемой практики не только для ГУ (НПМТ), но для всех объектов интеллектуальных прав является *инициативное снижение судами размера компенсации*, предусмотренной абз. 1 п. 3 ст. 1252 ГК. Сложилась практика, при которой достаточной правовой аргументацией снижения компенсации признается воспроизведение формулировок о разумности, справедливости и соразмерности взыскиваемой компенсации без детального анализа обстоятельств дела, на основании которых взыскиваемая компенсация оценена как разумная, справедливая и соразмерная.

Помимо того, что снижение размера компенсации практически не обосновывается судом, оно также лишено предсказуемых пределов: если в одних делах снижение трехкратное, двукратное или даже меньше (дела № А47-14851/2022[22], А47-5761/2022, А47-14227/2021[23], А47-16724/2021[24]), то в иных случаях сумма компенсации снижалась судом (также без детальной аргументации) в 5 (А41-65826/2022[25]), 6 (дело № А47-17921/2022[26]), 10 (дело № А41-91892/2022[27]) или даже 33 раза (А47-10807/2021[28]). В деле № А32-6177/2023 суд снизил размер взыскиваемой компенсации с 5 млн до 10 тыс. рублей, обосновав это «принципами разумности и справедливости, отсутствием надлежащих доказательств, обосновывающих размер компенсации, соразмерность компенсации последствиям нарушения, исходя из прекращения ответчиками производства продукции со спорным географическим наименованием, ухудшение

[20] Постановление Президиума СИП от 17 октября 2022 г. № С01-2094/2021 по делу № СИП-1018/2020.
[21] Эту работу предлагается проводить в рамках межведомственного Соглашения о взаимодействии Федеральной службы по интеллектуальной собственности и Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22 февраля 2018 г. Материалы секции «Географическое указание как новый объект Гражданского кодекса Российской Федерации. Последние изменения законодательства в части НМПТ», проведенной в рамках XXIV Международной конференции Роспатента «Трансформация сферы интеллектуальной собственности в современных условиях» 20 октября 2020 г. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/news/24-international-conference-15-20102020.
[22] Постановление Восемнадцатого ААС от 2 ноября 2023 г. № 18АП-4630/2023 по делу № А47-14851/2022.
[23] Постановление СИП от 26 июля 2023 г. № С01-1046/2023 по делу № А47-14227/2021.
[24] Постановление СИП от 28 марта 2024 г. № С01-157/2024 по делу № А47-16724/2021.
[25] Постановление Десятого ААС от 15 февраля 2023 г. № 10АП-205/2023 по делу № А41-65826/2022.
[26] Постановление СИП от 16 февраля 2024 г. № С01-2918/2023 по делу № А47-17921/2022.
[27] Постановление Десятого ААС от 31 октября 2023 г. № 10АП-15447/2023 по делу № А41-91892/2022.
[28] Постановление Восемнадцатого ААС от 30 августа 2022 г. № 18АП-9650/2022 по делу № А47-10807/2021.

финансового положения ответчиков, ввиду уничтожения производственного предприятия в результате пожара»[29].

При этом из решения в решение[30] воспроизводится подход, согласно которому суд определяет размер подлежащей взысканию компенсации и принимает решение, учитывая, что истец представляет доказательства, обосновывающие размер компенсации.

Также в делах о взыскании компенсации последовательно применяется правовая позиция, сформированная ВС РФ: когда несколько лиц обладают одним исключительным правом, нарушенным считается одно исключительное право (п. 69 Постановление Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10), но если другие правообладатели не привлечены к участию в деле, на них не распространяется преюдициальная сила судебного акта, а значит в таком случае допускалось бы неоднократное предъявление ими требований о взыскании компенсации с ответчика, что не отвечало бы целям гражданско-правовой ответственности и приводило бы к серьезному нарушению баланса интересов сторон. Для исключения такой ситуации при обращении в суд одного из правообладателей суду для верного расчета подлежащей взысканию компенсации необходимо: (1) выявить всех правообладателей спорного наименования; (2) привлечь их к участию в деле, разъяснив им право требовать взыскания компенсации в свою пользу; (3) исходя из доли рынка, занимаемой каждым правообладателем, определить долю истца в подлежащей взысканию компенсации; (4) взыскать компенсацию в соответствующей доле (п. 19 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2023 г., правовая позиция определения ВС РФ от 15 ноября 2022 г. по делу № 308-ЭС22-9213).

В качестве примера можно привести дело № А47-5761/2022[31], в котором были установлены и привлечены к участию в деле все правообладатели НМПТ. Истец – ООО «Фабрика Оренбургских пуховых платков» – представил заключение специалиста о доле, не оспоренное другими участниками процесса, из которого следовало, что его доля на рынке относительно трех других правообладателей составляет 92,5 %. Суды снизили изначально взыскиваемый истцом размер компенсации с 500 000 до 200 000 рублей и, исходя из доли истца на рынке, пришли к выводу о возможности взыскания в его пользу денежных средств в сумме 185 000 рублей (92,5 %). В случае не привлечения к делу иных правообладателей НМПТ, что влечет невозможность установления доли истца, дело направляется на новое рассмотрение (см., например, дело № А40-146430/2022[32]).

Не оспаривая справедливость данного подхода, необходимо дать ответ на вопрос о защите интересов иных правообладателей: в то время как размер компенсации определен истцом произвольно, затем произвольно снижен и пропорционально доле правообладателя-истца взыскан судом, каким образом учитываются интересы иных правообладателей, которые возможно потребовали бы иной размер компенсации (или применили бы иной способ ее расчета) и, соответственно, отправная точка для судейского усмотрения была бы иной.

Одной из причин формирования описанной судебной практики снижения компенсации за нарушение исключительного права может быть неявное сопротивление судов несправедливости принципа ответственности без вины, прямо закрепленного в абз. 3 п. 3 ст. 1250 ГК. Представляется более справедливым подход правопорядков, которые предоставляют освобождение от ответственности нарушителю, указавшему источник контрафактного товара, что позволяет, идя по цепочке, выявить действительного нарушителя (например, ст. 64 Закона КНР о товарных знаках[33]).

[29] Такой подход был поддержан кассационной инстанцией: Постановление СИП от 5 июня 2024 г. № С01-732/2024 по делу № А32-6177/2023.
[30] Например, Постановление СИП от 16 февраля 2024 г. № С01-2918/2023 по делу № А47-17921/2022.
[31] Постановление СИП от 22 февраля 2024 г. № С01-26/2024 по делу № А47-5761/2022.
[32] Постановление СИП от 20 февраля 2023 г. № С01-2655/2022 по делу № А40-146430/2022, Постановление СИП от 15 апреля 2024 г. № С01-2655/2022 по делу № А40-146430/2022.
[33] https://chinalaw.center/civil_law/china_trademark_law_revised_2013_russian/

Список литературы:

1. *Александров А.В.* НМПТ как средство злоупотребления правом и инструмент недобросовестной конкуренции. Экономика и социум. № 12-2(79). 2020.
2. *Городов О.А.* О географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров // Патенты и лицензии». 2019. № 8. С. 2–9.
3. *Еременко В.И.* Географические указания: новый объект – новые проблемы // Патенты и лицензии. 2020. № 1. С. 20–28; № 2. С. 2–18.
4. *Пономарева Н.Г., Бунова Д.В.* Процедура экспертизы географических указаний в Российской Федерации // ИС. Промышленная собственность. 2023. № 1. С. 48–56.
5. *Рузакова О.А.* Вопросы развития правового регулирования отношений, объектов которых выступают географические указания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 4.
6. *Фабричный С.Ю., Рузакова О.А.* Географическое указание: взгляд законодателя // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018. № 11.
7. *Сальникова А.В.* Географическое указание как туристический бренд региона // Туризм: право и экономика. 2021. № 3. С. 11–14.
8. *Фабричный С.Ю., Рузакова О.А.* Новеллы о географических указаниях как объектах интеллектуальных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 12.
9. *Щербачева Л.В.* Основные отличие географического указания от наименования места происхождения товара // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1.

Научная статья
УДК 347.772

Для цитирования:
Титов И.Е. Ответственность маркетплейсов за нарушение исключительных прав на товарные знаки в России и Германии // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). С. 97–115.
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_9
For citation:
Titov I.E. Liability of Marketplaces for Infringements of Exclusive Rights to Trademarks in Russia and Germany // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. June. N 2 (48). Pp. 97–115. (In Russ.).
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_9

DOI: 10.58741/23134852_2025_2_9

Ответственность маркетплейсов за нарушение исключительных прав на товарные знаки в России и Германии

И.Е. Титов,
лауреат конкурса IP&IT LAW – 2025; юрист практики защиты прав интеллектуальной собственности международной юридической фирмы ADVANT Beiten; аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; магистр права Свободного университета Берлина (LL.M.)
г. Москва, Россия
ORCID: 0009-0006-4961-470X
Author ID в РИНЦ: 1223836

В статье рассматриваются особенности привлечения и освобождения от гражданско-правовой ответственности операторов маркетплейсов за нарушение исключительных прав правообладателей на товарные знаки. Автор дифференцирует ответственность в зависимости от того, предлагается ли товар к продаже от имени самого маркетплейса, действует ли маркетплейс по поручению или заданию третьего лица, предоставляет ли маркетплейс возможность продажи товара третьему лицу. В связи с отсутствием в российском законодательстве определения термина «маркетплейс» автор исследует национальное законодательство и правоприменительную практику иной страны романо-германской правовой системы – Германии, а также право Европейского союза, где соответствующее регулирование имеется, и посредством сравнительно-правового метода сопоставляет правовые подходы в России и за рубежом. Автор обосновывает необходимость пресечения операторами маркетплейсов аналогичных нарушений исключительных прав правообладателей и после первого обращения правообладателя с претензией, необходимость проверки операторами маркетплейсов факта исчерпания исключительного права на товарные знаки, которыми маркированы предлагаемые к продаже товары, необходимость законодательного закреплении двухнедельного срока для обработки претензии правообладателя оператором маркетплейса, необходимость учета положений договоров между операторами маркетплейсов, продавцами и потребителями в каждом конкретном деле.

Ключевые слова:
маркетплейс; параллельный импорт; исчерпание исключительного права на товарный знак; контрафактный материальный носитель; цифровая платформа; Германия; информационный посредник; Суд по интеллектуальным правам; оператор маркетплейса

1. Введение

Российский рынок интернет-торговли показал активный рост на 41% в 2024 г. и достиг объема почти в 9 трлн рублей[1] (около 110 млрд долларов США)[2]. Как отмечается, 97% всего объема онлайн-продаж приходится именно на маркетплейсы[3].

Данные показатели существенно опережают мировые. По данным германской статистической компании Statista GmbH общемировой рост онлайн-торговли в 2024 г. оценивался в 9,49% с расчетной выручкой примерно в 334 трлн рублей[4] (около 4,1 трлн долларов США)[5]. Доля маркетплейсов в общем объеме интернет-торговли в западных странах также существенно ниже: от 44% процентов в Германии и Италии, до 37% процентов в Соединенном Королевстве и Испании, и 29% во Франции[6].

При этом, согласно данным Банка России, в 2023 г. импорт товаров в Россию «*поддерживало расширение механизма параллельного импорта*»[7], что позволило по итогам 2023 г. достигнуть уровня докризисного 2021 г. по стоимостному объему импорта[8]. По результатам на IV квартал 2024 г. стоимостной объем импорта несколько увеличился[9].

Однако, несмотря на сохранение объема импорта, количество выявленных таможенными органами административных правонарушений в сфере защиты прав интеллектуальной собственности за рассматриваемый период 2021–2024 гг. резко упало с 888 дел в 2021 г.[10] до 334 дел в 2024 г.[11], то есть более чем в 2,5 раза.

Поскольку объемы импорта остались примерно на прежнем уровне, следовательно причины нужно искать в других сферах. Очевидно, что одной из возможных причин снижения количества возбуждаемых дел об административных правонарушениях является частичная и временная легализация параллельного импорта в России и *de facto* отказ таможенных органов от проверки у параллельных импортеров документов, подтверждающих факт ввода ввозимых товаров в гражданский оборот зарубежом правообладателями или третьими лицами с их согласия, что *de jure* является условием легализации параллельного импорта[12]. Данный вопрос раскрывается в официальном письме ФТС России от 10 июня 2022 г. № 14-35/К-6207 «О направлении разъяснений», где прямо указывается, что в отношении товаров, разрешенных для па-

---

[1] Объем интернет-торговли в России в 2024 г. увеличился на 41%. [Электронный ресурс]. URL: https://akit.ru/news/obyom-internet-torgovli-v-rossii-v-2024-godu-uvechilsya-na-41 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[2] По курсу рубля к доллару США на 1 мая 2025 г. Официальные курсы валют на заданную дату, устанавливаемые ежедневно. // Официальный сайт Банка России. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/currency_base/daily/ (дата обращения: 5 мая 2024 г.).

[3] Объем интернет-торговли в России в 2024 г. увеличился на 41%. [Электронный ресурс]. URL: https://akit.ru/news/obyom-internet-torgovli-v-rossii-v-2024-godu-uvechilsya-na-41 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[4] По курсу рубля к доллару США на 1 мая 2025 г. Официальные курсы валют на заданную дату, устанавливаемые ежедневно. // Официальный сайт Банка России. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/currency_base/daily/ (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[5] eCommerce – Worldwide. [Электронный ресурс]. URL: https://www.statista.com/outlook/emo/ecommerce/worldwide (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[6] Share of marketplaces out of total e-commerce market in Europe in January 2024, by country. [Электронный ресурс]. URL: https://www.statista.com/statistics/1461026/marketplaces-share-of-total-e-commerce-europe/ (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[7] Банк России. Платежный баланс Российской Федерации. № 4 (17). IV квартал 2023 г. Информационно-аналитический комментарий. 30 января 2024 г. С. 4. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/50762/Balance_of_Payments_2024-3_20.pdf (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[8] Там же.

[9] Банк России. Платежный баланс Российской Федерации. № 4 (21). IV квартал 2024 г. Информационно-аналитический комментарий. 30 января 2024 г. С. 3. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55058/Balance_of_Payments_2024-4_21.pdf (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[10] Проект итогового доклада о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2023 г. С. 49. [Электронный ресурс]. URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_info/2024-03/04/id_2023.pdf (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[11] Проект итогового доклада о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2021 г. С. 53. [Электронный ресурс]. URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_info/2025-03/14/itog_doklad_2024.pdf (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[12] Пункт 1 Постановления Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // «Собрание законодательства РФ», 4 апреля 2022 г., № 14, ст. 2286.

раллельного импорта «*подтверждение [...] таможенным органам [...] оригинальности [...] ввозимой продукции (в том числе, представление для этих целей каких-либо документов), не требуется*».

Как показывает практика, зачастую только правообладатель может определить, является ли ввозимый без его разрешения товар оригинальным или поддельным, а если оригинальным – исчерпано ли исключительное право на товарный знак, которым такой товар маркирован. Но в ситуации, когда таможенные органы не приостанавливают выпуск ввозимых третьими лицами товаров, включенных в перечень товаров для параллельного импорта[13], у правообладателя такая возможность на этапе ввоза товара в страну отсутствует, что в конечном итоге негативно сказывается на потребителях[14].

Следовательно, такие товары могут беспрепятственно попадать и на маркетплейсы.

Однако необходимо учитывать, что экономическая бизнес-модель маркетплейсов построена на получении комиссии с продажи каждой, в том числе обладающей признаками контрафактности, единицы товара[15]. Например, комиссия маркетплейса «Ozon» при продаже товара из Китая по схеме «*Fulfillment By Partner*» («*исполнение партнером*» – когда товар размещается на партнерском складе «Ozon») при стоимости товара более 1500 рублей составляет по категории «одежда и аксессуары» – 20,5%, по категории «книги» – 21%, по категории «аксессуары для электронных сигарет и систем нагревания» – 24%[16]. При этом не составляет труда найти на маркетплейсе товар одной из данных категорий, обладающий признаками контрафактности. Например, при запросе в поисковой строке маркетплейса «Ozon» следующего содержания: «сумка prada cleo» первым же предложением выдается указанная сумка за 3997 рублей[17]. При этом на официальном сайте ЦУМа аналогичная сумка предлагается к продаже за 272 500 рублей уже со скидкой[18], то есть примерно в 68 раз дороже. Примечательно, что при указании аналогичного запроса «prada cleo» в поисковой строке маркетплейса «eBay» самая дешевая сумка категории «new with tags» («новая с бирками») продается за 1597,50 евро со скидкой[19] (порядка 148 000 рублей)[20].

2. Основная часть

В связи с изложенным этим сформулируем проблему, являющуюся предметом настоящего исследования: в каком случае маркетплейс должен нести ответственность за предложение к продаже, продажу, хранение товаров, обладающих признаками контрафактности, то есть за нарушение исключительных прав правообладателя? При каких условиях маркетплейс может или должен быть признан информационным посредником и освобожден от ответственности?

Обозначенная проблематика в дальнейшем будет исследована в рамках законодательства России и права Европейского союза с акцентом на национальное законодательство Германии.

[13] Перечень товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия, утвержден Приказом Минпромторга России от 21 июля 2023 г. № 2701 // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 4 августа 2023 г.

[14] *Александрова Л.И.* Контрафакт – как криминальное явление: средства противодействия // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 61.; *Ермаков С.В.* Вопросы юридической ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров, работ, услуг // Правовое регулирование экономической деятельности. № 1. 2024. С. 19.

[15] *Ильяшенко С.Б., Депутатова Е.Ю., Куришева О.А.* Ключевые проблемы торговли на маркетплейсах // Экономические системы. 2023. Т. 16. № 4(63). С. 63.

[16] Вознаграждение за продажу товаров по категориям. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.ozon.com/global/commissions/ozon-fees/commissions/?country=CN (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[17] Сумка на плечо. Артикул 1594030291. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ozon.ru/product/sumka-na-plecho-1594030291/?at=Rlty42M7kFvvE8XycjYGX3Yt9y92WmFrLEOVlUML6jqv (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[18] Сумка Prada Cleo. [Электронный ресурс]. URL: https://collect.tsum.ru/item/ITEM317905 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[19] Prada Cleo Hobo Shoulder Bag Pink Leather 1BC179 New. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ebay.com/itm/135400536345 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[20] По курсу евро к рублю на 1 мая 2025 года. Официальные курсы валют на заданную дату, устанавливаемые ежедневно. // Официальный сайт Банка России. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/currency_base/daily/ (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

2.1. Определение термина «маркетплейс»

Прежде чем перейти к вопросу ответственности маркетплейсов, необходимо определить сам термин «маркетплейс».

2.1.1. Определение термина «маркетплейс» в России

На законодательном уровне термин «маркетплейс» в России не определен. Тем не менее анализ действующего и проектируемого федерального законодательства позволяет выделить категории, к которым маркетплейсы могут быть отнесены с известной очевидностью.

Например, в Федеральном законе «О защите конкуренции» дано определение «цифровой платформы», согласно которому это «*программ[а] (совокупность программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети "Интернет", обеспечивающая совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров*»[21].

С точки зрения дальнейшего сравнительно-правового анализа важным является определение термина «агрегатора информации о товарах (услугах)», под которым в законодательстве о защите прав потребителей понимается «*программ[а] для электронных вычислительных машин […] и (или) страниц[а] сайта в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" [на которой предоставляется] потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора […]*»[22]. Федеральная антимонопольная служба России приравнивает термины «агрегатор информации о товарах (услугах)» и термин «маркетплейс»[23].

В разработанном Министерством экономического развития Российской Федерации проекте Федерального закона «О платформенной экономике в Российской Федерации» предлагается ввести новый термин «посредническая цифровая платформа» который определяется как «*цифровая платформа, обеспечивающая в совокупности взаимодействие оператора, партнеров и пользователей в целях заключения гражданско-правовых договоров, а также предоставляющая техническую возможность размещения и (или) карточек товаров, совершения сделок между партнерами и пользователями, осуществления оплаты товара (работы, услуги) пользователем в пользу партнера, и включенная в реестр посреднических цифровых платформ*»[24]. В свою очередь под «цифровой платформой» предлагается понимать «*информационн[ую] систем[у] и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг*»[25].

На уровне подзаконных нормативно-правовых можно выделить приказ Федеральной службы государственной статистики, в котором маркетплейс определен в качестве «*цифровой платформы, специализирующейся на продаже товаров и услуг (через сайт или мобильное приложение)*».

В судебной практике единства в определении термина «маркетплейс» на данный момент нет. Верховный суд определяет маркетплейс в качестве

[21] Часть 8.1 ст. 5 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // «Российская газета», № 162, 27 июля 2006 г.

[22] Абзац 13 преамбулы Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // «Российская газета», № 8, 16 января 1996 г.

[23] Аналитический отчет Федеральной антимонопольной службы России о состоянии конкуренции на рынке услуг владельцев агрегатора информации о товарах (услугах) (маркетплейсов) от 22 февраля 2024 г. С. 4. [Электронный ресурс]. URL: https://fas.gov.ru/documents/b-n-162c97e5-c91b-4e88-8978-81edb596faa7 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[24] Подпункт 12 ст. 2 проекта Федерального закона «О платформенной экономике в Российской Федерации». ID проекта: 02/04/11-24/00152517. [Электронный ресурс]. URL: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=152517 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[25] Там же.

информационной площадки[26], а Суд по интеллектуальным правам, цитируя исковые заявления, определяет маркетплейс как «*торгов[ую] интернет-площадк[у]*»[27], а ссылаясь на выводы нижестоящих судов, определяет маркетплейс как «*платформу электронной коммерции, онлайн-магазин электронной торговли, предоставляющий информацию о продукте или услуге третьих лиц, чьи операции обрабатываются оператором маркетплейса [...,] оптимизированную онлайн-платформу по предоставлению продуктов и услуг, является электронной торговой площадкой, играющей роль посредника между продавцом товара и покупателем*»[28].

Таким образом мы можем сделать вывод о синонимичности терминов «маркетплейс» и «посредническая цифровая платформа», которые в свою очередь выступают подвидом цифровых платформ и информационных систем в более широком плане[29], основная цель которых – обеспечение взаимодействия заинтересованных лиц по поводу товаров и услуг[30].

2.1.2. Определение термина «маркетплейс» зарубежом

В отличие от России зарубежом термин «маркетплейс» не только используется в нормативно-правовых актах, но и ему дается соответствующее официальное определение.

На уровне Европейского союза актуальное определение термина «онлайн-маркетплейс» (нем. «*Online-Marktplatz*») содержится в ст. 3 Директивы (ЕС) Европейского парламента и Совета от 27 ноября 2019 г. «О более эффективном применении и модернизации правил защиты потребителей в ЕС»: «О*нлайн-маркетплейс – это служба, которая предоставляет возможность потребителям посредством использования программного обеспечения, включая вебсайты и части вебсайтов или приложения, которые администрируются предпринимателем или от его имени, дистанционным способом заключать договоры купли-продажи с другими предпринимателями или с потребителями*»[31]. Однако поскольку директивы (нем. «*Richtlinien*») не применяются непосредственно, следует обратиться к национальному законодательству, где положения указанной директивы имплементированы. Например, в Германии 28 мая 2022 г. вступил в силу Закон «О внесении изменений в Германское гражданское уложение [...]» от 10 августа 2021 г., которым был введен новый параграф 312k[32], в абзаце 3 которого германский законодатель практически дословно повторил определение термина «онлайн-маркетплейс», представленное в европейской директиве, придав ему обязательный характер[33]. Аналогичное определение «онлайн-маркетплейса»

[26] Определение Верховного Суда РФ от 19 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-25851 по делу № А40-263181/2021.

[27] Постановления Суда по интеллектуальным правам от 15 августа 2024 г. № С01-1428/2024 по делу № А50-24409/2023; от 19 августа 2024 г. № С01-1325/2024 по делу № А40-270195/2023.

[28] Постановленич Суда по интеллектуальным правам от 20 декабря 2023 г. № С01-2517/2023 по делу № А40-43037/2023; от 31 мая 2023 г. № С01-835/2023 по делу № А40-245994/2021; от 17 ноября 2022 г. № С01-1906/2022 по делу № А71-18514/2021; от 15 июня 2022 г. № С01-712/2022 по делу № А40-154619/2020; от 1 апреля 2022 г. № С01-300/2022 по делу № А40-92221/2021; от 18 марта 2022 г. № С01-274/2022 по делу № А40-92572/2021.

[29] Ср.: *Терещенко Л.К.* Цифровые платформы: подходы к регулированию // Журнал российского права. 2024. N 9. С. 163–175.

[30] *Бузова Н.В.* Использование объектов авторского права и смежных прав на цифровых платформах и сервисах // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51. № 4. С. 136.

[31] Artikel 3 der Richtlinie (EU) 2019/2161 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 27. November 2019 zur Änderung der Richtlinie 93/13/EWG des Rates und der Richtlinien 98/6/EG, 2005/29/EG und 2011/83/EU des Europäischen Parlaments und des Rates zur besseren Durchsetzung und Modernisierung der Verbraucherschutzvorschriften der Union. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019L2161 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[32] В последующем нумерация параграфов была изменена, и теперь данная норма содержится в параграфе 312l Германского гражданского уложения, см.: Artikel 1 Nummer 6 des Gesetzes für faire Verbraucherverträge vom 10. August 2021 // Bundesgesetzblatt Jahrgang 2021 Teil I Nr. 53, ausgegeben zu Bonn am 17. August 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl121s3433.pdf%27%5D__1733491614371 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[33] Gesetz zur Änderung des Bürgerlichen Gesetzbuchs und des Einführungsgesetzes zum Bürgerlichen Gesetzbuche in Umsetzung der EU-Richtlinie zur besseren Durchsetzung und Modernisierung der Verbraucherschutzvorschriften der Union und zur Aufhebung der Verordnung zur Übertragung der Zuständigkeit für die Durchführung der Verordnung (EG) Nr. 2006/2004 auf das Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz vom 10. August 2021 // Bundesgesetzblatt Jahrgang 2021 Teil I Nr. 53, ausgegeben zu Bonn am 17. August 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl121s3483.pdf%27%5D__1733484721251 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

(фр. «*Place de marché en ligne*») дано, например, в пункте 14° вводной статьи французского Кодекса о защите прав потребителей[34].

2.1.3. Вывод

Таким образом, сравнивая российское законодательство с зарубежным, мы можем заключить, что несмотря на отсутствие в первом легального определения термина «маркетплейс», наиболее близким иностранному термину «онлайн-маркетплейс» в российском законодательстве является термин «агрегатор информации о товарах (услугах)», однако тенденции развития законодательства в России предполагают преобладающее использование термина «(посредническая) цифровая платформа».

Вероятно, что принципиальных препятствий для унификации терминологии применительно к категории «маркетплейс» в России нет, поэтому использование единого определения «маркетплейса» позволит внести правовую определенность и единообразие в правоприменительной практике в различных отраслях российского права.

В целом мы можем заключить, что несмотря на некоторые различия подходов к определению «маркетплейса», в том числе с учетом использования терминов-заместителей в российском законодательстве, европейский и российский законодатели исходят из одного понимания данного вида цифровых платформ, что дает нам возможность использовать сравнительно-правовой метод научного исследования и при анализе вопроса об ответственности маркетплейсов за нарушение исключительных прав в России и зарубежом, в рамках сформулированной ранее в настоящем исследовании проблемы.

2.2. Ответственность маркетплейсов за нарушение исключительных прав

Основной проблемой, с которой сталкиваются правообладатели результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации на маркетплейсах, – это предложение к продаже и продажа контрафактной продукции, то есть такой продукции, в которой выражен результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, при этом ее использование проводит к нарушению исключительного права на такой результат или на такое средство[35].

Об актуальности обозначенной проблемы свидетельствует, в частности, опубликование в 2023 г. при участии Федеральной антимонопольной службы России (далее – ФАС России) «Добросовестных практик по взаимодействию маркетплейсов с правообладателями и продавцами в рамках предотвращения реализации контрафактной продукции»[36].

Однако возможны и другие нарушения исключительных прав, которые непосредственно не связаны с контрафактностью самого́ предлагаемого на маркетплейсе товара. В качестве примера можно привести незаконное использование в карточках товаров фотографических произведений[37].

Тем не менее самыми распространенными[38] нарушениями на маркетплейсах выступают именно нарушения исключительных прав правообладателей на товарные знаки, на что, помимо прочего, указывает антимонопольный орган[39]. То есть

[34] Code de la consommation. Loi n° 92-60 du 18 janvier 1992, article 12. [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006069565/LEGISCTA000032220895/#LEGISCTA000032227360 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[35] Пункт 4 ст. 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

[36] Добросовестные практики по взаимодействию маркетплейсов с правообладателями и продавцами в рамках предотвращения реализации контрафактной продукции. Подготовлены Ассоциацией «Некоммерческое партнерство «Объединение корпоративных юристов» при участии ФАС России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rcca.com.ru/files/news/17072023/document.pdf?-3 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[37] *Pokrovskaya A.* Copyright Infringement of Photographs on E-commerce Platforms // Journal of Comprehensive Business Administration Research. 2024. P. 2.

[38] *Pokrovskaya A.* Protection of Trademark Rights on E-Commerce Platforms: An Updated Outlook // Journal of Comprehensive Business Administration Research. 2024. P. 67.; *Pokrovskaya A.* Intellectual Property Rights Infringement on E-commerce Marketplaces: Application of AI Technologies, New Challenges // E3S Web of Conferences 522, 01057 (2024). VESEP2023. P. 4.

[39] Доклад Чувашского УФАС России «Незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности при реализации товаров на маркетплейсах как одна из форм недобросовестной конкуренции (правоприменительная практика Чувашского УФАС России)» от 4 мая 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: http://chuvashia.new.fas.gov.ru/documents/b-n-dea6ce01-697a-4d1e-a33a-4310fa026de4 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

речь идет прежде всего о товарах, обладающих признаками контрафактности в связи с нарушением исключительных прав на товарные знаки.

Однако контрафактными, как разъяснил Конституционный Суд Российской Федерации, являются как товары, контрафактные в силу своего поддельного происхождения, так и товары, «*признаваемы[е] таковыми исключительно в силу их ввоза в страну неуполномоченным импортером*»[40], то есть (нелегально) параллельно импортируемые. Другими словами, нарушением исключительного права правообладателя на товарный знак будет как предложение к продаже на маркетплейсе поддельного товара (фактический контрафакт), так и товара оригинального, но ввезенного на таможенную территорию Евразийского экономического союза без разрешения правообладателя (юридический контрафакт).

В большинстве стран ответственность посреднических платформ носит ограниченный характер[41], что зависит от ряда обстоятельств. В связи с этим дальнейшее исследование будет проведено с учетом разделения на три смысловые части, которые позволят дифференцировать ответственность маркетплейсов в зависимости от следующего:

– предлагается ли товар к продаже от имени самого маркетплейса;

– действует ли маркетплейс по поручению или заданию третьего лица;

– предоставляет ли маркетплейс возможность продажи товара третьему лицу.

2.2.1. Товар предлагается к продаже от имени маркетплейса

В качестве продавца товара на маркетплейсе может выступать сам маркетплейс, что закреплено в проанализированных условиях соответствующих российских и зарубежных маркетплейсов[42]. В таком случае товары предлагаются к продаже не от имени третьего лица – партнера маркетплейса, а непосредственно от имени самого маркетплейса, например, в случае маркетплейса «Ozon» – от имени его владельца ООО «Интернет Решения», в случае маркетплейса «Wildberries» – от имени его владельца ООО «РВБ», в случае маркетплейса «Amazon» – от имени Amazon EU S.à.r.l.[43]

2.2.1.1. Ответственность маркетплейса по российскому законодательству

В рассматриваемой ситуации маркетплейс может нести ответственность, как собственно лицо, которое предлагает к продаже и продает от своего имени товары, признанные судом контрафактными, так и в качестве администратора домена или владельца сайта, на котором маркетплейс расположен. При этом установлена презумпция, что именно владелец сайта является лицом, непосредственно использующим, в рассматриваемом случае товарный знак[44].

Президиум Верховного Суда Российской Федерации указал, что «*[в]ладельцы […] торговых площадок […] которые […] сами совершают сделки по продаже [товаров] или рекламируют их и (или) получают доход непосредственно от неправомерного использования результатов интеллектуальной де-*

[40] Пункт 6 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» // «Российская газета», № 39, 22 февраля 2018 г.

[41] *Алиев Т.М., Исмагилова О.Д., Попова В.Н.* Мировой опят регулирования цифровой торговли // Экономическое развитие России. Т. 27. № 12. Декабрь 2020. С. 56.

[42] Термины «Ozon», «Продавец» в разделе «Понятия» Условий продажи Товаров для физических лиц маркетплейса Ozon. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.ozon.ru/common/pravila-prodayoi-i-rekvizity/usloviya-prodayoi-tovarov-dlya-fizicheskih-lits-v-ozon-ru/?country=RU (дата обращения: 5 мая 2025 г.); Термин «Продавец» в п. 1.1. Правил пользования торговой площадкой «Wildberries». [Электронный ресурс]. URL: https://www.wildberries.ru/services/pravila-polzovaniya-torgovoy-ploshchadkoy (дата обращения: 5 мая 2025 г.); Impressum – Über uns. Kontaktinformationen. [Электронный ресурс]. URL: https://www.amazon.de/-/en/gp/help/customer/display.html?nodeId=GF4WKPX3G65RNNRJ (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[43] Impressum & Info zum Verkäufer. [Электронный ресурс]. URL: https://www.amazon.de/sp?ie=UTF8&seller=A301WKE65PGVT5&asin=B0BXS1MYJV&ref_=dp_merchant_link (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[44] Пункт 78 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

ятельности, информационными посредниками не являются»[45].

Если оператор маркетплейса действовал не по поручению или заданию третьего лица[46], предлагая к продаже соответствующие товары, обладающие признаками контрафактности, то он должен нести ответственность на общих основаниях и может быть признан судом непосредственным нарушителем[47].

В российской судебной практике имеются примеры таких дел, когда Суд по интеллектуальным правам не находил оснований для освобождения маркетплейса от ответственности и привлекал администратора домена с фактическим владельцем сайта солидарно[48].

В соответствии с российским гражданским законодательством, к ответчику-маркетплейсу, который предлагает к продаже контрафактный товар от своего имени, могут быть заявлены, помимо прочих, требования о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (подп. 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ) и о взыскании компенсации (п. 4 ст. 1515 ГК РФ).

2.2.1.2. Ответственность маркетплейса по зарубежному законодательству

В европейской судебной практике тот факт, что на маркетплейсе могут предлагаться не только товары третьих лиц от их имени, но и товары от имени самого маркетплейса, имеет существенное значение.

В частности, классический, с точки зрения российского потребителя пример маркетплейса – «Amazon» – квалифицируется Европейским Судом в качестве «*онлайн торговой платформы, на которой помимо собственных предложений к продаже оператора [платформы] имеется онлайн-маркетплейс*»[49]. Таким образом, Европейский Суд совершенно определенным образом расставляет акценты: если оператор онлайн-маркетплейса предлагает товары от своего имени, то он в первую очередь продавец, а уже во вторую очередь оператор посреднической платформы, на которой третьи лица имеют возможность предлагать к продаже свои товары или услуги.

При этом товары, которые предлагает маркетплейс от своего имени, и товары третьих лиц, предлагаемые к продаже на маркетплейсе, должны быть оформлены таким образом, чтобы обычный потребитель мог без затруднений их различить[50].

Заслуживающим внимания является следующий вывод Европейского Суда: онлайн-маркетплейс сам несет ответственность за нарушение исключительных прав на товарные знаки, даже если товары продаются третьими лицами, но онлайн-маркетплейс «*публикует предложения к продаже единообразно, отображая одновременно и собственные товары, которые предлагаются к продаже от его имени и за его счет, и предложения независимых продавцов*»[51].

---

[45] Пункт 18 Обзора судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г. // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/33621/?ysclid=m5qycq1nql68416578 (дата обращения: 10 января 2025 г.).

[46] Пункт 73 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

[47] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 6 августа 2024 г. № С01-1021/2024 по делу № А55-22419/2023.

[48] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 9 ноября 2022 г. № С01-2047/2022 по делу № А40-229217/2021; см. также: *Сальникова А.В., Кудимова Ю.А.* Контрафакт в маркетплейс на примере «Вайлдберриз»: постановка проблемы // Экономика: проблемы, решения и перспективы. Вестник университета. № 2. 2021. С. 120.

[49] Urteil des Gerichtshofs (Große Kammer) vom 22. Dezember 2022. Christian Louboutin gegen Amazon Europe Core Sàrl u. a. Verbundene Rechtssachen C-148/21 und C-184/21. Rn. 23. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=CELEX:62021CJ0148 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[50] EuGH: Haftung von Service-Providern im Internet // GRUR 2011, 1025. Rn. 94. [Электронный ресурс]. URL: https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fzeits%2Fgrur%2F2011%2Fcont%2Fgrur.2011.1025.1.htm&anchor=Y-300-Z-GRUR-B-2011-S-1025&readableType=2&VorgaengerDokumentStreffer3=Urteil%20vom%2022.06.2011%20-%20I%20ZR%20159%2F10&VorgaengerDokumentFullname=bibdata%2Fzeits%2Fgrur%2F2011%2Fcont%2Fgrur.2011.1018.1.htm (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[51] EuGH (Große Kammer), Urteil vom 22.12.2022 – C-148/21, C-184/21. Rn. 55. [Электронный ресурс]. URL: https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fents%2Fgrurrs%2F2022%2Fcont%2Fgrurrs.2022.37018.htm&anchor=Y-300-Z-BECKRS-B-2022-N-37018&ExfundstelleInfotext=BeckRS%202022%2C%2037018 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

Смешение собственных товаров маркетплейса и товаров третьих лиц может достигаться, например:

– размещением логотипа (товарного знака) маркетплейса не только на самой платформе, но и непосредственно на конкретной карточке товара;

– размещением на карточке товара слов и выражений «бестселлер», «чаще всего пользуется спросом», «чаще всего дарят»;

– оказанием маркетплейсом сопутствующих услуг по хранению, доставке и проч.[52]

Если маркетплейс предлагает к продаже товары от собственного имени или в результате судебного анализа будет установлено, что маркетплейс публикует карточки товаров таким образом, что у потребителя складывается впечатление, что товары предлагаются к продаже от имени маркетплейса, то маркетплейс несет ответственность как непосредственный нарушитель исключительных прав (нем. «*Täter*»), в частности, за возмещение убытков (нем. «*Schadenersatzhaftung*») и к маркетплейсу может быть предъявлено требование о пресечении (нем. «*Haftung auf Unterlassung*»)[53].

2.2.1.2. Вывод

Таким образом, сравнение российского и европейского подходов показывает, что маркетплейс, предлагая от собственного имени товары, маркированные товарными знаками третьих лиц, несет ответственность как непосредственный нарушитель исключительного права. При этом непосредственным нарушителем маркетплейс может быть признан и в случае, когда он недостаточным образом на маркетплейсе отграничивает собственные товары от товаров третьих лиц, и в результате таких действий маркетплейса возникает смешение (европейский подход). При этом ответственность оператора маркетплейса в России и Европе аналогична.

2.2.2. Маркетплейс действует по поручению или заданию третьего лица

Идея европейского правоприменителя о том, что оператор маркетплейса может нести ответственность и за чужой товар как за свой, выступает для нас в качестве перехода от ситуации, когда маркетплейс предлагает спорный товар к продаже от своего имени к ситуации, когда маркетплейс действует по приучению или заданию третьего лица.

Как отмечает в этой связи российский Суд по интеллектуальным правам, если оператор маркетплейса не выступает в качестве информационного посредника, «*это само по себе не означает, что [оператор маркетплейса] может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности по общим правилам*»[54], то есть как единственный непосредственный нарушитель исключительного права на товарный знак.

2.2.2.1. Ответственность маркетплейса по российскому законодательству

В рамках российской правовой системы в рассматриваемой ситуации подлежит применению разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которому «*лицо, давшее поручение или задание незаконно использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, и лицо, исполнившее такое поручение или задание, перед правообладателем отвечают солидарно, за исключением случаев, когда лицо, действовавшее по поручению или заданию, не знало и не должно было знать о нарушении исключительного права правообладателя*»[55]. Солидарный харак-

[52] EuGH (Große Kammer), Urteil vom 22.12.2022 – C-148/21, C-184/21. Rn. 51-53. [Электронный ресурс]. URL: https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fents%2Fgrurrs%2F2022%2Fcont%2Fgrurrs.2022.37018.htm&anchor=Y-300-Z-BECKRS-B-2022-N-37018&ExfundstelleInfotext=BeckRS%202022%2C%2037018 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[53] *Fezer K.-H.* MarkenR/Fezer/Hauck, 5. Aufl. 2023, Erster Teil. Einleitung in das deutsche, europäische und internationale Marken- und Kennzeichenrecht Rn. 353. [Электронный ресурс]. URL: https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fkomm%2Ffekomarkenr_5%2Fcont%2Ffekomarkenr.vor1.glf.glxviii.gl6.htm&anchor=Y-400-W-FEKOMARKENR-VOR-1-RN-353 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[54] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29 ноября 2024 г. № С01-2158/2024 по делу № А40-272451/2023.

[55] Пункт 73 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

тер ответственности обусловливается, по замечанию К.В. Геeца, виной посредника, связанной с намеренностью либо действий, нарушающих права, либо бездействия по пресечению нарушения[56].

В качестве примера такой ситуации можно привести п. 8.9.1 Правил пользования торговой площадкой «Wildberries», согласно которому при продаже транспортных средств маркетплейс «Wildberries» выступает в качестве агента продавца, действуя от имени и по поручению продавца[57] или лит. «а» п. 4.6.1 Условий продажи Товаров для физических лиц маркетплейса «Ozon» с аналогичным положением[58].

Анализ указанных правил использования маркетплейсов показывает, что подобное действие оператора маркетплейса в качестве агента продавца, как правило, предполагает, что оператор маркетплейса действует от имени и по поручению продавца, но потребитель вступает в договорные отношения непосредственно с продавцом товара – то есть российские маркетплейсы выбирают агентирование по схеме поручения, когда права и обязанности возникают не у оператора маркетплейса, а у продавца (доверителя, принципала) непосредственно.

Вывод о том, действует ли оператор маркетплейса по поручению продавцов и совершает ли он от их имени и за их счет сделки по реализации товаров, может быть сделан на основе анализа положений оферты маркетплейса, то есть договоров, заключаемых им с фактическими продавцами и договоров, заключаемых с покупателями, на что обращает внимание Суд по интеллектуальным правам в своей практике[59].

Если на основании проанализированных документов судом будет сделан вывод о том, что маркетплейс действует по поручению продавца, то следующим этапом проверки выступает оценка того, знал или должен был знать оператор маркетплейса о нарушении исключительного права правообладателя.

Если же судом будет установлено, что оператор маркетплейса не знал и не должен был знать о нарушении исключительного права правообладателя, то такой оператор должен быть освобожден от рассматриваемой ответственности, при этом оператор маркетплейса информационным посредником в данных обстоятельствах не признается[60].

2.2.2.2. Ответственность маркетплейса по зарубежному законодательству

Аналогичный российскому подход мы находим и в европейском праве. Действуя в качестве агента продавца товара, оператор маркетплейса зачастую для сокращения времени между моментом заказа товара и моментом его получения покупателем, предлагает продавцам дополнительные услуги, в частности услуги по хранению некоторого объема товаров на складе оператора маркетплейса и услуги по доставке товаров до покупателя.

В соответствии с лит. «а» абз. 2 ст. 9 Регламента (ЕС) 2017/1001 Европейского Парламента и Совета от 14 июня 2017 г. о товарном знаке Европейского Союза правообладатель товарного знака Европейского Союза (нем. «*Unionsmarke*») вправе запрещать третьим лицам использовать (нем. «*benutzen*») тождественные обозначения для введения в гражданский оборот товаров и услуг без его согласия[61]. В свою очередь согласно сложившейся практике Европейского Суда под таким «использованием» понимается «*использование в торговом обороте для товаров и услуг, которые тожде-*

[56] *Геец К.В.* Ответственность информационных посредников за нарушение интеллектуальных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2023. С. 125.

[57] Пункт 8.9.1 Правил пользования торговой площадкой «Wildberries». [Электронный ресурс]. URL: https://www.wildberries.ru/services/pravila-polzovaniya-torgovoy-ploshchadkoy (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[58] Пункт 4.6.1 Условий продажи Товаров для физических лиц маркетплейса Ozon. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.ozon.ru/common/pravila-prodayoi-i-rekvizity/usloviya-prodayoi-tovarov-dlya-fizicheskih-lits-v-ozon-ru/?country=RU (дата обращения: 5 мая 2025 г.)

[59] Постановления Суда по интеллектуальным правам от 13 декабря 2024 г. № С01-1986/2024 по делу № А40-290587/2023; от 4 декабря 2024 г. № С01-1789/2024 по делу № А41-52246/2023; от 3 декабря 2024 г. № С01-2107/2024 по делу № А40-277047/2023; от 29 ноября 2024 г. № С01-2158/2024 по делу № А40-272451/2023 и проч.

[60] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15 ноября 2024 г. № С01-1373/2024 по делу № А41-64447/2023.

[61] Verordnung (EU) 2017/1001 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 14. Juni 2017 über die Unionsmarke (kodifizierter Text). [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/de/ALL/?uri=CELEX%3A32017R1001 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

ственны тем, в отношении которых товарный знак зарегистрирован, и затрагивает или может затронуть функции товарного знака»[62].

Согласно разъяснениям Европейского Суда, по общему правилу, оператор маркетплейса, который оказывает услуги хранения товара для своих продавцов, должен рассматриваться как лицо, не преследующее цели предложения данных товаров к продаже или введения их в гражданских оборот[63]. Соответственно, поскольку хранение в таком случае осуществляется без цели введения товара в гражданский оборот, то *de facto* использование товарного знака не происходит.

Однако для применения данного общего правила должны быть соблюдены два условия:

– во-первых, оператор маркетплейса не должен знать о том, что находящийся у него на хранении товар нарушает или может нарушать исключительные права правообладателя на товарный знак, и,

– во-вторых, оператор маркетплейса сам не должен преследовать целей предложения к продаже и введения находящегося у него на хранении товара в гражданский оборот[64], то есть от своего имени.

2.2.2.3. Вывод

Анализ российского и европейского права и судебной практики показал, что рассматриваемая ситуация, когда маркетплейс не предлагает собственные товары, но действует как агент продавца товара, в ряде случаев позволяет оператору маркетплейса уйти от ответственности, если будет доказано, что такой оператор маркетплейса не знал и не должен был знать о нарушении исключительных прав правообладателя, при этом права и обязанности по договору купли-продажи товара должны возникать между покупателем и продавцом товара, то есть строиться по схеме поручения.

2.2.3. Маркетплейс предоставляет возможность продажи товара третьему лицу

Поскольку структура настоящей работы построена на презумпции того, что оператор маркетплейса как владелец сайта является лицом, непосредственно использующим товарный знак[65], а значит по общим правилам несет ответственность за нарушение исключительного права на товарный знак, и показанный анализ правовых проблем построен на выявлении исключений из такой ответственности, то последним из анализируемых случаев по логике изложения является ситуация, когда маркетплейс предоставляет возможность продажи товара третьему лицу.

De facto рассматриваемая ситуация является базовой как в российской, так и в европейской правовой системе, поскольку именно при такой схеме в большинстве случаев оператор маркетплейса может быть признан так называемым информационным посредником (об этом далее) и избежать ответственности за незаконное использование товарного знака стороннего правообладателя.

2.2.3.1. Ответственность маркетплейса по российскому законодательству

Ответственность маркетплейса в рассматриваемой ситуации напрямую зависит от признания или непризнания маркетплейса информационным посредником и, по мнению А.С. Ворожевич, ситуация в данной сфере носит сложный характер[66].

[62] Urteil des Gerichtshofs (zweite Kammer) vom 3. März 2016. Daimler AG gegen Együd Garage Gépjárműjavító és Értékesítő Kft. Rechtssache C-179/15. Rn. 26. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/HTML/?uri=ecli:ECLI%3AEU%3AC%3A2016%3A134&anchor=#point26 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[63] Urteil des Gerichtshofs (Fünfte Kammer) vom 2. April 2020. Coty Germany GmbH Gegen Amazon Services Europe Sàrl u.a. Rechtssache C-567/18. Rn. 53. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/HTML/?uri=ecli:ECLI%3AEU%3AC%3A2020%3A267&anchor=#point37 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[64] Urteil des Gerichtshofs (Fünfte Kammer) vom 2. April 2020. Coty Germany GmbH Gegen Amazon Services Europe Sàrl u.a. Rechtssache C-567/18. Rn. 53. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/HTML/?uri=ecli:ECLI%3AEU%3AC%3A2020%3A267&anchor=#point37 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[65] Пункт 78 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

[66] *Ворожевич А.С.* Споры по нарушениям исключительных прав на товарные знаки в маркетплейсах // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Июнь 2021. С. 134.

Законодательного определения термина «информационный посредник» в настоящее время нет, однако в ст. 1253.1 ГК РФ закреплено несколько видов информационных посредников и их характеристики. В частности, одним их видов является информационный посредник, предоставляющий возможность размещения материала в сети «Интернет»[67]. К данному виду деятельности, по замечанию Суда по интеллектуальным правам, относится и деятельность по предоставлению возможности размещения предложений к продаже товаров[68].

Следовательно деятельность маркетплейсов как таковая, по мнению Суда по интеллектуальным правам, подпадает по категорию информационного посредничества.

Однако сама возможность отнесения деятельности маркетплейсов к информационному посредничеству еще не означает, что в конкретной ситуации маркетплейс будет признан судом информационным посредником. В российском законодательстве нет критериев, по которым можно было бы отнести то или иное лицо к данной категории. Представляется, что законодатель оставил данный пробел в законодательстве целенаправленно, чтобы дать больше свободы суду в учете всех особенностей конкретного дела. При этом критерии информационного посредника были выработаны судами достаточно давно – еще в 2008 г. в постановлениях Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – Президиум ВАС РФ) от 23 декабря 2008 г. № 10962/08 и от 1 ноября 2011 г. № 6672/11[69], и они не потеряли свою актуальность до сих пор, и сегодня применяются судами, в том числе для определения статуса оператора маркетплейса как информационного посредника.

Руководствуясь разъяснениями Президиума ВАС РФ суды учитывают следующие критерии для признания того или иного маркетплейса информационным посредником.

Критерий 1. Степень вовлечения в процесс передачи, хранения и обработки информации, возможность контролировать и изменять содержание такой информации.

Информация о соответствующем товаре размещается на маркетплейсе в так называемой карточке товара, которую содержательно наполняет сам продавец. Например, в п. 9.2.3 Оферты о реализации товара на сайте «Wildberries» прямо указано, что «*Вайлдберриз не вправе вносить изменения в Карточку товара*»[70]. Таким образом, в конкретной ситуации маркетплейс не участвует в процессе формирования информации о товаре, не инициирует ее передачу, не выбирает получателя информации о товаре и не влияет на ее целостность.

Критерий 2. Принятие превентивных мер по предотвращению использования объектов исключительных прав без согласия правообладателя.

Ключевой и самой эффективной превентивной мерой оператора маркетплейса по предотвращению использования товарных знаков без согласия правообладателя выступает проверка маркетплейсом до публикации карточки товара факта исчерпания исключительного права на товарный знак, которым маркирован товар, планируемый к размещению на площадке. Данная обязанность должна исполняться посредством внесения в договоры между оператором маркетплейса и продавцами положения, согласно которому продавцы до публикации карточки товара должны предоставлять оператору маркетплейса всю цепочку договоров до правообладателя, из которых бы следовал факт исчерпания исключительного права на товарный знак, например разрешение правообладателя на ввоз соответствующих товаров на территорию Евразийского экономического союза. Как отмечает Суд по интеллектуальным правам, «*обязанность доказывания факта правомерного использования спорного товарного*

[67] Пункты 1 и 3 ст. 1253.1 ГК РФ.
[68] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 4 декабря 2024 г. № С01-1789/2024 по делу № А41-52246/2023.
[69] Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 23 декабря 2008 г. № 10962/08 по делу № А40-6440/07-5-68; Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 1 ноября 2011 г. № 6672/11 по делу № А40-75669/08-110-609.
[70] Пункт 9.2.3. Оферты о реализации товара на сайте Wildberries. [Электронный ресурс]. URL: https://static-basket-02.wbbasket.ru/vol20/offers/prd/product/70/16696476-a3b1-4087-9939-4408c0466526.pdf (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

знака возложена на ответчика [то есть продавца товара] как на лицо, [...] заявляющее об исчерпании исключительных прав»[71]. Следовательно, любой контрагент продавца, в том числе и оператор маркетплейса, обязан проверить правомерность использования продавцом соответствующего товарного знака, прежде чем предоставить ему возможность использовать такой товарный знак на своей платформе.

Критерий 3. Получение прибыли от деятельности, связанной с использованием исключительных прав других субъектов, которую осуществляли лица, пользующиеся услугами этого маркетплейса.

Данный критерий является одним из самых противоречивых при анализе статуса маркетплейса как информационного посредника. Как показано во введении настоящей работы, суть экономической модели деятельности маркетплейса построена как раз на получении маркетплейсом комиссии от продажи товаров третьими лицами-продавцами, причем в отдельных случаях комиссия достигает практически четверти стоимости реализованного товара[72]. Тем не менее на сегодняшний день сложилась устоявшаяся практика Суда по интеллектуальным правам, согласно которой «*получение денежных средств (комиссии) маркетплейсом не влияет на статус маркетплейса как информационного посредника*»[73]. С данной позицией суда следует согласиться, поскольку в противном случае возможность квалификации маркетплейса в качестве информационного посредника была бы полностью заблокирована по данному формальному критерию без учета иных действий маркетплейса, направленных на пресечение нарушения исключительных прав третьих лиц.

Критерий 4. Установлены ли ограничения объема размещаемой информации; право маркетплейса удалить спорный контент.

В случае удаления (блокировки) спорной карточки товара у продавца очевидным образом могут возникать убытки в виде упущенной выгоды, в связи с чем право блокировки карточки товара должно быть урегулировано в договоре между оператором маркетплейса и продавцом. Анализ соответствующих договоров показывает, что операторы маркетплейсов учитывают данное обстоятельство. Например, в соответствии с п. 9.2.4 Оферты о реализации товара на сайте «Wildberries» оператор маркетплейса вправе заблокировать карточку товара в случае нарушения продавцом установленных обязательств, например запрета «*размещать информацию, законных прав на которую Продавец не имеет*», куда подпадает и вопрос незаконного использования товарных знаков или обозначений, сходных до степени смешения[74]. Следовательно, в случае поступления оператору маркетплейса претензии правообладателя товарного знака, оператор маркетплейса будет иметь не только законные, но и договорные основания для блокировки спорной карточки товара.

Критерий 5. Наличие специального программного обеспечения по выявлению нарушений на маркетплейсе.

На сегодняшний момент маркетплейсы предлагают специальные программные средства, направленные на выявление и пресечение нарушения исключительных прав на товарные знаки правообладателей. Например, на маркетплейсе

[71] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 августа 2024 г. № С01-1447/2024 по делу № А40-200044/2023, Определением Верховного Суда РФ от 7 ноября 2024 г. № 305-ЭС24-18928 отказано в передаче дела № А40-200044/2023 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 августа 2024 г. № С01-1261/2024 по делу № А41-65331/2023, Определением Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 305-ЭС24-21555 отказано в передаче дела № А41-65331/2023 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления и проч.

[72] Вознаграждение за продажу товаров по категориям. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.ozon.com/global/commissions/ozon-fees/commissions/?country=CN (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[73] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 2 февраля 2023 г. № С01-2431/2022 по делу № А40-41461/2022; аналогичная практика: Постановления Суда по интеллектуальным правам от 1 апреля 2022 г. № С01-391/2022 по делу № А40-77522/2021; от 6 июня 2024 г. № С01-95/2024 по делу № А40-40269/2023.

[74] Подпункт 6 п. 9.2.3 и п. 9.2.4. Оферты о реализации товара на сайте «Wildberries». [Электронный ресурс]. URL: https://static-basket-02.wbbasket.ru/vol20/offers/prd/product/70/16696476-a3b1-4087-9939-4408c0466526.pdf (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

Ozon реализована опция «кабинет бренда», благодаря чему зарегистрированные представители правообладателя товарного знака (по крайней мере в теории) должны получать информацию обо всех товарах, маркированных их товарными знаками и о соответствующих продавцах таких товаров[75]. Данное программное обеспечение потенциально позволяет оперативно выявлять нарушения исключительных прав правообладателя. У ряда российских маркетплейсов имеются и единые информационные системы, куда вносится информация о выявленных фактах продажи контрафактной продукции[76]. Как отмечает проф. Б.А. Шахназаров, встречаются на рынке и индивидуальные решения, например, «цифровой арбитраж» на некоторых маркетплейсах[77].

Критерий 6. Действия маркетплейса по удалению, блокированию спорного контента или доступа нарушителя к сайту при получении извещения правообладателя о факте нарушения исключительных прав, а также в случае иной возможности узнать (в том числе из широкого обсуждения в средствах массовой информации) об использовании его интернет-ресурса с нарушением исключительных прав других лиц.

Если предыдущие 5 критериев связаны с определением самого статуса маркетплейса в качестве информационного посредника, то рассматриваемый критерий позволяет суду определить возможность применения законодательных исключений по вопросу ответственности маркетплейса в зависимости от конкретных действий последнего. Руководствуясь положениями подп. 1-2 п. 3 ст. 1253.1 ГК РФ, маркетплейс, чей статус информационного посредника установлен судом, не несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав, произошедшее в результате размещения продавцами-третьими лицами предложений к продаже товара или услуги, при одновременном соблюдении двух условий:

– во-первых, оператор маркетплейса не знал и не должен был знать о неправомерном характере использования объектов интеллектуальной собственности, и

– во-вторых, оператор маркетплейса случае получения в письменной форме заявления правообладателя о нарушении интеллектуальных прав с указанием страницы сайта и (или) сетевого адреса в сети «Интернет», на которых размещен такой материал, своевременно принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав.

Рассмотрим данные условия подробнее.

До настоящего момента перечень необходимых и достаточных мер и порядок их осуществления законодательно не утвержден, хотя на такую возможность прямо указано в законе[78].

Анализ актуальной практики Суда по интеллектуальным правам позволяет составить следующий перечень «*необходимых и достаточных мер*» для прекращения нарушения интеллектуальных прав:

– удаление спорных материалов[79];

– удаление нарушающей права информации и переадресация жалобы надлежащему лицу с уведомлением заявителя претензии или сообщение информации, позволяющей идентифицировать правообладателю нарушителя интеллектуальных прав[80];

– блокировка предложения о продаже спорного товара[81];

[75] Кабинет бренда. [Электронный ресурс]. URL: https://seller-edu.ozon.ru/account-brand/account-brand (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[76] *Федотов А.Н., Щепина С.В.* Использование механизма параллельного импорта в системе внешнеторговых отношений в условиях глобальных экономических изменений // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14. № 3. С. 1166.

[77] *Шахназаров Б.А.* Правовое регулирование трансграничных отношений в сфере электронной торговли в контексте параллельного импорта // Lex russica. 2024. Т. 77. № 6. С. 19.

[78] Подпункт 2 п. 3 ст. 1253.1 ГК РФ.

[79] Постановления Суда по интеллектуальным правам от 17 декабря 2024 г. № С01-2199/2024 по делу № А59-5067/2023; от 8 августа 2024 г. № С01-1143/2024 по делу № А40-215817/2023; от 6 августа 2024 г. № С01-1021/2024 по делу № А55-22419/2023; от 16 июня 2023 г. № С01-921/2023 по делу № А41-25531/2022; от 28 ноября 2023 г. № С01-1994/2023 по делу № А40-242385/2022.

[80] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 9 августа 2024 г. № С01-1207/2024 по делу № А40-235464/2023.

[81] Постановления Суда по интеллектуальным правам от 24 июль 2024 г. № С01-1189/2024 по делу № А60-65659/2022; от 29 апрель 2022 г. № С01-209/2022 по делу № А40-99559/2021.

– прекращение размещения товарных предложений[82].

Особое значение имеет критерий *своевременности* принятия соответствующих мер. Анализ актуальной практики Суда по интеллектуальным правам позволяет представить следующие результаты:

Своевременно	Несвоевременно
Сразу же после получения претензии правообладателя[83]	После подачи искового заявления правообладателем в суд[84]
Незамедлительно; 1–2 недели[85]	7 месяцев и более с момента получения претензии[86]

Спорным остается вопрос о необходимости пресечения размещения аналогичных карточек товара тем же продавцом в будущем, поскольку, как отмечалось на Научно-консультативном совете при Суде по интеллектуальным правам, факт нарушения исключительных прав в конкретный момент сегодня «*не свидетельствует о том, что [...] использование будет неправомерным в будущем*»[87].

При этом следует учитывать, что претензия правообладателя должна соответствовать установленным в законе критериям относительно ее содержания, следовательно момент, с которого оператор маркетплейса должен своевременно принять соответствующие меры, направленные на пресечение нарушение, наступает, когда оператор маркетплейса получает достаточную информацию, «*включая, информацию, позволяющую установить статус правообладателя и спорный объект, а также информацию, позволяющую обнаружить конкретный факт нарушения*»[88].

Анализ практики Суда по интеллектуальным правам показывает, что отдельным спорным вопросом является оценка факта *получения маркетплейсом в письменной форме заявления правообладателя*.

Маркетплейсы, как правило, имеют специальные электронные формы, размещенные в самом онлайн-маркетплейсе, через которые правообладатель может подать оператору маркетплейса претензию в связи с нарушением своих исключительных прав[89].

Однако, как указывает Суд по интеллектуальным правам, «*то обстоятельство, что общество использует в своей деятельности разработанный им механизм обмена информацией, не свидетельствует об обязанности иных участников рынка использовать исключительно данный, а не определенный законодательством как влекущий правовые последствия механизм обмена корреспонденцией*»[90].

Поскольку рассматриваемые нами операторы маркетплейсов являются юридическими лицами, следовательно претензия правообладателя – юридически значимое сообщение – считается полученной, если она направлена (доставлена)

[82] Постановления Суда по интеллектуальным правам от 15 ноября 2023 г. № С01-2066/2023 по делу № А40-132902/2022; от 23 апреля 2024 г. № С01-495/2024 по делу № А40-154020/2023.
[83] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 8 августа 2024 г. № С01-1143/2024 по делу № А40-215817/2023
[84] Постановления Суда по интеллектуальным правам от 13 декабря 2024 г. № С01-1986/2024 по делу № А40-290587/2023; от 3 декабря 2024 г. № С01-2107/2024 по делу № А40-277047/2023; от 22 августа 2024 г. № С01-1420/2024 по делу № А41-102093/2023.
[85] Постановления Суда по интеллектуальным правам от 24 июля 2024 г. № С01-1189/2024 по делу № А60-65659/2022; от 16 июня 2023 г. № С01-921/2023 по делу № А41-25531/2022
[86] Постановления Суда по интеллектуальным правам от 13 декабря 2024 г. № С01-1986/2024 по делу № А40-290587/2023; от 3 декабря 2024 г. № С01-2107/2024 по делу № А40-277047/2023; от 27 июня 2022 г. № С01-994/2022 по делу № А41-66202/2021.
[87] Протокол № 16 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам // Протоколы заседаний Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам. С. 229. [Электронный ресурс]. URL: https://ipcmagazine.ru/files/ipcmagazine/5/5/1729555/protocols_review.pdf (дата обращения: 5 мая 2025 г.).
[88] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20 августа 2024 г. № С01-1196/2024 по делу № А41-29458/2023.
[89] Обращение правообладателя. [Электронный ресурс]. URL: https://seller.wildberries.ru/appeal-copyright (дата обращения: 5 мая 2025 г.); Нарушение авторских прав. [Электронный ресурс]. URL: https://seller-edu.ozon.ru/policies/documents-violations/avtorskie-prava (дата обращения: 5 мая 2025 г.).
[90] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22 августа 2024 г. № С01-1420/2024 по делу № А41-102093/2023; аналогичная практика: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28 ноября 2024 г. № С01-1859/2024 по делу № А40-226508/2023.

по адресу, указанному в Едином государственном реестре юридических лиц[91].

В случае признания оператора маркетплейса информационным посредником и квалификации действий маркетплейса в качестве достаточных, при получении претензии правообладателя, оператор маркетплейса пользуется законодательной льготой и не несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав (п. 4 ст. 1253.1 ГК РФ).

2.2.3.2 Ответственность маркетплейса по зарубежному законодательству

В рассматриваемой ситуации, когда маркетплейс размещает предложения к продаже товаров третьих лиц, оператор маркетплейса может нести ответственность в качестве посредника (нем. «*mittelbare Haftung*»).

Как и российские, германские суды выработали систему критериев, на основании которых анализируется возможность освобождения оператора маркетплейса от ответственности за нарушение исключительных прав на его платформе.

Критерий 1. Роль оператора маркетплейса в деятельности платформы.

Европейский Суд отмечает, что возможность исключения ответственности оператора маркетплейса зависит от его роли в работе соответствующей платформы. Если его роль носит «*чисто технический, автоматический и пассивный характер*» по отношению к конкретным предложениям к продаже, то к нему применяется льгота по исключению ответственности за нарушение исключительных прав. Однако, если оператор маркетплейса играет активную роль, например, контролирует (редактирует) карточки товаров, то в таком случае он теряет указанную льготу и подлежит ответственности[92].

На примере электронного аукционного дома показывается, что деятельность посредника по активному продвижению конкретного товара позволяет сделать вывод о потере платформой нейтрального статуса и возможности привлечения оператора платформы к ответственности[93].

Критерий 2. Известность оператору маркетплейса о нарушении исключительных прав. Удаление карточки товара.

Особенностью зарубежных маркетплейсов, в частности, маркетплейса «Amazon», является установленная оператором маркетплейса схема формирования карточек товара: при первом размещении товара на маркетплейсе формируется карточка товара с соответствующей информацией о товаре. Все остальные предложения к продаже аналогичных товаров будут в дальнейшем привязаны к такому описанию. Содержание данной основной карточки товара может меняться любым продавцом товара, привязанного к такой карточке[94]. В этой связи германские суды возлагают обязанность постоянного контроля данной карточки товара на всех продавцов соответствующего товара. Если они обнаружат, что карточка товара в результате внесенных в нее изменений стала нарушать исключительные права третьих лиц-правообладателей, продавцы должны либо исправить такую карточку, либо снять свое объявление. При этом Федеральный Верховный Суд Германии, по общему правилу, не возлагает на оператора маркетплейса обязанности общего контроля всех таких карточек и вносимых в них изменений на предмет нарушения исключительных прав правообладателей[95].

---

[91] Пункт 63 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

[92] *Fezer K.-H.* MarkenR/Fezer/Hauck, 5. Aufl. 2023, Erster Teil. Einleitung in das deutsche, europäische und internationale Marken- und Kennzeichenrecht Rn. 353. [Электронный ресурс]. URL: https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fkomm%2Ffekomarkenr_5%2Fcont%2Ffekomarkenr.vor1.glf.glxviii.gl6.htm&anchor=Y-400-W-FEKOMARKENR-VOR-1-RN-353 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[93] Там же.

[94] BGH: Überwachungs- und Prüfpflichten bei Veränderungen von Produktbeschreibungen – Angebotsmanipulation bei Amazon(GRUR 2016, 936). Rn. 9. [Электронный ресурс]. URL: https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fzeits%2Fgrur%2F2016%2Fcont%2Fgrur.2016.936.1.htm&anchor=Y-300-Z-GRUR-B-2016-S-936&readableType=2&VorgaengerDokumentStreffer3=Beschluss%20vom%2031.05.2016%20-%20I%20ZB%2039%2F15&VorgaengerDokumentFullname=bibdata%2Fzeits%2Fgrur%2F2016%2Fcont%2Fgrur.2016.934.1.htm (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[95] *Fezer K.-H.* MarkenR/Fezer/Hauck, 5. Aufl. 2023, Erster Teil. Einleitung in das deutsche, europäische und internationale Marken- und Kennzeichenrecht Rn. 358. [Электронный ресурс]. URL: https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fkomm%2Ffekomarkenr_5%2Fcont%2Ffekomarkenr.vor1.glf.glxviii.gl7.htm&pos=3&hlwords=on (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

Однако в случае получения оператором маркетплейса претензии с прямым указанием на длящееся правонарушение он должен «*не только пресечь реализацию конкретного товара, но и предпринять меры, направленные на исключение последующих аналогичных правонарушений*»[96]. Кроме того, согласно германскому подходу, оператор маркетплейса в такой ситуации должен провести проверку и иных предложений к продаже товара, аналогичным выявленному правообладателем нарушению[97], что в международной практике обозначается термином «*duty of care*» (англ. «*обязанность проявлять должную степень заботливости*»)[98].

Критерий 3. Наличие превентивных мер нарушения исключительных прав.

Из обязанности пресекать аналогичные и последующие правонарушения вытекает и необходимость оператора маркетплейса использовать программные продукты, позволяющие выявлять незаконное использование товарных знаков[99]. При этом претензия правообладателя должна однозначно указывать на первоначальное правонарушение, чтобы пресечение последующих и аналогичных правонарушений осуществлялось в автоматическом режиме, то есть без необходимости проведения оператором маркетплейса дополнительной правовой проверки наличия или отсутствия факта нарушения исключительных прав правообладателя[100].

2.2.3.3. Вывод по ответственности маркетплейса

Таким образом, анализ российского и европейского правовых подходов позволяет сделать вывод об общем понимании оператора маркетплейса, как лица́, которое потенциально, при соблюдении определенных условий, может быть освобождено от ответственности за нарушение исключительных прав на товарные знаки на его платформе. Тем не менее европейский подход возлагает на оператора маркетплейса существенно бóльшие обязанности по контролю соответствующих карточек товара, которые выходят за рамки конкретного правонарушения и распространяются на аналогичные нарушения исключительных прав конкретного правообладателя на платформе.

3. Заключение

На основании результатов проведенного сравнительно-правового исследования мы можем прийти к следующим выводам.

Во-первых, деятельность маркетплейсов как таковая может подпадать под критерии информационного посредничества, однако вопрос освобождения оператора маркетплейса от ответственности за нарушение исключительных прав должен разрешаться судом исходя их конкретных обстоятельств дела, учитывая превентивные меры оператора, а также меры, принятые им после получения претензии правообладателя о факте нарушения исключительных прав на платформе.

Во-вторых, к таким превентивным мерам оператора маркетплейса должна быть отнесена обязанность проверки факта исчерпания исключительного права на товарный знак, которым маркирован товар, планируемый к размещению на площадке. Данная обязанность должна исполняться посредством внесения в договоры между оператором мар-

[96] OLG München Urt. v. 29.9.2016 – 29 U 745/16, BeckRS 2016, 111591. Rn. 63. [Электронный ресурс]. URL: https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fents%2Fbeckrs%2F2016%2Fcont%2Fbeckrs.2016.111591.htm&anchor=Y-300-Z-BECKRS-B-2016-N-111591-RN-63 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[97] BGH: Überwachungs- und Prüfpflichten bei Veränderungen von Produktbeschreibungen – Angebotsmanipulation bei Amazon. Rn. 1038. [Электронный ресурс]. URL: https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fzeits%2Fgrur%2F2016%2Fcont%2Fgrur.2016.936.1.htm&anchor=Y-300-Z-GRUR-B-2016-S-936&readableType=2&VorgaengerDokumentStreffer3=Beschluss%20vom%2031.05.2016%20-%20I%20ZB%2039%2F15&VorgaengerDokumentFullname=bibdata%2Fzeits%2Fgrur%2F2016%2Fcont%2Fgrur.2016.934.1.htm (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[98] *Pokrovskaya A.* Liability of Marketplaces for Intellectual Property Rights Infringement: The Experience of the US and China // Digital Law Journal, 4(4). P. 79.

[99] *Müller U.* Recht der elektronischen Medien, 4. Aufl. 2019, MarkenG § 14 Rn. 18. [Электронный ресурс]. URL: https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fkomm%2Fspindlerschusterkorem_4%2Fmarkeng%2Fcont%2Fspindlerschusterkorem.markeng.p14.gliii.gl1.gla.htm&pos=7&hlwords=on (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

[100] *Fezer K.-H.* MarkenR/Fezer/Hauck, 5. Aufl. 2023, Erster Teil. Einleitung in das deutsche, europäische und internationale Marken- und Kennzeichenrecht Rn. 356. [Электронный ресурс]. URL: https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fkomm%2Ffekomarkenr_5%2Fcont%2Ffekomarkenr.vor1.glf.glxviii.gl7.htm&pos=3&hlwords=on (дата обращения: 5 мая 2025 г.).

кетплейса и продавцами положения, согласно которому продавцы до публикации карточки товара должны предоставлять оператору маркетплейса всю цепочку договоров до правообладателя, из которых бы следовал факт исчерпания исключительного права на товарный знак, например разрешение на ввоз товаров в ЕАЭС. Любой контрагент продавца, в том числе и оператор маркетплейса, обязан проверить правомерность использования продавцом соответствующего товарного знака, прежде чем предоставлять ему возможность использовать такой товарный знак на своей платформе.

В-третьих, при разрешении данной категории дел судам необходимо учитывать, что маркетплейсы могут выступать и непосредственными продавцами спорных товаров, а также действовать по поручению третьих лиц – потенциальных нарушителей исключительных прав, в связи с чем должен проводиться анализ условий сотрудничества маркетплейса с конкретным продавцом по конкретному товару.

В-четвертых, факт установления комиссии с продажи товаров на маркетплейсе не должен влиять на возможность квалификации деятельности оператора маркетплейса в качестве информационного посредника, поскольку подобная комиссия лежит в основе бизнес-модели всех маркетплейсов и, в противном случае, учет данного критерия блокировал бы любую возможность признания оператора маркетплейса информационным посредником, по формальному основанию.

В-пятых, представляется, что действующее законодательство и судебные разъяснения Президиума ВАС РФ позволяют судам учитывать действия российских операторов маркетплейсов после получения претензии правообладателя по одной карточке товара, направленные на пресечение аналогичных нарушений исключительных прав того же правообладателя, уже имеющихся на платформе, а также будущих аналогичных нарушений. В частности, данный подход основан на указании Президиума ВАС РФ на то, что у оператора маркетплейса могут иметься и «*иные возможности узнать (в том числе из широкого обсуждения в средствах массовой информации)*» [101] о совершаемых нарушениях исключительных прав правообладателя на платформе. Данная проверочная обязанность оператора маркетплейса должна ограничиваться проведением формальной автоматизированной проверки по критериям «товарный знак» и «продавец». В случае выявления совпадения по данной паре критериев в претензии правообладателя и в иных, в том числе будущих, карточках товаров, такие карточки должны подлежать блокировке. Данное обстоятельно не ограничивает продавца в праве предоставлять доказательства получения права использования товарного знака в отношении спорного товара в будущем, что будет являться основанием для прекращения блокировки конкретных товаров по критериям «товарный знак» и «продавец» с условием автоматического уведомление правообладателя о данном факте. Для практической реализации данного похода требуется актуализация договоров между операторами маркетплейсов и продавцами, направленная на включение права блокировки аналогичных карточек того же продавца в случае поступления в адрес оператора маркетплейса первой претензии правообладателя.

В-шестых, предлагается внести в проектируемое законодательство о деятельности цифровых платформ конкретный срок с момента получения претензии правообладателя до момента блокировки карточки товара или отказа оператора маркетплейса в такой блокировке, равный 10 рабочим дням, что соответствует имеющейся судебной практике Суда по интеллектуальным правам (около 2 недель).

Список литературы:

1. *Александрова Л.И.* Контрафакт – как криминальное явление: средства противодействия // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 59–65.

2. *Алиев Т.М., Исмагилова О.Д., Попова В.Н.* Мировой опят регулирования цифровой торговли // Экономическое развитие России. Т. 27. № 12. Декабрь 2020. С. 46–59.

[101] Постановления Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 23 декабря 2008 г. № 10962/08 по делу № А40-6440/07-5-68; от 1 ноября 2011 г. № 6672/11 по делу № А40-75669/08-110-609.

3. *Бузова Н.В.* Использование объектов авторского права и смежных прав на цифровых платформах и сервисах // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51. № 4. С. 133–142.
4. *Ворожевич А.С.* Споры по нарушениям исключительных прав на товарные знаки в маркетплейсах // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Июнь 2021. С. 133–141.
5. *Геец К.В.* Ответственность информационных посредников за нарушение интеллектуальных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2023. С. 121–136.
6. *Ермаков С.В.* Вопросы юридической ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров, работ, услуг // Правовое регулирование экономической деятельности. № 1. 2024. С. 14–21.
7. *Ильяшенко С.Б., Депутатова Е.Ю., Куришева О.А.* Ключевые проблемы торговли на маркетплейсах // Экономические системы. 2023. Т. 16. № 4(63). С. 60–72.
8. *Сальникова А.В., Кудимова Ю.А.* Контрафакт в маркетплейс на примере «Вайлдберриз»: постановка проблемы // Экономика: проблемы, решения и перспективы. Вестник университета. № 2. 2021. С. 117–123.
9. *Терещенко Л.К.* Цифровые платформы: подходы к регулированию // Журнал российского права. 2024. N 9. С. 163–175.
10. *Федотов А.Н., Щепина С.В.* Использование механизма параллельного импорта в системе внешнеторговых отношений в условиях глобальных экономических изменений // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14. № 3. С. 1158–1170.
11. *Шахназаров Б.А.* Правовое регулирование трансграничных отношений в сфере электронной торговли в контексте параллельного импорта // Lex russica. 2024. Т. 77. № 6. С. 9–22.
12. *Fezer K.-H.* MarkenR/Fezer/Hauck, 5. Aufl. 2023, Erster Teil. Einleitung in das deutsche, europäische und internationale Marken- und Kennzeichenrecht Rn. 353. [Электронный ресурс]. URL: https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fkomm%2Ffekomarkenr_5%2Fcont%2Ffekomarkenr.vor1.glf.glxviii.gl6.htm&anchor=Y-400-W-FEKOMARKENR-VOR-1-RN-353 (дата обращения: 5 мая 2025 г.).
13. *Müller U.* Recht der elektronischen Medien, 4. Aufl. 2019, MarkenG § 14 Rn. 18. [Электронный ресурс]. URL: https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fkomm%2Fspindlerschusterkorem_4%2Fmarkeng%2Fcont%2Fspindlerschusterkorem.markeng.p14.gliii.gl1.gla.htm&pos=7&hlwords=on (дата обращения: 5 мая 2025 г.).
14. *Pokrovskaya A.* Copyright Infringement of Photographs on E-commerce Platforms // Journal of Comprehensive Business Administration Research. 2024. P. 1–10.
15. *Pokrovskaya A.* Protection of Trademark Rights on E-Commerce Platforms: An Updated Outlook // Journal of Comprehensive Business Administration Research. 2024. P. 65–73.
16. *Pokrovskaya A.* Liability of Marketplaces for Intellectual Property Rights Infringement: The Experience of the US and China // Digital Law Journal, 4(4). P. 73–90.
17. *Pokrovskaya A.* Intellectual Property Rights Infringement on E-commerce Marketplaces: Application of AI Technologies, New Challenges // E3S Web of Conferences 522, 01057 (2024). VESEP2023. P. 1–7.

Для цитирования:
Кольздорф М.А., Капырина Н.И., Аристова Я.А. Обзор ключевых позиций президиума Суда по интеллектуальным правам № 2/2025 (январь–март 2025) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). С. 116–123.
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_10
For citation:
Kolzdorf M.A., Kapyrina N.I., Aristova Y.A. Review of key issues in IPC Presidium's ruling № 2/2025 (January–March 2025) // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. June. N 2 (48). Pp. 116–123. (In Russ.).
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_10

DOI: 10.58741/23134852_2025_2_10

Обзор ключевых позиций президиума Суда по интеллектуальным правам № 2/2025 (январь–март 2025)

М.А. Кольздорф,
LLM, старший преподаватель НИУ ВШЭ,
ORCID:0000-00033227-3348,
Research ID: AA1-1625-2019

Н.И. Капырина,
PhD,
доцент кафедры интеграционных процессов,
МГИМО (у) МИД России,
ORCID: 0000-0003-1276-1600,
Researcher ID: AAQ-3784-2021

Я.А. Аристова,
ведущий консультант отдела обобщения судебной практики и статистики Суда по интеллектуальным правам

В обзоре представлены ключевые позиции из постановлений Президиума Суда по интеллектуальным правам, опубликованных в январе – марте 2025. Президиум Суда по интеллектуальным правам рассматривает кассационные жалобы на решения суда первой инстанции, в частности, по делам, связанным с регистрацией объектов интеллектуальных прав и с оспариванием правовой охраны. Соответственно данный Обзор преимущественно посвящен вопросам охраноспособности объектов патентных прав

и средств индивидуализации, а также отдельным процессуальным аспектам деятельности Роспатента и Суда по интеллектуальным правам.

В данном Обзоре рассмотрены различные вопросы, связанные с товарными знаками, а также с патентами на изобретения.

Ключевые слова:
интеллектуальная собственность; интеллектуальные права; товарные знаки; недействительность; досрочное прекращение правовой охраны в связи с неиспользованием обозначения; патенты на изобретения

I. СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

1. Основания отказа в регистрации

1.1. Скульптура в товарном знаке

Постановление президиума СИП от 28.03.2025 по делу № СИП-217/2024

Наследница скульптора «Рабочего и колхозницы» обратилась в Роспатент с возражением по пп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ против предоставления охраны товарным знакам общества, включающим изображение этой скульптуры.

Роспатент признал заявительницу заинтересованным лицом, т.к. ей по наследству перешли все исключительные права автора – Мухиной-Замковой В.И., но отказал в удовлетворении возражения, установив, что скульптура находится в собственности города Москвы; в 1950 г. автор создал гипсовую скульптуру по заказу киностудии Мосфильм для использования в качестве марки студии. Данное изображение тождественно изначальной скульптуре, поэтому неясно, какая скульптура использовалась в товарных знаках.

С учетом этого, по мнению Роспатента, согласие наследницы скульптора на регистрацию спорных товарных знаков не требовалось.

Кроме того, Роспатент пришел к выводу об отсутствии сходства до степени смешения товарных знаков и изображения скульптуры, учитывая, в том числе то, что изображение скульптуры не воспринимается в качестве индивидуализирующего элемента спорных товарных знаков.

СИП отменил решение Роспатента и направил возражение на новое рассмотрение исходя из следующего.

Законодательство 1950 г. позволяло передачу не всего авторского права, а лишь отдельных правомочий. Скульптор передала Мосфильму правомочие на использование скульптуры в качестве марки Мосфильма, но сохранила за собой право использования произведения иными способами.

СИП отметил противоречие в позиции Роспатента, который признал заявительницу заинтересованной в подаче возражения, т.к. ей по наследству перешли права, но при этом сделал вывод об отсутствии необходимости получать у нее согласие на регистрацию товарного знака.

Правом на подачу возражения по пп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ обладают только правообладатели произведений и их наследники.

Утверждения Роспатента о том, что изображение скульптуры не воспринимается как индивидуализирующий элемент, не соответствуют презумпции, порожденной самим фактом регистрации спорных товарных знаков без исключения данного изображения из правовой охраны. В такой ситуации предполагается, что все охраняемые элементы товарного знака выполняют индивидуализирующую функцию.

СИП напомнил, что для вывода о несоответствии товарного знака пп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ при противопоставлении всего произведения в целом существенное значение имеют следующие обстоятельства:

– произведение просто должно охраняться авторским правом – в этой части норма направлена на защиту авторского права на «старшее» произведение;

– товарный знак должен быть тождественен произведению или должна иметься вероятность смешения с этим произведением;

– должно отсутствовать согласие правообладателя противопоставленного произведения на регистрацию товарного знака.

Обзор подготовлен Кольздорф М.А

1.2. Псевдоним в товарном знаке

Постановление президиума СИП от 24.03.2025 по делу № СИП-726/2024

Согласие на использование псевдонима в наименовании некоммерческой организации не означает согласие на регистрацию знака обслуживания, включающего такой псевдоним

Роспатент отказал в удовлетворении возражения, поданного наследником (супругом) Елизаветы Петровны Глинки по пп. 2 п. 9 ст. 1483 ГК РФ против регистрации псевдонима «Доктор Лиза» в качестве знака обслуживания для широкого перечня услуг на имя общественной организации.

Роспатент не признал супруга Е.П. Глинки лицом, заинтересованным в подаче возражения, указав, что супруг ранее одобрил использование псевдонима в наименовании общественной организации, подача возражения не направлена на защиту репутации Е.П. Глинки.

СИП решение Роспатента отменил, признал недействительным предоставление правовой охраны спорному знаку обслуживания.

Суд не согласился с выводом Роспатента об отсутствии у наследника заинтересованности в подаче возражения.

СИП отметил, что заинтересованность подателя возражения в данном случае обусловлена только тем фактом, что он является наследником известного лица, имевшего псевдоним, требование о получении согласия на регистрацию знака обслуживания направлено на защиту его имущественных интересов (определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2016 № 123-О).

СИП признал, что вопрос о наличии или отсутствии согласия – это вопрос, который решается не на стадии оценки заинтересованности лица, а на стадии рассмотрения возражения по существу.

Доводы кассационной жалобы Роспатента основаны на непонимании административным органом круга обстоятельств, имеющих значение для установления заинтересованности в подаче возражения, и круга обстоятельств, необходимых для удовлетворения возражения по результатам его рассмотрения по существу.

В отношении существа спора Роспатент и правообладатель признавали, что знак обслуживания воспроизводит псевдоним Е.П. Глинки, а специальное согласие на регистрацию знака обслуживания получено не было, но полагали, что такое согласие вытекает из согласия на использование псевдонима в наименовании общественной организации.

Вместе с тем наименование общественной организации и спорный знак обслуживания являются разными объектами, условия предоставления им правовой охраны являются различными, они имеют различный правовой статус и объем правовой охраны, регулируются разными нормами гражданского законодательства. Наименование общественной организации не является средством индивидуализации, охраняемым по правилам части четвертой ГК РФ.

Согласие наследника на регистрацию псевдонима в качестве знака обслуживания является сделкой, опосредующей предоставление права зарегистрировать обозначение в отношении определенного перечня товаров и услуг.

В отсутствие прямого волеизъявления наследника на регистрацию спорного знака обслуживания Роспатент не подтвердил, что волей названного наследника охватывалось согласие на использование спорного обозначения общественной организацией в качестве знака обслуживания в отношении широкого перечня услуг, часть из которых напрямую не соотносится с целью деятельности организации в качестве благотворительной (например, услуги «маркетинг целевой; организация выставок в коммерческих или рекламных целях», и др.).

Общественная организация сохранила за собой право использовать псевдоним «Доктор Лиза» в своем наименовании, вести под ним деятельность. Этим в определенной степени обеспечен баланс прав на использование псевдонима между этой организацией и наследником.

Осуществление общественной организацией своей уставной деятельности, которая ранее осуществлялась под руководством Елизаветы Глинки, и получение ею известности в том числе в связи с деятельностью данной организации не наделяют последнюю какими-либо полномочиями по отношению к псевдониму своего бывшего руководителя.

Обзор подготовлен Кольздорф М.А.

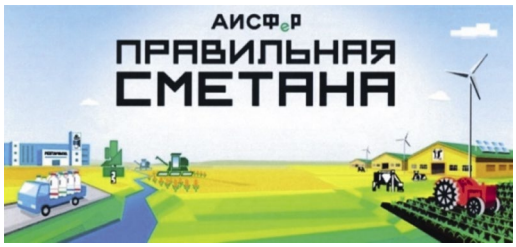
1.3. Правила оценки «правильной сметаны»

Постановление президиума СИП от 04.02.2025 по делу № СИП-114/2024

Грамматический анализ недостаточен для квалификации нескольких слов в качестве единого элемента для целей применения п. 10 ст. 1483 ГК РФ.

Методологически верным является сначала установление семантики спорного элемента, затем семантики противопоставленного товарного знака и лишь на завершающей стадии – сравнение семантики спорного элемента и семантики противопоставленного обозначения.

Общество является правообладателем товарного знака с дискламацией словесных элементов «правильная сметана» и «молзавод».



Компания, обладатель товарного знака «ПРАВИЛЬНАЯ» обратилась в Роспатент с возражением против регистрации спорного обозначения, ссылаясь на противоречие положениям п. 10 ст. 1483 ГК РФ.

Роспатент удовлетворил возражение в отношении части заявленных товаров.

Суд первой инстанции признал решение административного органа недействительным, но президиум СИП усмотрел в судебном акте методологические ошибки в применении п. 10 ст. 1483 ГК РФ, в связи с чем решение было отменено, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Поясняя методологию применения положений п. 10 ст. 1483 ГК РФ, президиум СИП подчеркнул важность определения восприятия потребителем элементов, входящих в младший товарный знак, в качестве товарного знака другого лица.

В случае со словами, которые складываются в более или менее устоявшиеся выражение (в данном случае – «правильная сметана»), восприятие потребителем слов также играет решающее значение.

При этом президиум СИП указал: грамматический анализ, пусть и правильно проведенный с точки зрения языкознания, недостаточен для квалификации нескольких слов в качестве единого элемента для целей применения п. 10 ст. 1483 ГК РФ.

Для целей оценки восприятия нескольких слов в качестве единого элемента оценивается, в частности:

– приближается ли значение словосочетания к тому значению, которое в лексикологии обычно имеет отдельное слово;

– сохраняют ли слова, образующие исследуемое сочетание, самостоятельное значение;

– являются ли слова, образующие исследуемое словосочетание, информативными;

– каждое ли из слов привносит значимую информацию в понимание общего смысла сочетания;

– может ли изменяться порядок слов в словосочетании;

– могут ли заменяться элементы исследуемого словосочетания другими элементами;

– особенности композиционного построения элемента спорного товарного знака, благодаря которым входящие в него слова, являющиеся самостоятельными лексическими единицами, начинают восприниматься потребителями как единое целое с учетом специфики их расположения в товарном знаке и обстоятельств его использования.

Аналогичный подход приведен, например, в постановлении президиума СИП от 02.10.2023 по делу № СИП-1012/2022.

Президиум СИП отметил, что вопрос о том, какие элементы в спорном товарном знаке в целом являются сильными или слабыми, не имеет отношения к предмету спора – по правилам п. 10 ст. 1483 ГК РФ оценивается сходство (и впоследствии вероятность смешения) между элементом «младшего» знака (коим в данном случае является элемент «ПРАВИЛЬНАЯ СМЕТАНА») и целым противопоставленным товарным знаком.

Второе нарушение методологии президиум СИП усмотрел в том, что семантическому (как и фонетическому) сравнению должно предшествовать самостоятельное установление семантики

(как и фонетики) каждого из сравниваемых обозначений.

Семантика каждого обозначения устанавливается самостоятельно, и лишь потом проводится сравнение.

Как, например, существенные признаки промышленного образца не зависят от выбранного противопоставленного решения и устанавливаются в самом по себе спорном решении (см., в частности, постановление президиума СИП от 30.06.2023 по делу № СИП-53/2022), так и семантика конкретного обозначения не может зависеть от противопоставленного обозначения.

Потребитель видит конкретный товарный знак (его элемент) как есть, а не в сравнении с какими-либо иными обозначениями.

Таким образом, методологически верным является сначала установление семантики спорного элемента, затем семантики противопоставленного товарного знака и лишь на завершающей стадии – сравнение семантики спорного элемента и семантики противопоставленного обозначения.

Обзор подготовлен Капыриной Н.И.

1.4. Столкновение взглядов на «ЛЕТО»

Постановление президиума СИП от 17.01.2025 по делу № СИП-398/2024

Само по себе указание в заявке на регистрацию при описании обозначения на то, что оно является изобразительным, не исключает необходимость надлежащей правовой квалификации такого обозначения

Роспатент удовлетворил возражение фабрики мороженного против регистрации на имя индивидуального предпринимателя товарного знака

в виду вероятности смешения со старшим товарным знаком фабрики,

ЛЕТО

СИП с выводами административного органа согласился.

Суд первой инстанции установил, что данный товарный знак является комбинированным, состоит из изображений: дольки арбуза в виде буквы «Л»; травяного газона в виде буквы «Е»; пляжного зонта в виде буквы «Т»; спасательного круга в виде буквы «О». Последовательно расположенные на одной строке изображения, с точки зрения суда, очевидно воспринимаются (прочитываются) как буквы «Л», «Е», «Т», «О» и составляют слово «ЛЕТО», которое выполняет в спорном товарном знаке основную индивидуализирующую функцию.

В кассационной жалобе заявитель настаивал на том, что спорное обозначение зарегистрировано в качестве изобразительного, в нем нет отдельных от изобразительных словесных элементов. По мнению заявителя, в данном случае графические особенности спорного обозначения не могут быть несущественными, а возможность прочтения в спорном обозначении слова «ЛЕТО» говорит об ассоциативном ряде, возникающем у потребителя при восприятии этого обозначения, что не подлежит учету при сравнении обозначений по графическому критерию.

Отказывая в удовлетворении кассационной жалобы, президиум СИП отметил, что само по себе указание в заявке на регистрацию при описании обозначения на то, что оно является изобразительным, не исключает необходимость надлежащей правовой квалификации такого обозначения.

По мнению президиума СИП, оценив представленные в материалы дела доказательства по правилам ст. 71 АПК РФ, суд первой инстанции пришел к основанному на нормах материального права и на материалах дела выводу о том, что спорный товарный знак является комбинированным: несмотря на стилизацию исполнения и художественное оформление буквенных элементов, принимая во внимание последовательно расположенные в одной строке изображения, они очевидно воспринимаются (прочитываются) как буквы «Л», «Е», «Т», «О». Оригинальный характер букв спорного товарного знака не исключает их прочтение как слова «ЛЕТО».

Обзор подготовлен Капыриной Н.И.

2. Досрочное прекращение прав на товарные знаки

2.1. Использование самостоятельной продукции, а не составных частей

Постановление президиума СИП от 12.02.2025 по делу № СИП-334/2024

Общество обратилось в СИП с иском к шведской компании о досрочном прекращении правовой охраны ее товарных знаков со словом «Ericsson» в связи с тем, что компания не использовала эти обозначения для «устройств для нагрева, охлаждения и вентиляции» 11-го класса МКТУ.

СИП заявленные требования удовлетворил, решение суда первой инстанции было оставлено без изменений президиумом СИП.

Компания должна была представить в суд доказательства использования ею либо иными лицами под контролем правообладателя спорных товарных знаков в период с 18.01.2021 по 17.01.2024 именно в отношении товарной позиции 11-го класса МКТУ «устройства для нагрева, охлаждения и вентиляции».

Суд первой инстанции классифицировал те товары, в отношении которых компания представляла доказательства, как товары, не относящиеся к 11-му классу МКТУ.

Суд также отметил, что компания не подтвердила, что поименованные в представленных ею документах товары являются самостоятельной продукцией, вводимой в гражданский оборот, а не только составными частями оборудования телекоммуникационного назначения, разделенного на несколько составных частей для последующего сбора и использования на территории Российской Федерации, т.е. ответчик не доказал возможность самостоятельного использования частей базовых радиостанций, цифровых модулей, содержащих в своем составе, например, вентиляторы/вентиляционные элементы, в качестве изделий, предназначенных для охлаждения помещения или перемещения в нем воздуха.

Более того, суд отметил, что компания не ссылалась и не доказывала то, что ее товары являются готовыми изделиями многоцелевого назначения. В отношении последних допускается отнесение одного товара к двум самостоятельным (не соотносящимся как общее-частное или не являющимся разными формами одного товара) товарным позициям.

Отказывая в удовлетворении кассационной жалобы, президиум СИП акцентировал внимание на том, что спорные товарные знаки зарегистрированы не только для рубрики 11-го класса МКТУ, но и для большого количества товаров 9-го класса МКТУ, которые предметом спора не являлись.

Что касается наличия или отсутствия уважительных причин неиспользования товарного знака в отношении спорных товарных позиций, что позволило бы «сдвинуть» период доказывания, в настоящем деле отсутствовала необходимость их оценки, поскольку компания не доказала использование спорных товарных знаков для индивидуализации названных товаров 11 класса МКТУ ни с 18.01.2021 по 25.02.2022, ни в целом в трехлетний период предшествовавший тем ограничениям, на которые она указывала. Выводов по вопросу о наличии или отсутствии уважительных причин неиспользования товарного знака постановление президиума СИП не содержит.

Президиум СИП также отклонил довод кассационной жалобы о наличии оснований для применения положений ст. 54 и 55 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной в г. Кишиневе 07.10.2002 (далее – Кишиневская конвенция). По мнению компании, суд первой инстанции не принял во внимание то, что факт использования соответствующих товаров, маркированных спорными обозначениями, на территории Республики Казахстан был установлен судебным органом в Республике Казахстан, и что этот факт имел значение для данного дела с учетом регионального принципа исчерпания права в ЕАЭС.

Президиум СИП отметил, что фактически компания настаивала на преюдициальности выводов и обстоятельств, изложенных в решениях иностранного суда. При этом суд пояснил, что указанные положения Кишиневской конвенции либо не подлежат применению при рассмотрении данного дела, либо устанавливают порядок признания и исполнения определенных решений в соответствии с законодательством запрашиваемой стороны.

Между тем из положений ст. 69 АПК РФ не следует, что не нуждаются в доказывании обстоятельства, установленные в судебных актах иностран-

ных судов, то есть основания для изменения бремени доказывания отсутствовали.

В отношении применения принципа исчерпания президиум СИП отметил, что оно имеет правовое значение для вывода о квалификации использования товарного знака в качестве требующего или не требующего согласия правообладателя – как правило, при рассмотрении спора о предполагаемом нарушении исключительного права на данный товарный знак. При этом сам по себе факт использования того или иного товарного знака подлежит установлению иным образом (без применения принципа исчерпания права). Как подчеркнул президиум СИП, российский законодатель однозначно исходит из того, что для сохранения на территории Российской Федерации правовой охраны товарного знака необходимо его использование исключительно в границах Российской Федерации.

Обзор подготовлен Капыриной Н.И.

II. ПАТЕНТЫ

3. Патенты на изобретения

3.1. Рацемат рацемату рознь

Постановление президиума СИП от 13.02.2025 по делу № СИП-384/2023

Евразийское патентное законодательство устанавливает, что порочит новизну изобретения только тот объект, что обладает всеми признаками, идентичными признакам спорного изобретения. Так рацемат не может порочить новизну индивидуального стереоизомера (энантиомера), несмотря на то, что наличие различных конфигурационных изомеров гипотетически подразумевается в рацемическом соединении. Указание в общем виде на все оптически активные формы не может порочить новизну энантиомеров, если они не были специально получены и изучены.

Роспатент удовлетворил возражение против действия на территории Российской Федерации евразийского патента на химическое соединение и признал патент недействительным полностью.

Оставляя в силе решение административного органа, суд первой инстанции подтвердил, что из противопоставленного источника информации указанное химическое соединение известно, при этом соединения имеют идентичную структурную формулу. Противопоставленное соединение является рацематом и включает в себя «различные энантиомерные формы», в том числе и ту, которой охарактеризовано соединение по спорному патенту. По мнению суда, то обстоятельство, что в противопоставленном источнике нет указания на конкретную энантиомерную форму соединения, не порочит правомерный вывод Роспатента о том, что в источнике содержатся сведения о существовании данного соединения в различных энантиомерных формах.

Суд также отметил необходимость применения подхода к определению новизны изобретения в случае соотношения значения его параметра с аналогичным параметром прототипа по принципу «уже-шире», приведенного в определении Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 300-КГ18-16152.

Отменяя судебный акт и обязывая Роспатент повторно рассмотреть возражение, президиум СИП счел указанный подход к определению новизны изобретения не соответствующим нормам евразийского законодательства и применяемой методологии.

Президиум СИП указал: евразийское патентное законодательство четко устанавливает, что порочить новизну изобретения может только объект, обладающий всеми признаками, идентичными признакам спорного изобретения.

Как Роспатент, так и суд первой инстанции установили что, соединению, известному из источника информации не присущи признаки, характеризующие конкретный энантиомер, защищенный оспариваемым патентом. Из источника известно лишь соединение, охарактеризованное общей структурной формулой, а также то, что данное соединение может существовать в различных энантиомерных формах.

Исходя из норм евразийского законодательства, приведенных выводов достаточно для того, чтобы признать, что соединение, известное из источника информации, не порочит новизну спорного изобретения. В данной ситуации применим принцип «общее раскрытие не порочит частную реализацию», известный не только евразийскому, но и внутреннему законодательству.

Кроме того, президиум СИП обратил внимание на то, что не порочат новизну изобретения лишь

предположения о возможности появления в будущем технического решения – должны быть раскрыты конкретные признаки конкретного решения.

Таким образом, рацемат не может порочить новизну индивидуального стереоизомера (энантиомера), несмотря на то, что наличие различных конфигурационных изомеров гипотетически подразумевается в рацемическом соединении. Более того, указание в общем виде на все оптически активные формы не может порочить новизну энантиомеров, если они не были специально получены и изучены.

Президиум СИП также отметил, что подход, выраженный в определении Верховного Суда Российской Федерации, в данном случае не применим, поскольку спорным признаком является не диапазон значений, а индивидуальное химическое соединение – стереоизомер, тогда как противопоставленный источник раскрывает химическое соединение – рацемат. Названное определение Верховного Суда Российской Федерации принято по делу, касающемуся проверки новизны технического решения, охраняемого российским патентом, в то время как в настоящем споре применяется евразийское законодательство, содержащее более строгие формулировки.

Обзор подготовлен Аристовой Я.А.

Научная статья
УДК 347

Для цитирования:
Косов А.И. Регрессные обязательства солидарных нарушителей исключительного права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). С. 124–131.
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_11
For citation:
Kosov A.I. Recourse obligations of joint and several infringers of an exclusive right // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. June. N 2 (48). Pp. 124–131. (In Russ.).
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_11

DOI: 10.58741/23134852_2025_2_11

Регрессные обязательства солидарных нарушителей исключительного права

А.И. Косов,
аспирант кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Россия
Author ID: 1115951

Проанализированы особенности регрессных обязательств, возникающих между несколькими нарушителями исключительного права, с учетом режима ответственности в сфере интеллектуальной собственности. Выявлены отличия оснований для возникновения права регресса и его функциональной направленности между независимыми нарушителями и нарушителями, действующими совместно. Установлена взаимосвязь между подходом к определению количества нарушений исключительного права и порядком реализации регрессных требований.

На примере анализа проекта федерального закона № 348960-8 обозначены проблемы реформирования правил об ответственности нескольких нарушителей исключительного права, связанные с выбором определяющего критерия. Выявлена затруднительность выделения единого экономического интереса правообладателя по отношению к неправомерным действиям нескольких лиц. Обосновано расширение сферы солидарной ответственности за рамки действий нарушителей по отношению к одному контрафактному носителю за счет оценки их причастности к образованию денежной суммы, подлежащей возмещению правообладателю.

Ключевые слова:
регресс; регрессные обязательства; солидарные обязательства; исключительное право; объект интеллектуальной собственности; компенсация; право интеллектуальной собственности

1. Текущий режим ответственности нескольких нарушителей исключительного права и его влияние на регрессные обязательства

Текущий режим ответственности за нарушение исключительного права несколькими лицами отличается рядом существенных особенностей по сравнению с положениями общей части обязательственного права о солидарной ответственности. Одной из таких особенностей является признание по общему правилу каждого случая неправомерного использования объекта интеллектуальной собственности (далее – ОИС) в качестве самостоятельного нарушения, являющегося основанием для возмещения[1]. Несмотря на то что норма абз. 3 п. 3 ст. 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), ранее прямо закреплявшая данный принцип, была измена, действующие разъяснения Верховного Суда РФ указывают на самостоятельную ответственность каждого из нарушителей (абз. 1 п. 71 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10, далее – Постановление Пленума № 10)[2]. Это означает, что, по умолчанию, с каждого из нескольких независимых лиц, одновременно или последовательно использующих ОИС без согласия правообладателя, может быть взыскана сумма компенсации (абз. 1 п. 3 ст. 1252 ГК РФ) с учетом количества случаев неправомерного использования. Численность подобных правонарушений не ограничена, а их идентичность с точки зрения того или иного способа использования объекта по умолчанию не свидетельствует об одном нарушении.

Возникновение нарушений за каждое неправомерное использование ОИС оказывает влияние на внутренние правоотношения делинквентов. В соответствии с п. 4 ст. 1250 ГК РФ лицо, которое привлечено к ответственности или у которого изъяты материальные носители, вправе предъявить регрессное требование о возмещении понесенных убытков, включая суммы, выплаченные третьим лицам. При этом указанное право регресса возникает только при отсутствии вины регредиента. Данное положение отличается от общих правил возникновения регрессных обязательств согласно ст. 325, 1081 ГК РФ, не предусматривающим зависимость возникновения права регресса от наличия вины выплатившего возмещение лица по отношению к потерпевшему. В частности, если регредиент и регрессат оба виновны в нарушении исключительного права третьего лица, данное обстоятельство не исключает возможности требовать возмещения уплаченного в порядке регресса.

Указанное позволяет утверждать о различных функциях, которые выполняет регресс в зависимости от характера координации прав требования правообладателя к нескольким нарушителям. Так, традиционно считается, что право регресса исключает неосновательное обогащение одного из участников солидарной множественности лиц в случае исполнения основного обязательства[3], «приводит их имущественные отношения в равновесное состояние»[4], нарушенное получением кредитором исполнения только от одного должника. Напротив, возникновению регрессных обязательств, согласно п. 4 ст. 1250 ГК РФ, не предшествует квалификация деликтных обязательств нарушителей в качестве солидарных, правообладатель может получить сумму возмещения от каждого из делинквентов. Норма предусматривает «возможность переложения ответственности»[5] в ситуации, когда одно лицо привлечено к ответ-

[1] См.: *Гаврилова К.Д.* Ответственность за нарушение исключительных прав при множественности нарушителей // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2024. № 6. С. 81.

[2] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, июль 2019 г., № 7. В литературе см.напр.: *Мадаминов О.Г.* К вопросу об определении количества нарушений за неправомерное использование объекта интеллектуальной собственности // Цивилистика. – 2022. – Т. 2, № 4. – С. 210.

[3] См.: *Савиньи Ф.К.* Обязательственное право. Перевод с немецкого В. Фукса н Н. Мандро. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс». 2004. С. 188.

[4] *Сарбаш С.В.* Элементарная догматика обязательств: Учебное пособие / Исслед. центр частн. права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, Рос. школа частн. права. – М.: Статут, 2016. С. 99.

[5] *Ворожевич А.С., Новоселова Л.А.* Меры ответственности за нарушение прав на товарный знак // Право интеллектуальной собственности: учебник / А.С. Ворожевич, О.С. Гринь, В.А. Корнеев и др.; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2018. Т. 3: Средства индивидуализации. С. 239, 240.

ственности по вине другого лица, что характерно для юридической ответственности[6]. Формулировка «регрессное требование о возмещении понесенных убытков» в ст. 1250 ГК РФ используется, по сути, для обозначения права требования о возмещении убытков, снабженное элементами режима регрессного требования. Поскольку, согласно норме, регредиент должен быть невиновен по отношению к потерпевшему, «разверстка» между делинквентами подразумевает полное возмещение уплаченных правообладателю сумм, то есть внутренняя доля регредиента по отношению к регрессату равна 0. Это при определенных обстоятельствах может приводить к удвоению ответственности регрессата: являясь самостоятельно ответственным перед правообладателем за неправомерное использование ОИС, вдобавок он также будет обязан возместить ущерб, причиненный регредиенту. Право регресса, таким образом, перестает выполнять функцию исключения неосновательного обогащения одного из участников множественности лиц в случае исполнения основного обязательства, выполняя роль ответственности.

2. Специфика действия механизма регрессного переложения в зависимости от содержания внутренних правоотношений сторон

Механизм «переложения» выплаченного возмещения может по-разному функционировать в зависимости от того, возникает ли между несколькими нарушителями прав на ОИС, отвечающих перед потерпевшим независимо друг от друга, договорная или внедоговорная ответственность. Если между соответствующими лицами существовало договорное правоотношение, то вопрос об ответственности одного из них следует разрешать с учетом содержания договорных обязательств – установлена ли гарантия отсутствия нарушений прав третьих лиц и мог ли регредиент полагаться на данную гарантию, был ли распределен риск предъявления требований со стороны потенциального правообладателя, в том числе посредством обязанности возместить потери (ст. 406.1 ГК РФ). При отсутствии соответствующих договорных условий или договора в целом подлежит установлению состав правонарушения одного нарушителя прав на ОИС по отношению к другому, причем правонарушение будет заключаться в создании условий регрессатом для последующего нарушения регредиента[7]. Например, Д1 разместил на Интернет-странице программный код без согласия правообладателя, предоставив к нему доступ неограниченному кругу лиц. Д2, также без согласия правообладателя, использовал данный программный код, скачав его с Интернет-страницы Д1, создав копии и распространив через собственный веб-сайт. В деле № А43-30319/2024, например, с истца была взыскана компенсация в пользу правообладателя, поскольку в принадлежащую истцу электронную систему ответчиком была загружена фотография, для использования которой предварительно не было получено согласие[8].

В механизме регрессного «переложения» критерий вины перед правообладателем может по-разному проявлять себя в зависимости от квалификации правоотношений нескольких лиц в качестве договорных или внедоговорных. Наличие вины делинквента-истца по договорному притязанию может учитываться для целей снижения или отсутствия ответственности нарушителя-ответчика (ст. 404 ГК РФ). При наличии же нескольких независимых нарушителей вопрос вины по отношению к потерпевшему выполняет распределительную роль – отвечает ли регрессат перед регредиентом (п. 4 ст. 1250 ГК РФ). Исходя из этого разрешается вопрос о том, обладает ли регредиент, чье нарушение прав на ОИС стало следствием действий регрессата, притязанием к последнему как к источнику нарушений прав потерпевшего, и затем – убытков регредиента. При солидарной ответственности вина одного из содолжников может послужить основанием для отклонения от равенства их внутренних долей, в том числе в пользу воз-

[6] См.: *Йоффе О.С.* Обязательственное право. М., «Юрид. лит.», 1975. С. 74, 145.
[7] В контексте разъяснений в абз. 2 п. 72 Постановления Пленума № 10 – предъявление требований к лицу, по вине которого другим лицом было допущено нарушение соответствующего исключительного права.
[8] Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 20 ноября 2024 г. по делу № А43-30319/2024.

ложения всей суммы, уплаченного потерпевшему, на одного из содолжников (подп. 1 п. 2 ст. 325 ГК РФ).

3. Особенности применения критерия совместности действий нарушителей исключительного права для цели установления солидарной ответственности

Изменение содержания абз. 3 п. 3, п. 6.1 ст. 1252 ГК РФ и разъяснения Верховного Суда РФ в п. 71 Постановления Пленума № 10 задали направление для будущего развития законодательства и судебной практики в сторону сужения применения критерия «один случай использования – одно нарушение». В качестве его альтернативы выступил критерий «совместных действий» нарушителей, позволяющий признать их ответственными солидарно, в частности, при распространении партии контрафактных экземпляров одного произведения или контрафактных товаров. Совместность действий свидетельствует об их направленности на достижение единого для нескольких лиц неправомерного результата, что в соответствии с п. 6.1 ст. 1252 ГК РФ влечет солидарную ответственность указанных лиц. Как нередко отмечается в научной литературе[9] и судебной практике[10], данное положение коррелирует со ст. 323 и 1080 ГК РФ и основывается на единстве умысла делинквентов[11].

Поскольку совместность действий указывает на солидарность обязательств, а значит – на предел обязанностей нескольких лиц по возмещению убытков потерпевшему, режим пассивного солидаритета закономерно ограничивает ответственность соделинквентов перед правообладателем. Такое ограничение позволяет, во-первых, определить общий объем ответственности нарушителей исключительного права. Для них устанавливается равный размер деликтных обязательств, исполнение которых приводит к освобождению содолжников полностью или в части. Во-вторых, это позволяет разделить их бремя несения негативных последствий совершенного нарушения. В сравнении с нормой п. 4 ст. 1250 ГК выходит, что положение указанных лиц, действующих совместно и виновно, нарушая право правообладателя, является более выгодным по сравнению с положением лиц, действующих виновно или даже невиновно, но независимо друг от друга.

На первый взгляд закрепленный в разъяснениях Верховного Суда РФ критерий совместности действий, служащий обоснованием установления солидарной ответственности, не должен вызывать сложностей, охватывая «согласованность и скоординированность действий причинителей вреда»[12]. Тем не менее анализ судебной практики показывает, что в ряде случаев затруднительно определить, являлись ли действия делинквентов совместными. Это, в частности, касается деликтов с участием информационных посредников (ст. 1253.1 ГК РФ), привлекаемых к ответственности наряду с другими лицами, размещающими материал в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В отдельных делах судебные органы квалифицируют действия, например, администраторов доменного имени Интернет-сайта, либо как самостоятельное нарушение с возможностью предъявления регрессных требований к другому делинквенту по п. 4 ст. 1250 ГК РФ[13], либо как нарушение, совершенное совместно с лицом, незаконно разместившим информацию о товаре на Интернет-сайте[14]. В научной литературе также указывается на отсутствие единого подхода в данном вопросе[15], что, в свою очередь, ведет к недоста-

[9] См.: *Тололаева Н.В.* Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция : монография / Н. В. Тололаева. – М. : Статут, 2020. – С. 70.
[10] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31 января 2023 № 305-ЭС21-14428 по делу № А40-271168/2019.
[11] См.: *Ворожевич А.С., Новоселова Л.А.* Указ.соч. С. 240.
[12] *Гаврилова К.Д.* Указ. соч. С. 84.
[13] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18 сентября 2024 по делу № А56-96709/2023.
[14] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23 сентября 2024 по делу № А19-22750/2023.
[15] См.: *Иванов Н.В.* Особенности ответственности информационного посредника за нарушение исключительного права // Закон. – 2023. – № 5. – С. 51.

точности ясности и предсказуемости по существу режима ответственности делинквентов и порядка реализации последующего обратного требования о возмещении уплаченного.

Таким образом, на текущий момент складывается следующая система координации требований правообладателя к лицам, нарушающим исключительное право: если ответственными являются лица, неправомерно использующие ОИС самостоятельно и независимо друг от друга (одновременно или в разное время, включая последовательно), каждый из них несет самостоятельную ответственность с возможностью реализации права регресса только в случае отсутствия своей вины. Порядок реализации обратного требования может быть уточнен исходя из содержания внутренних правоотношений. Если же неправомерные действия охватываются общим умыслом нарушителей, они отвечают солидарно и обладают возможностью предъявления регрессных требований в соответствии с правилами ст. 325 ГК РФ.

Внешне система может вызывать сомнения: если неправомерные действия нескольких лиц причинили потерпевшему один и тот же вред, пусть даже без единого умысла, теоретически, они могут быть присуждены к возмещению солидарно. С другой стороны, даже если те же лица действуют совместно, правопорядок может допустить взыскание возмещения самостоятельно с каждого такого нарушителя, если учитывать отмечающуюся в литературе функцию компенсации в виде превенции[16]. В этой связи система выглядит сконструированной искусственно, сочетая в себе разные функции ответственности и используя критерий совместности действий, который необоснованно ограничивает сферу солидарной ответственности.

4. Проблемы реформирования режима ответственности нескольких нарушителей исключительного права

Проект федерального закона № 348960-8 (далее – Проект), принятый в первом чтении на момент написания настоящей работы, расширяет сферу солидарной ответственности в абзаце 2 п. 6.1 ст. 1252 ГК РФ в случае «последовательных нарушений исключительного права, совершенных различными лицами в отношении одних и тех же контрафактных материальных носителей»[17]. При этом к солидарной ответственности привлекаются несколько участников нарушений даже при отсутствии их согласованных действий. В пояснительной записке к законопроекту отражено, что «это позволит распространить солидарную ответственность на цепочки нарушений, что даст возможность розничному продавцу, привлеченному к ответственности за нарушение исключительных прав, обратиться к другим нарушителям с регрессным требованием»[18] без учета ограничения, предусмотренного п. 4 ст. 1250 ГК РФ. Актуальность данного законодательного решения обуславливается тем, что ряд нарушений без связи с другими неправомерными действиями может не приводить к самостоятельным негативным имущественным последствиям. Это в первую очередь касается производства и хранения контрафактного товара, что само по себе может не повлечь возникновение убытков до момента распространения продукции. В этой связи для установления солидарной ответственности перестает быть определяющим наличие единого умысла нескольких лиц на возникновение соответствующих негативных последствий. Напротив, предлагаемое решение позволяет локализовать на нескольких лицах ущерб, возмещение которого приводит к удовлетворению единого экономического интереса потерпевшего.

[16] См.: *Ягельницкий А.А.* Функции гражданско-правовой ответственности // Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв.ред.д-р юрид.наук., проф. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут. 2023. Т. 1: Общая часть. – С. 565.

[17] Проект Федерального закона о внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации № 348960-8 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/348960-8?ysclid=m2adt2b5eo719194276 (19 октября 2024 г.).

[18] Пояснительная записка к проекту Федерального закона о внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации №348960-8 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/348960-8?ysclid=m2adt2b5eo719194276 (19 октября 2024 г.).

Среди проблем текста законопроекта можно отметить недостаточную разработанность критериев, по которым лица, последовательно и независимо друг от друга совершающие неправомерные действия в отношении одного и того же контрафактного носителя, отвечают перед правообладателем солидарно (п. «в» ч. 2 ст. 1 Проекта). На это обращается внимание в заключении Правового управления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации[19]. В совокупности с нормой п. 4 ст. 1250 ГК РФ в актуальной редакции, охватывающей случаи последовательных нарушений лицами, действующими независимо друг от друга, возникает конфликт двух правил в условиях отсутствия разграничивающего критерия. Предлагаемое в качестве такого критерия «наличие одного и того же контрафактного товара» представляется еще более искусственным, чем совместность действий, и не охватывает случаи, в которых не фигурируют вещи, воплощающие ОИС. По неизвестной причине приведенный ранее пример с размещением фотографии в электронной системе не будет попадать по действия нормы в предлагаемой редакции. В результате в судебной практике может получить развитие ситуация, когда участники гражданского оборота не смогут заранее определить, каково количество нарушений и имеется ли возможность у нарушителей распределить бремя несения негативных последствий в порядке регресса.

Как представляется, сложность выработки универсального правила, определяющего солидарную или самостоятельную ответственность нарушителей права на ОИС связана с особенностями взыскания компенсации. Компенсация является упрощенным способом возмещения вреда правообладателю, необходимость которого вызвана затруднительностью расчета размера имущественных потерь потерпевшего[20]. В подобной ситуации отсутствует возможность определить общий размер ущерба, причиненного действиями нескольких лиц одному лицу: при реализации конкретных способов расчета компенсации либо в принципе не исследуется имущественное состояние правообладателя после нарушения (например, подп. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ), либо исследуется наряду с другими обстоятельствами, связанными с объектом нарушенных прав, характером нарушения, сроком незаконного использования[21] (например, подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ). Следовательно, невозможно выявить единый по отношению к ним имущественный интерес правообладателя как критерий, позволяющий установить солидарную ответственность нескольких лиц. Наблюдается невозможность прямой имплементации данного критерия при реформировании законодательства о солидарной ответственности нарушителей исключительного права. Присуждаемая сумма, к образованию которой причастно несколько лиц, распределяется на нескольких нарушителей без устойчивой корреляции с негативными имущественными последствиями для правообладателя исключительного права. Нарушители, тем самым, несут солидарную ответственность за общую *часть ущерба* (курсив мой – *А.К.*), причиненного одной и той же потерпевшей стороне. Основанием, по которому такая общая часть ущерба имеет отношение к нескольким лицам, является причастность нескольких лиц к ее образованию или причинно-следственная связь между их действиями и образованием суммы, подлежащей возмещению, которая, в свою очередь, ассоциируется с вредом правообладателя.

Реконструируя ситуацию, регламентированную законопроектом, можно зафиксировать, что несколько самостоятельных нарушений, не охватываемых единым умыслом делинквентов, приводят к возникновению у правообладателя одного и того же вреда, однако оценка «тождества» негативных последствий происходит посредством исследования не имущественной массы потерпевшего, а последствий, связанных с движением кон-

[19] Заключение Правового управления Государственной Думы на проект Федерального закона № 348960-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/348960-8?ysclid=m2adt2b5eo719194276 (19 октября 2024 г.).

[20] См.: *Павлова Е.А., Калятин В.О., Корнеев В.А.* и др. Компенсация как мера ответственности за нарушение исключительных прав Часть 1 // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – № 2(36). – С. 163.

[21] Абзац 4 п. 62 ПП № 10.

трафактного товара между несколькими лицами. Такое решение носит промежуточный характер между критерием совместных действий и критерием единства экономического интереса потерпевшего, с одной стороны, внося объективное начало в обоснование возникновения солидарной координации требований, а с другой – сохраняя отстраненность от фактических негативных последствий для потерпевшего.

Следует считать, что на данном этапе законопроект придерживается хотя и компромиссного, но в целом правильного подхода для установления солидарной ответственности, предполагающего оценку вклада правонарушителей в образование суммы, ассоциирующейся с вредом. Тем не менее подход должен получить развитие за рамками одной контрафактной продукции, если у общего негативного события (нарушения права на ОИС) можно обнаружить несколько причин, его вызывающего, как в приведенном примере с неправомерной загрузкой фотографии в электронную систему. При этом отраженная в заключении Правового управления Государственной Думы критика законопроекта на том основании, что распространение солидарной ответственности изготовителя, оптовых и розничных продавцов ведет к их равному положению с точки зрения внутренних долей при неравном вкладе в причинение вреда правообладателю, кажется ошибочной. В данном случае правило равенства долей (подп. 1 п. 2 ст. 325 ГК РФ) не устраняет возможности при реализации регрессного требования учитывать масштаб деятельности соответствующих субъектов и вклада каждого в объем реализуемой продукции.

Выводы

Особенности режима ответственности нескольких нарушителей исключительного права на ОИС предопределены несколькими аспектами. В рамках действующего законодательства каждый случай использования ОИС без согласия правообладателя признается в качестве самостоятельного нарушения. В подобной конфигурации посредством права регресса, возникновению которого не предшествует солидарная ответственность, реализуется механизм «переложения» выплаченного возмещения в зависимости от наличия вины делинквента по отношению к потерпевшему. Такое «переложение» отражает либо договорное распределение риска нарушения прав правообладателя, либо внедоговорную ответственность за создание условий для последующих нарушений.

Сложность установления солидарной ответственности нескольких нарушителей прав на ОИС заключается в отсутствии или затруднительности оценки имущественного состояния потерпевшего при взыскании компенсации, в результате чего проблематично выделить принадлежащий ему единый экономический интерес в получении возмещения от нескольких лиц. В действующем законодательстве подобное положение дел приводит к ограничению оснований возникновения солидарных и последующих регрессных обязательств до случаев совместных действий правонарушителей, при котором упускаются ситуации возникновения одного и того же вреда, к возникновению которого причастны несколько лиц независимо друг от друга.

Предлагаемое в рассмотренном законопроекте расширение сферы применения солидарной ответственности различных лиц в отношении одних и тех же контрафактных носителей, заслуживает поддержки, поскольку оно вносит объективную составляющую в процесс взыскания компенсации с нескольких лиц без оценки их субъективных намерений. Тем не менее решение должно быть расширено за рамки одного и того же контрафакта, поскольку оно является лишь частным проявлением правила о причастности нескольких лиц к образованию суммы, подлежащей возмещению.

Список литературы:

1. *Гаврилова К.Д.* Ответственность за нарушение исключительных прав при множественности нарушителей // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2024. № 6. С. 79–87.
2. *Иванов Н.В.* Особенности ответственности информационного посредника за нарушение исключительного права // Закон. 2023. № 5. С. 37–52.

3. *Йоффе О.С.* Обязательственное право. М., «Юрид. лит.», 1975. 880 с.
4. *Мадаминов О.Г.* К вопросу об определении количества нарушений за неправомерное использование объекта интеллектуальной собственности // Цивилистика. 2022. Т. 2, № 4. С. 210.
5. Право интеллектуальной собственности: т. 3. Средства индивидуализации : учебник / А. С. Ворожевич, О. С. Гринь, В. А. Корнеев [и др.]; под. ред. Л. А. Новоселова. – Москва: Статут, 2018. С. 432
6. *Павлова Е.А., Калятин В.О., Корнеев В. А., Радецкая М.В., Евстигнеев Э.А., Кольздорф М.А., Туркина А.Е., Спиридонова Н.Б.* Компенсация как мера ответственности за нарушение исключительных прав Часть 2 // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 2 (36). С. 152–190.
7. *Савиньи Ф.К.* Обязательственное право. Перевод с немецкого В. Фукса н Н. Мандро. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс». 2004. С. 576
8. *Сарбаш С.В.* Элементарная догматика обязательств: Учебное пособие / Исслед. центр частн. права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, Рос. школа частн. права. М.: Статут, 2016. С. 335
9. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв.ред.д-р юрид.наук., проф. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2023. Т. 1: Общая часть. С. 624
10. *Тололаева Н.В.* Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: монография / Н. В. Тололаева. М.: Статут, 2020. С. 144

Научная статья
УДК 347.77/.78

Для цитирования:
Оганесян А.Н. Обзор постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2023 г. № 57-П и практики применения содержащихся в нем разъяснений // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). С. 132–138.
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_12
For citation:
Oganesyan A.N. Review of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 57-P dated 12.14.2023 and the practices for applying the explanations contained therein // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. June. N 2 (48). Pp. 132–138. (In Russ.).
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_12

DOI: 10.58741/23134852_2025_2_12

Обзор постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2023 г. № 57-П и практики применения содержащихся в нем разъяснений

А.Н. Оганесян,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры интеллектуальных прав
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Author ID в РИНЦ 594079

Взыскание компенсации за нарушение исключительного права на объект интеллектуальных прав является наиболее популярной мерой ответственности у правообладателей и часто применяемой в судебной практике. Компенсация может быть применена без учета вины правонарушителя, если нарушение допущено им при осуществлении предпринимательской деятельности. В отличие от иных мер ответственности, в частности, от возмещения вреда, компенсация подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения без необходимости доказывания размера причиненных убытков. Это предопределяет необходимость четкой регламентации условий и оснований, при наличии которых возможно снижение размера компенсации с целью обеспечения баланса интересов правообладателя и нарушителя.

Многогранность и изменчивость отношений в сфере гражданского оборота и в сфере использования объектов интеллектуальных прав, в частности, делает неизбежным необходимость дачи высшими судебными инстанциями разъяснений законоположений, регулирующих соответствующие сферы общественных отношений.

Анализ постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2023 г. № 57-П осуществлен с целью определения критериев, при наличии которых возможно снижение размера компенсации в случае ее взыскания за нарушение исключительного права на товарный знак в двукратном размере стоимости контрафактных товаров, если ранее по иску другого правообладателя с нарушителя была взыскана компенсация за размещение на тех же контрафактных товарах сходного до степени смешения товарного знака, а также проведен анализ судебной практики применения содержащихся в названном постановлении разъяснений.

Ключевые слова:
интеллектуальные права; товарный знак; защита интеллектуальных прав; взыскание компенсации; снижение размера компенсации

Снижение размера компенсации – это не уменьшение размера заявленной к взысканию компенсации, а определение компенсации в размере ниже минимального предела, установленного законом. Минимальным размером компенсации за одно нарушение в зависимости от определенного истцом способа является: 10 тыс. рублей, двукратная стоимость контрафактных материальных носителей и двукратная стоимость права использования объекта интеллектуальных прав. Поэтому снижением размера компенсации будет определение ее размера ниже указанных пределов.

Снижение размера компенсации возможно лишь при наличии совокупности определенных условий и если такая необходимость обоснована ответчиком.

14 декабря 2023 г. Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) принял постановление № 57-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1252 и подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам» (далее – Постановление № 57-П)[1].

Это третье по счету постановление Конституционного Суда, принятое по вопросу снижения размера компенсации за нарушение исключительного права на объект интеллектуальных прав.

До принятия названного Постановления снижение размера компенсации осуществлялось на основании абз. 3 п. 3 ст. 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), постановления Конституционного Суда от 13 декабря 2016 г. № 28-П (далее – Постановление № 28-П) и постановления Конституционного Суда от 24 июля 2020 г. № 40-П (далее – Постановление № 40-П)[2].

Постановление № 57-П было принято по запросу Суда по интеллектуальным правам, который просил проверить соответствие Конституции Российской Федерации п. 3 ст. 1252 и п. 4 ст. 1515 ГК РФ в той мере, в какой они позволяют неоднократно взыскивать с нарушителя в пользу аффилированных правообладателей компенсацию за нарушение исключительного права в двукратном размере стоимости контрафактного товара за неправомерное использование сходных до степени смешения товарных знаков.

Запрос был направлен в связи с наличием в производстве Суда по интеллектуальным правам

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2023 г. 57-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1252 и подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам» // СЗ РФ. 25 декабря 2023 г. № 52. Ст. 9760.

[2] См. более подробно: *Оганесян А.Н.* Некоторые аспекты взыскания компенсации за нарушение исключительного права на объект интеллектуальной собственности // Журнал «Хозяйство и право». 2021. № 1. См. также: Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017; *Лигай В.Ю.* Проблемы взыскания компенсации за незаконное использование товарного знака // Журнал «Вестник арбитражной практики». 2023. № 5; *Зайцева А.Я., Петряшова А.А.* Актуальные вопросы судебной практики рассмотрения дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав // Журнал «Арбитражные споры». 2023. № 2; *Власов В.В.* Практика рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в сети Интернет (за 9 месяцев 2022 года) // Журнал «Арбитражные споры». 2023. № 1.

дела, рассматриваемого в порядке кассационного производства, в рамках которого судами нижестоящих инстанций было отказано в удовлетворении иска о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак в двукратном размере стоимости контрафактных товаров, поскольку ранее по иску другого правообладателя с нарушителя была взыскана компенсация за нарушение исключительного права на сходный до степени смешения товарный знак, рассчитанная исходя из двукратной стоимости тех же контрафактных товаров (при этом правообладатели товарных знаков являлись аффилированными лицами).

Конституционный Суд признал п. 3 ст. 1252 и подп. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ не соответствующими ст. 17 (ч. 3), 19 (ч. 1 и 2), 34 (ч. 1), 35, 55 (ч. 3) и 75.1 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они «при рассмотрении судом требования о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак, если ранее по иску другого правообладателя с нарушителя в связи с размещением на товаре того же обозначения была взыскана компенсация за нарушение исключительного права на сходный до степени смешения товарный знак, рассчитанная в двукратном размере стоимости тех же товаров, не позволяют, в том числе при аффилированности таких правообладателей, снизить размер компенсации или отказать в ее взыскании»[3].

При принятии Постановления № 57-П Конституционный Суд отметил, что использование на товаре нескольких товарных знаков, принадлежащих разным правообладателям, дает каждому из указанных лиц возможность защиты нарушенного исключительного права, в том числе путем взыскания компенсации за такое нарушение. При этом возможность защиты одним правообладателем своего права не может быть поставлена в зависимость от действий другого правообладателя по защите его прав. В противном случае это не согласовывалось бы с конституционными предписаниями, гарантирующими охрану и защиту интеллектуальных прав. Однако суд может «отказать в применении мер ответственности за нарушение исключительного права на товарный знак полностью или частично в тех случаях, когда вследствие недобросовестности поведения правообладателей с учетом выстраиваемой ими модели использования сходных до степени смешения товарных знаков, предъявление исков используется исключительно как способ обогащения, в том числе при последовательном обращении с соответствующими исками в связи с нарушением исключительных прав аффилированных лиц, а тем более при наличии между ними либо в отношениях одного третьего лица с ними степени влияния в форме контроля»[4].

Конституционный Суд также отметил, что при одновременном нарушении ответчиком исключительного права на сходные до степени смешения товарные знаки, принадлежащие разным правообладателям, возможность предъявления ими требований о взыскании компенсации также создает риск взыскания такой компенсации в размере, не отвечающем требованиям справедливости и разумности. Поэтому отсутствие у суда в таком случае правомочия снизить размер компенсации, если ранее с нарушителя на основании подп. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ уже взыскана компенсация в пользу иного правообладателя, может повлечь явную несоразмерность налагаемой на ответчика имущественной санкции причиненному истцу ущербу, и тем самым нарушение баланса их прав и законных интересов. Такая несоразмерность может иметь место как в случае наличия, так и отсутствия аффилированности правообладателей. Поэтому в указанном случае при взыскании компенсации «должна быть обеспечена (в том числе при аффилированности правообладателей) возможность снижения ее размера с учетом характера нарушения, а также иных обстоятельств такого дела и в соответствии с требованиями разумности и справедливости, если размер подлежащей выплате ком-

[3] Пункт 1 резолютивной части комментируемого постановления. СЗ РФ. 22 декабря 2023 г. № 52. Ст. 9760.
[4] Абзац 6 пункта 3.5. комментируемого постановления. СЗ РФ. 22 декабря 2023 г. № 52. Ст. 9760.

пенсации превышает размер причиненных правообладателю убытков»[5].

С учетом изложенного, признавая п. 3 ст. 1252 и подп. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ не соответствующими Конституции, Конституционный Суд констатировал, что отсутствие у суда в данном случае правомочия снизить размер компенсации или вовсе отказать в ее взыскании может привести к явной несоразмерности налагаемой на ответчика имущественной санкции причиненному истцу ущербу и к нарушению баланса их прав и законных интересов.

При этом Конституционный Суд особо обратил внимание на то, что до внесения изменений в законодательство суды в случае взыскания компенсации в обозначенной ситуации «не могут быть лишены возможности учесть все значимые для дела обстоятельства, включая характер допущенного нарушения и его последствия для правообладателя, наличие и степень аффилированности правообладателей, и при несоответствии размера компенсации, в том числе с учетом ранее взысканной компенсации, требованию справедливости и равенства на основании заявления ответчика снизить размер компенсации ниже установленной подп. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ величины таким образом, чтобы с учетом обстоятельств дела найти разумный баланс между справедливостью (соразмерностью) совокупного размера компенсаций с нарушителя и сопоставимостью между собой полученного правообладателями, по крайней мере если наличие у них прав на данные средства индивидуализации не связано с их аффилированностью. В случае установления судом наличия между данным правообладателем и тем правообладателем, по иску которого ранее была взыскана компенсация, либо в отношениях третьего лица с ними влияния в форме контроля и отсутствия разумных экономических оснований предоставления правообладателем другим лицам согласия на регистрацию сходных до степени смешения товарных знаков, кроме как в целях использования такого правообладания исключительно как способа обогащения, во взыскании с нарушителя компенсации может быть отказано»[6].

Таким образом, согласно Постановлению № 57-П *для снижения размера компенсации* в случае ее взыскания за нарушение исключительного права на товарный знак в двукратном размере стоимости контрафактных товаров, если ранее по иску другого правообладателя с нарушителя в связи с использованием сходного до степени смешения товарного знака была взыскана компенсация, рассчитанная в двукратном размере стоимости тех же контрафактных товаров, необходимо учесть следующие обстоятельства:

– характер нарушения и его последствия для правообладателя;

– размер подлежащей выплате компенсации превышает размер причиненных правообладателю убытков (если убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности);

– взыскание компенсации может привести к явной несоразмерности налагаемой на ответчика имущественной санкции причиненному истцу ущербу и к нарушению баланса их прав и законных интересов;

– наличие и степень аффилированности правообладателей;

– соответствие/несоответствии размера компенсации, в том числе с учетом ранее взысканной по иску другого правообладателя, требованию справедливости и равенства.

Таким образом, указанные разъяснения даны применительно к ситуации, когда одним действием нарушены права на несколько сходных до степени смешения товарных знаков, принадлежащих разным правообладателям, сумма компенсации определена истцом в двукратном размере стоимости контрафактных товаров, если ранее по иску другого правообладателя с нарушителя в связи с размещением на товаре того же обозначения была взыскана компенсация, определенная в двукратном размере стоимости тех же контрафактных товаров. Для снижения размера компенсации ответчик должен заявить об этом и доказать соответствующие обстоятельства.

[5] Абзац 2 п. 5 комментируемого постановления. СЗ РФ. 22 декабря 2023 г. № 52. Ст. 9760.
[6] Абзац второй пункта 2 резолютивной части комментируемого постановления. СЗ РФ. 22 декабря 2023 г. № 52. Ст. 9760.

Минимальный предел снижения размера компенсации Постановлением № 57-П не определен. Однако снижение размера компенсации и определение ее размера предполагает поиск судами разумного баланса между справедливостью (соразмерностью) совокупного размера компенсаций с нарушителя и сопоставимостью между собой полученного правообладателями, если наличие у них прав на данные средства индивидуализации не связано с их аффилированностью.

Суд может отказать во взыскании компенсации в случае установления:

– наличия между истцом (правообладателем) и тем правообладателем, по иску которого ранее была взыскана компенсация, либо в отношениях третьего лица с ними влияния в форме контроля;

– отсутствия разумных экономических оснований предоставления правообладателем другим лицам согласия на регистрацию сходных до степени смешения товарных знаков, кроме как в целях использования такого правообладания исключительно как способа обогащения.

Это не исключает взыскания с нарушителя исключительного права на товарный знак поддающихся исчислению с разумной степенью достоверности убытков каждого правообладателя.

Таким образом, снижение размера компенсации возможно как при наличии аффилированности правообладателей, так и при ее отсутствии. Однако наличие аффилированности и иной формы контроля при наличии указанных в Постановлении № 57-П условий – отсутствие разумных экономических оснований предоставления правообладателем другим лицам согласия на регистрацию сходных до степени смешения товарных знаков, кроме как в целях использования такого правообладания исключительно как способа обогащения, может являться основанием для отказа во взыскании компенсации[7].

Судами отмечается, что п. 3 ст. 1252 и п. 4 ст. 1515 ГК РФ с учетом Постановления № 57-П не позволяет неоднократно взыскивать аффилированным правообладателям компенсацию в размере двукратной стоимости контрафактного товара с лица, нарушившего исключительные права этих лиц, если использованное на этом товаре обозначение одновременно вызывает риск смешения с несколькими принадлежащими этим лицам товарными знаками[8].

С точки зрения возможности привлечения ответчика к двойной ответственности за реализацию одних и тех же контрафактных материальных носителей следует также учесть правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации.

Как следует из определения Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 308-ЭС22-9213, компенсация в размере двукратной стоимости контрафактного товара «позволяет взыскать с нарушителя двойной доход, который он получил или намеревался получить от реализации контрафактных товаров, и по своей сути является специальным институтом по отношению к способу защиты, закрепленному в абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ, который предусматривает, что с лица, которое нарушило право, можно взыскать полученные им доходы. Когда правонарушитель использует одно НМПТ, исключительным правом на которое обладают несколько лиц, то доход или двойная стоимость контрафактного товара составляет его доход от нарушения одновременно прав всех правообладателей, следовательно, доход или двойная стоимость товаров причитается всем обладателям исключительного права, за счет неправомерного использования исключительных прав которых он смог этот доход извлечь, то есть сумма дохода или двойной стоимости товара должна распределяться на всех обладателей исключительного права»[9].

Аналогичная, по сути, ситуация складывается и при реализации контрафактных материальных носителей с неправомерным использованием обозначения, охраняемого в качестве товарных знаков или в нескольких режимах (в качестве товарного знака и произведения).

Изложенное свидетельствует о том, что компенсация в размере двукратной стоимости контрафактного товара является альтернативой взы-

[7] См.: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 14 февраля 2024 г. по делу № А40-215927/2021.
[8] Постановления Суда по интеллектуальным правам от 19 апреля 2024 г. по делу № А56-79129/2023, от 5 июня 2024 г. по делу № А40-49800/2022.
[9] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 308-ЭС22-9213 по делу № А63-13005/2020.

сканию убытков в размере полученного дохода и тот факт, что действиями ответчика нарушено несколько исключительных прав, размер дохода не увеличивает[10].

Поскольку содержащиеся в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации разъяснения носят концептуальный характер, они подлежат применению при схожих ситуациях. Об этом прямо говорится в Постановлении № 40-П: «сформулированные в Постановлении № 28-П правовые позиции имеют общий (универсальный) характер в том смысле, что должны учитываться не только при применении тех же самых норм Гражданского кодекса Российской Федерации, которые стали непосредственным предметом проверки Конституционного Суда Российской Федерации, и лишь в контексте идентичных обстоятельств дела, но и в аналогичных ситуациях»[11].

С учетом сказанного является вполне оправданным подход судов о том, что содержащиеся в Постановлении № 57-П разъяснения применяются к любым объектам интеллектуальных прав[12], в том числе если используемое ответчиком обозначение охраняется в нескольких режимах (в качестве товарного знака и произведения)[13].

Анализ судебной практики показывает, что содержащиеся в Постановлении № 57-П разъяснения применяются также в ситуациях одновременного предъявления правообладателями исков о взыскании компенсации за один и тот же факт нарушения:

- в деле № А56-81463/2022: иск общества «Смешарики» (правообладатель исключительных прав на произведения изобразительного искусства – изображения «Крош», «Нюша» и пр.) и общества «Мармелад медиа» (правообладатель изобразительных товарных знаков) о взыскании компенсации в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров произведения и в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак, за предложение к продаже, продажу и рекламу товаров (детской мебели)[14];

– в деле № А56-79129/2023: иск общества «Киностудия «Союзмультфильм» (правообладатель товарного знака с изображением персонажа ежика из мульфильма «Ежик в тумане») и общества «Союзмультфильм» (обладатель права использования на условиях исключительной лицензии персонажа «Ежик» анимационного фильма «Ежик в тумане») о взыскании компенсации в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров произведения и в двукратном размере стоимости товаров за предложение к продаже на сайте с доменным именем wildberries.ru товара, содержащего обозначение, сходное до степени смешения с товарным знаком, и воспроизводящее изображение персонажа «Ежик»[15];

– в деле № А14-16756/2023: иск указанных лиц о взыскании компенсации за неправомерное использование товарного знака с изображением «Карлсона» и персонажа «Карлсон» анимационного фильма в аналогичных условиях[16].

При этом следует принять во внимание, что если требования аффилированных правообладателей о взыскании компенсации в размере двукратной стоимости одного и того же товара заявлены в рамках одного дела, суд определяет общий размер компенсации в размере, не превышающем двукратную стоимость товара, и распределяет ее среди всех правообладателей в равных долях[17].

В некоторых случаях содержащиеся в Постановлении № 57-П разъяснения применяются при определении размера компенсации в твердом размере (от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей). В рамках дела № А50-28044/2023 по иску

[10] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 14 февраля 2024 г. по делу № А40-215927/2021, постановление Суда по интеллектуальным правам от 13 февраля 2024 г. по делу № А40-215387/2021
[11] Абзац 2 п. 4.2. постановления № 40-П.
[12] Постановления Суда по интеллектуальным правам от 26 января 2024 г. по делу № А56-81463/2022, от 13 февраля 2024 г. по делу № А40-216736/2021, от 31 июля 2024 г. по делу № А14-16756/2023.
[13] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19 апреля 2024 г. по делу № А56-79129/2023.
[14] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 января 2024 г. по делу № А56-81463/2022.
[15] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19 апреля 2024 г. по делу № А56-79129/2023.
[16] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31 июля 2024 г. по делу № А14-16756/2023.
[17] Постановления Суда по интеллектуальным правам от 19 апреля 2024 г. по делу № А56-79129/2023, от 5 июня 2024 по делу № А40-49800/2022.

правообладателя о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на произведение дизайна на основании п. 1 ст. 1301 ГК РФ Суд по интеллектуальным правам, признавая возможность применения Постановления № 57-П, отметил следующее. Учитывая, что в рамках рассматриваемого дела истцом (правообладатель произведения дизайна и промышленного образца) избран способ расчета компенсации, предусмотренный п. 1 ст. 1301 ГК РФ, равно как и в рамках другого дела № А50-13621/2023 по иску иного лица (обладатель права использования промышленного образца на условиях исключительной лицензии) к тому же ответчику о защите исключительного права на промышленный образец выбран аналогичный способ расчета компенсации, предусмотренный п. 1 ст. 1406.1 ГК РФ, коллегия судей отмечает, что суммарно взысканный с ответчика в указанных делах размер компенсации (480 000 рублей) не превышает максимальный размер, установленный указанными нормами, – пять миллионов рублей.

Таким образом, поскольку в реализованных ответчиком товарах воплощены два результата интеллектуальной деятельности – произведение дизайна и промышленный образец – истец правомерно обратился в суд в защиту исключительного права на объект авторского права несмотря на то, что в рамках дела № А50-13621/2023 с ответчика уже была взыскана компенсация за нарушение исключительного права на промышленный образец[18].

Список литературы:

1. *Оганесян А.Н.* Некоторые аспекты взыскания компенсации за нарушение исключительного права на объект интеллектуальной собственности // «Хозяйство и право». 2021. № 1.
2. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017.
3. *Лигай В.Ю.* Проблемы взыскания компенсации за незаконное использование товарного знака // «Вестник арбитражной практики». 2023. № 5.
4. *Зайцева А.Я., Петряшова А.А.* Актуальные вопросы судебной практики рассмотрения дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав // «Арбитражные споры». 2023. № 2.
5. *Власов В.В.* Практика рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в сети Интернет (за 9 месяцев 2022 года) // «Арбитражные споры». 2023. № 1.

[18] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27 ноября 2024 г. по делу № А50-28044/2023.

Для цитирования:
Тетцоева З.В., Епифанов В.В. Конкурсные работы лауреатов XX Всероссийского профессионального конкурса «Правовая Россия» в номинации «Право интеллектуальной собственности» // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). С. 139–145.
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_13
For citation:
Tettsoeva Z.V., Epifanov V.V. Competition works by the winners of the XX All-Russian Professional Competition «Legal Russia» in the nomination «Intellectual Property Law» // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. June. N 2 (48). Pp. 139–145. (In Russ.).
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_13

DOI: 10.58741/23134852_2025_2_13

Конкурсные работы лауреатов XX Всероссийского профессионального конкурса «Правовая Россия» в номинации «Право интеллектуальной собственности»

В декабре 2024 г. стартовал XX Всероссийский профессиональный конкурс «Правовая Россия». За 20 лет проведения конкурса общее число участников составило 196 тысяч человек из 837 населенных пунктов страны. Журнал Суда по интеллектуальным правам выступал информационным партнером конкурса.

Конкурс проходил в 2 тура. Подведение итогов и торжественное награждение победителей и лауреатов с вручением дипломов и ценных призов состоялось в Москве в историческом здании ГУМа на Красной площади в конце мая 2025 г.

В номинации «Право интеллектуальной собственности» одержали победу:

З.В. Тетцоева (второе место)

В.В. Епифанов (третье место)

Первое место в этом году не присуждалось.

В представленном материале приводятся развернутые ответы на задания основного тура конкурса «Правовая Россия» в номинации «Право интеллектуальной собственности». Участникам конкурса, прошедшим отборочный этап, в основном туре организаторы предложили дать ответы на следующие вопросы.

Вопрос № 1

Сохраняет ли право требовать взыскания компенсации за неправомерное использование третьим лицом объекта авторского права правообладатель, который предоставил лицензиату право использования этого произведения на условиях исключительной лицензии и в договоре не предусмотрел условие о сохранении за собой права использования этого объекта в соответствии с п. 1 ст. 1236 ГК РФ?

Если сохраняет, то могут ли оба – правообладатель и лицензиат по исключительной лицензии – требовать взыскания компенсации за один факт неправомерного использования произведения; учитывается ли наличие двух лиц, заявляющих требования в связи с одним событием?

Вопрос № 2

Общество с ограниченной ответственностью «Ангарские чайники» обратилось в Роспатент с заявкой на государственную регистрацию в качестве товарного знака обозначения «Ольхон» для индивидуализации товаров 30-го класса «напитки на основе чая» Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков. Решением

Роспатента в государственной регистрации товарного знака отказано. Роспатент указал, что обозначение «Ольхон» воспроизводит название острова на озере Байкал, воспринимаемом как национальное достояние России, а потому предоставление ему правовой охраны в качестве товарного знака противоречит общественным интересам (подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ). Кроме того, озеро, в акватории которого находится остров Ольхон, является объектом Всемирного природного наследия ЮНЕСКО (п. 4 ст. 1483 ГК РФ). Общество с ограниченной ответственностью «Ангарские чайники» подало возражение на отказ в государственной регистрации товарного знака, указывая на отсутствие охраняемого общественного интереса, препятствующего предоставлению правовой охраны спорному обозначению, и на то, что остров Ольхон объектом природного наследия сам по себе не является, а также на то, что этот остров принадлежит на праве собственности Российской Федерации и последняя не заявила своих возражений против регистрации товарного знака. В удовлетворении возражения было отказано. Решение по результатам рассмотрения возражения обжаловано в судебном порядке. В судебном заседании общество с ограниченной ответственностью «Ангарские чайники» ходатайствовало об отложении судебного разбирательства для предоставления возможности урегулирования спора миром.

Оцените возможность предоставления правовой охраны обозначению «Ольхон» в качестве товарного знака. Какие обстоятельства учитываются при оценке заявленного обозначения на соответствие положениям подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ? Возможно ли, и если да, то при каких обстоятельствах, противопоставление товарным знакам обозначений, воспроизводящих название географических объектов, входящих в состав объектов природного наследия? Может ли, и если да, то при каких обстоятельствах, быть урегулирован миром подобный спор?

З.В. Тетцоева,
юрист,
лауреат конкурса (II место)

Ответ на вопрос № 1

В пункте 79 Постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой ГК РФ» (Постановление № 10) указано, что основанием для предъявления лицензиатом требования о взыскании компенсации за нарушение исключительного права в соответствии со ст. 1254 ГК РФ является нарушение полученных на основании лицензионного договора прав самого лицензиата, а не правообладателя.

Из данного разъяснения следует, что в ст. 1254 ГК РФ речь идет не о переходе правомочия на взыскание компенсации от правообладателя к обладателю исключительной лицензии, а о наделении лицензиата самостоятельным правом.

При этом действующее законодательство не дает оснований по умолчанию отрицать право правообладателя на взыскание компенсации в том случае, если он не сохранил право использования объекта в период действия исключительной лицензии (указанное подтверждается и судебной практикой по делам, в рамках которых компенсация была взыскана в пользу такого правообладателя – см., например, судебные акты по делам №№ А83-14520/2022, А83-25537/2021).

С учетом этого встает вопрос о пределах ответственности нарушителя, который при независимости прав правообладателя и исключительного лицензиата рисковал бы понести многократную ответственность.

Взыскание компенсации за нарушение исключительного права имеет не только восстановительную функцию, но и штрафную (см., например, постановление КС РФ от 24 июля 2020 г. № 40-П). Однако это не означает, что объем ответственности правонарушителя за один факт нарушения исключительного права на один объект может выходить за пределы, установленные законом. В постановлениях от 13 декабря 2016 г. № 28-П, от 13 февраля 2018 г. № 8-П, от 24 июля 2020 г. № 40-П отмечал, что в каждом конкретном случае меры гражданско-правовой ответственности должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате противоправного деяния, с тем чтобы обеспечивалась их соразмерность совершенному правонарушению, а также соблюдался баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств.

ВС РФ рассмотрел вопрос взыскания компенсации за нарушение прав на НМПТ в случае множественности его правообладателей и в определении от 15 ноября 2022 г. по делу № А63-13005/2020 указал, что компенсация причитается всем обладателям исключительного права, за счет неправомерного использования исключительных прав которых он смог этот доход извлечь, и должна распределяться на всех обладателей исключительного права.

В этой связи ВС РФ выработал для судов механизм, в соответствии с которым необходимо привлекать к делу о взыскании компенсации по иску любого из правообладателей остальных правообладателей НМПТ для определения доли рынка обратившегося с иском лица, с учетом того, что остальные правообладатели также вправе взыскать соответствующую их доле рынка часть компенсации.

ВС РФ отметил, что непривлечение остальных правообладателей к делу о взыскании компенсации одним из них может многократно увеличить размер компенсации, взыскиваемой с нарушителя прав на НМПТ, что не соответствует принципу правовой определенности, предполагающему стабильность и гарантирующему справедливое правовое регулирование.

Указанное «ratio» также можно перенести на рассматриваемую ситуацию: независимое взыскание компенсации с нарушителя объекта авторского права правообладателем и исключительным лицензиатом может привести к многократному увеличению размера взысканной компенсации (по сравнению с установленной законом), что не соответствует принципу правовой определенности и не обеспечивает стабильность и справедливое правовое регулирование.

Может показаться, что в случае исключительной лицензии на все виды использования весь рынок принадлежит лицензиату, поэтому и вся компенсация полагается по указанной логике ВС РФ только лицензиату.

Однако компенсация – это альтернатива убыткам, к которой прибавляется возможность карательной санкции, а убытки могут быть не только в виде реального ущерба, но и упущенной выгоды. Даже если все виды использования объекта на рынке осуществляет лицензиат, ущерб при этом может возникнуть и на стороне правообладателя, чей актив из-за действий нарушителя мог упасть в цене (например, из-за некачественного материала игрушек у детей возникли проблемы со здоровьем, что снизило спрос на товар, изготовленный с использованием соответствующего объекта). Вряд ли в таком случае уместно говорить о том, что убытки возникают только на стороне лицензиата и не возникают на стороне правообладателя. Соответственно, неверен будет и вывод, что компенсация полагается только лицензиату.

В любом случае следует привлекать к делу по иску правообладателя лицензиата (и наоборот), чтобы соотнести их требования к нарушителю между собой и определить их доли в рамках общей суммы компенсации соразмерно претерпеваемому вреду. Это позволит уложить требования в рамках установленного законом предела.

Ответ на вопрос № 2

2.1. При ответе на первый подвопрос я исхожу из того, что имеется в виду оценка охраноспособности обозначения в целом в соответствии со ст. 1483 ГК РФ

Обозначение «Ольхон» является названием крупнейшего населенного острова всемирно известного озера Байкал. На XX сессии комитета ЮНЕСКО по всемирному наследию принято решение о включении озера Байкал и прилегающих к нему территорий в Список всемирного наследия. При этом Байкал является популярной туристической точкой России.

Указанное может обусловливать вывод об известности острова Ольхон среднему российскому потребителю (в реальном деле необходимо было бы подтвердить данный вывод об известности острова Ольхон конкретными свидетельствами). С учетом изложенного можно сделать вывод, что данное обозначение будет восприниматься потребителем в качестве указания на место происхождения / производства товаров 30 класса МКТУ «напитки на основе чая», в связи с чем предоставление ему правовой охраны противоречит подп. 3 п. 1 ст. 1483 ГК РФ.

В части соответствия п. 4 ст. 1483 ГК РФ см. п. 2.3.

2.2. Защита объектов, обладающих статусом всемирного природного наследия, в целом охватывается общественным интересом. Однако применительно к рассматриваемому случаю будет учитываться вред, который наносится конкретному объекту всемирного природного наследия предоставлением правовой охраны заявленному обозначению.

Общественный интерес в таком случае состоит в защите восприятия объекта, обладающего всемирной природной ценностью. Смысл в том, что вред должен наноситься не только самим по себе общественным интересам, но также конкретным объектам, лицам, явлениям, институтам, защита определенного восприятия которых охватывается общественным интересом (см., например, решение Суда по интеллектуальным правам от 11 марта 2024 г. по делу № СИП-1207/2023).

Так, не допускается предоставление правовой охраны обозначениям, обладающим негативной семантикой, способствующее потере репутации обладающими культурной ценностью объектами, понижению статуса объектов культурного наследия (см., например, постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 13 сентября 2021 г. по делу № СИП-864/2020).

В данном случае неясно, в связи с чем предполагаемая ценность конкретного природного объекта уменьшится в результате предоставления правовой охраны обозначению «Ольхон» в отношении товара 30 класса МКТУ «напитки на основе чая».

2.3. Вывод о несоответствии обозначения «Ольхон» п. 4 ст. 1483 ГК РФ может быть сделан в том случае, если доказано, что адресная группа потребителей узнает данное конкретное обозначение как указывающее на часть соответствующего объекта всемирного природного наследия (подход основан на логике п. 81 Постановления № 10 и отражен в постановлениях президиума Суда по интеллектуальным правам от 13 октября 2022 г. по делу № СИП-298/2022, от 21 декабря 2022 г. по делу № СИП-333/2022).

С учетом указанного в п. 2.1 вероятность вывода правоприменителя о наличии оснований для отказа в силу п. 4 ст. 1483 ГК РФ является высокой.

2.4. Спор о признании недействительным решения Роспатента об отказе в предоставлении правовой охраны товарному знаку не может быть урегулирован миром, поскольку Роспатент является государственным органом и принимает решения в защиту не собственного интереса, а в защиту закона и правопорядка (в пользу интересов неопределенного круга лиц), в связи с чем не может выступать стороной мирового соглашения.

Однако по смыслу п. 33 постановления Пленума ВАС РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» согласие соответствующего лица, необходимое для регистрации товарного знака, полученное в ходе рассмотрения спора судом, в том числе путем заключения соглашения между стороной спора и этим лицом, не может быть квалифицировано судом как мировое соглашение, поскольку заключено не между сторонами судебного спора. Вместе с тем данное согласие (соглашение) является применительно к положениям ст. 138 АПК РФ результатом примирения стороны по делу и лица, согласие которого на предоставление правовой охраны товарному знаку необходимо в соответствии с требованиями гражданского законодательства. Такое согласие (соглашение) в части относительных оснований для отказа в регистрации товарного знака (в данном случае только в части п. 4 ст. 1483 ГК РФ) являет-

ся основанием для отмены решения федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности и обязании его рассмотреть повторно возражение, послужившее основанием принятия этим органом оспоренного в суде решения.

В рассматриваемом случае для применения указанного механизма необходимо согласие собственника объекта или лица, у которого есть соответствующее полномочие, предоставленное собственником объекта, на выдачу подобных разрешений. При этом факт наличия указанных полномочий должен быть доказан в таких делах заявителем (см., например, постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 1 августа 2019 г. по делу № СИП-677/2018).

В.В. Епифанов,
юрист частной практики,
лауреат конкурса (III место)

Ответ на вопрос № 1

Правообладатель, который предоставил лицензиату право использования объекта авторского права на условиях исключительной лицензии и в договоре не предусмотрел условие о сохранении за собой права использования этого объекта авторского права в соответствии с п. 1 ст. 1236 ГК РФ, сохраняет право требовать взыскания компенсации за неправомерное использование третьим лицом этого объекта авторского права. За один факт неправомерного использования объекта авторского права требовать взыскания компенсации могут и правообладатель, и лицензиат по исключительной лицензии. Наличие двух лиц, заявляющих требования в связи с одним событием, не учитывается.

Данные выводы сделаны на основании следующего.

По смыслу нормы абз. 2 п. 1 ст. 1233 ГК РФ заключение лицензионного договора не влечет за собой лишение правообладателя его исключительного права на результат интеллектуальной деятельности. Содержание исключительного права составляют правомочия использовать, запрещать и разрешать использовать результат интеллектуальной деятельности. Правомочие запрещать использование результата интеллектуальной деятельности всем лицам, не имеющим на это право, является мерой защиты нарушенного исключительного права *(Фролова Н.М. Правовая природа исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Хозяйство и право. 2024. № 3. С. 53–67)*. Поэтому правообладатель может осуществлять защиту нарушенного исключительного права любым из способов, перечисленных в ст. 12 и п. 1 ст. 1252 ГК РФ *(п. 57 ПП ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10)*. В случае нарушения исключительного права на произведение правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации *(п. 3 ст. 1252, 1301 ГК РФ)*.

Неправомерное использование произведения, исключительное право на которое принадлежит правообладателю, а право использования которого реализуется на основании договора исключительным лицензиатом, нарушает права обоих лиц. Однако сам факт неправомерного использования одного объекта права в данном случае допускается один *(СИП от 26 декабря 2024 г. по делу № А50-28035/2023)*. Правообладатель и исключительный лицензиат являются солидарными кредиторами по отношению к третьему лицу, нарушившему исключительное право на одно произведение (должнику), по требованию о взыскании компенсации за такое нарушение *(п. 1 ст. 322 ГК РФ)*. Любой из солидарных кре-

диторов вправе предъявить к должнику требование в полном объеме *(п. 1 ст. 326 ГК РФ)*. Основанием предъявления исключительным лицензиатом требования о взыскании компенсации за нарушение прав по использованию результата интеллектуальной деятельности является нарушение полученных по лицензионному договору прав самого лицензиата, а не правообладателя *(абз. 2 и 3 п. 79 ПП ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10)*. Выплата должником (третьим лицом, нарушившим права исключительного лицензиата и правообладателя) компенсации одному из солидарных кредиторов – исключительному лицензиату, освобождает должника от исполнения другому солидарному кредитору – правообладателю *(п. 3 ст. 326 ГК РФ)*.

Из условий рассматриваемой ситуации не следует, что должник исполнил обязательство перед одним из солидарных кредиторов.

Таким образом, наличие удовлетворенного требования исключительного лицензиата о взыскании компенсации с третьего лица за нарушение прав по использованию результата интеллектуальной деятельности не является основанием для отказа в иске правообладателя к этому же третьему лицу о взыскании компенсации за нарушение его исключительных прав. Аналогичный вывод сформулирован в *постановлении СИП от 26 декабря 2024 г. по делу № А50-28035/2023*.

Ответ на вопрос № 2

Предоставление правовой охраны обозначению «Ольхон» в качестве товарного знака возможно после получения ООО «Ангарские чайники» согласия ФГБУ «Заповедное Прибайкалье».

Обстоятельствами, которые учитываются при оценке заявленного обозначения на соответствие положениям подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ, являются: нарушение этики при использовании изображений, слов (в том числе с орфографическими ошибками), возможность неоднозначного восприятия, вызова негативных ассоциаций применительно к товарам и услугам, в отношении которых используется обозначение, обладающее негативной семантикой, способность привести к потере репутации и понижению статуса объекта всемирного природного наследия.

Противопоставление товарным знакам обозначений, воспроизводящих названия географических объектов, входящих в состав объектов всемирного природного наследия, возможно, поскольку имеются основания для вывода о том, что адресная группа потребителей узнает конкретный элемент при его отдельном использовании как указывающий на часть определенного объекта всемирного природного наследия.

Подобный спор может быть урегулирован миром в случае получения ООО «Ангарские чайники» в ходе рассмотрения спора судом согласия ФГБУ «Заповедное Прибайкалье» на регистрацию обозначения «Ольхон» в качестве товарного знака, признания Роспатентом факта наличия такого согласия, а также признания Роспатентом возможности повторного рассмотрения возражений ООО «Ангарские чайники» на решение об отказе в регистрации товарного знака «Ольхон».

Данные выводы сделаны на основании следующего.

Остров Ольхон является особо охраняемой природной территорией и частью Прибайкальского национального парка *(п. 1 и 2 ст. 12 ФЗ от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», № 119 Перечня, утвержденного распоряжением Правительства России от 31 декабря 2008 г. № 2055-р, приложение к письму Минприроды России от 20 февраля 2018 г. № 05-12-32/5143)*. Национальные парки управляются федеральными государственными бюджетными учреждениями, имеющими свою символику, к которой относятся, в частности, словесные обозначения, отражающие характерные особенности национальных парков *(п. 1 и 6 ст. 16 ФЗ от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»)*. Характерными особенностями национального парка являются природные объекты, в том числе острова *(АС СЗО от 18 июня 2024 г. по делу № А21-9604/2023)*. Остров Ольхон относится к символике Прибайкальского национального парка, который входит в ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», обладающее исключительным правом на использование обозначения «Ольхон» *(абз. 4 п. 1 Постановления Правительства России от 7 октября 1996 г. № 1168, п. 1 Приказа Минприроды от 18 июля 2013 г. № 251)*.

Следовательно, ООО «Ангарские чайники» было обязано обратиться в ФГБУ «Заповедное Прибайкалье» за согласием на регистрацию обозначения «Ольхон» в качестве товарного знака, тождественного наименованию острова, находящегося на озере Байкал (п. 4 ст. 1483). Таким образом, отказ в предоставлении правовой охраны обозначению «Ольхон» в качестве товарного знака до получения согласия ФГБУ «Заповедное Прибайкалье» является правомерным.

Обстоятельствами, которые учитываются при оценке заявленного обозначения на соответствие положениям подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ, являются:

– наличие неэтичного применения национальной и (или) государственной символики, антигосударственных лозунгов, слов и изображений непристойного содержания, призывов антигуманного характера, оскорбляющих человеческое достоинство, религиозные чувства верующих, слов, написание которых нарушает правила орфографии *(абз. 5 п. 37 Правил, утвержденных приказом Минэкономразвития России от 20 июля 2015 № 482)*;

– возможность неоднозначного восприятия обществом и способность вызвать негативные ассоциации применительно к товарам и услугам, в отношении которых используется обозначение, обладающее негативной семантикой, способствующее потере репутации и понижению статуса объектов всемирного природного наследия *(ПП СИП от 9 октября 2017 г. по делу № СИП-65/2017)*.

Противопоставление товарным знакам обозначений, воспроизводящих названия географических объектов, входящих в состав объектов всемирного природного наследия, возможно, поскольку п. 4 ст. 1483 ГК РФ может быть применен также к частям объектов всемирного природного наследия, если имеются основания для вывода о том, что адресная группа потребителей узнает конкретный элемент при его отдельном использовании как указывающий на часть определенного объекта всемирного природного наследия *(ПП СИП от 31 января 2025 г. по делу № СИП-727/2024)*.

Включение всего объекта всемирного природного наследия (озеро Байкал) в товарный знак осуществляется по правилам п. 4 ст. 1483 ГК РФ, поэтому к части этого объекта (остров Ольхон) не могут применяться более жесткие правила, установленные подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ. Ольхон – крупнейший остров, находящийся в акватории озера Байкал, и третий по величине озерный остров в мире. Данный факт является общеизвестным и в доказательстве не нуждается (ст. 69 АПК РФ). Следовательно, применению подлежат правила п. 4 ст. 1483 ГК РФ, а не п. 3 этой статьи *(ПП СИП от 13 октября 2022 г. по делу № СИП-298/2022)*.

Спор между ООО «Ангарские чайники» и Роспатентом может быть урегулирован миром при следующих обстоятельствах.

ООО «Ангарские чайники» должно в ходе рассмотрения спора судом получить в ФГБУ «Заповедное Прибайкалье» согласие на регистрацию обозначения «Ольхон» в качестве товарного знака. Данное согласие применительно к положениям ст. 138 АПК РФ является результатом примирения стороны и лица, согласие которого на предоставление правовой охраны товарному знаку необходимо в соответствии с требованиями ГК РФ *(абз. 4 п. 33 ПП ВАС РФ от 18 июля 2014 г. № 50)*. Роспатент признает у ООО «Ангарские чайники» наличие согласия ФГБУ «Заповедное Прибайкалье» на регистрацию обозначения «Ольхон» в качестве товарного знака, а также посчитает возможным повторно рассмотреть возражения ООО «Ангарские чайники» на решение об отказе в регистрации товарного знака «Ольхон» *(ст. 70 АПК РФ)*. Согласие ФГБУ «Заповедное Прибайкалье» является основанием для отмены решения Роспатента и обязания его повторно рассмотреть возражение, послужившее основанием принятия этим органом оспариваемого в суде решения *(СИП от 16 июня 2020 г. по делу № СИП-677/2018)*.

Для цитирования:
Рожкова М.А. Проблемы установления самостоятельного правового режима для цифровых объектов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). С. 146–157.
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_14
For citation:
Rozhkova M.A. Problems of establishing an independent legal regime for digital objects // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. June. N 2 (48). Pp. 146–157. (In Russ.).
DOI: 10.58741/23134852_2025_2_14

DOI: 10.58741/23134852_2025_2_14

Проблемы установления самостоятельного правового режима для цифровых объектов

М.А. Рожкова,
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
профессор юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, президент IP CLUB

В статье автор приходит к выводу, что к числу цифровых объектов следует относить всевозможные объекты, вращающиеся в цифровой среде: это могут быть, во-первых, признаваемые законом объекты гражданских прав, облаченные в новую для них цифровую форму, и, во-вторых, разнообразные технические средства, нашедшие применение в цифровой среде. В качестве цифровых активов могут быть квалифицированы вторые, если они получили дополнительное к первоначальному самостоятельное предназначение и допускают денежную оценку. При этом разработка эффективного правового режима цифрового объекта возможна только при условии точного установления сущности этого явления с точки зрения права, а не его технических характеристик.

Ключевые слова:
цифровой объект; цифровой актив; виртуальная реальность; виртуальное имущество; правовой режим

Начать изложение хотелось бы с нескольких замечаний, которые на первый взгляд не имеют прямого отношения к проблематике, обозначенной в наименовании настоящей статьи. Но для целей данной работы эти замечания представляются значимыми, вследствие чего и раскрываются именно во введении.

Сегодня в среде молодых ученых-юристов превалирует мнение, что при написании научной или научно-практической работы используемые

источники не могут быть старше пяти, а лучше – трех лет. Такое убеждение закладывается в процессе обучения: по сложившемся в большинстве университетов правилу студенческие работы должны опираться на актуальное законодательство, а также современные публикации не более чем трех-пятилетней давности (к этому иногда прибавляется требование о необходимости специального обоснования причин использования работ старше пяти лет).

Столь жесткие требования к «возрасту» библиографических источников не могут не удручать, поскольку такой подход существенно сужает исследовательские возможности, нередко исключая из предмета изучения классические, основополагающие труды. Это, бесспорно, негативно сказывается на студенческих работах, которые год от года становятся все менее весомыми с точки зрения «приращения» нового знания. Кроме того, все чаще встречаются случаи использования (а то и неправомерного заимствования – плагиата) более давних работ, для которых в сносках меняется год издания либо указываются вовсе несуществующие публикации.

На мой взгляд, гораздо более разумной является рекомендация при подготовке исследовательской работы в сфере права опираться на публикации, 50% которых будут не старше трехпяти лет. Такой подход уравновешивает использование классических источников наряду с новейшей литературой, в которой могут быть изложены авангардные научные мысли, проанализирована актуальная судебная практика, обозначены новые правоприменительные подходы, обоснованы отходы от прежде занимаемых позиций и т.д.

И здесь не могу не вспомнить ставшую крылатой фразу классика отечественной цивилистики В.А. Дозорцева: «Я оставляю за собой право уметь!». Такое высказывание я услышала от Виктора Абрамовича в тот период, когда он разрабатывал теорию исключительных прав и его упрекали в том, что тем самым он отступает от прежде обоснованных позиций. Это выражение глубоко запало мне в душу и, судя по всему, не мне одной, поскольку впоследствии я неоднократно слышала его от коллег-цивилистов. Рассматривая вопрос, вынесенный в заглавие настоящей работы, я как раз планирую реализовать данное право и разобрать некоторые ранее исследованные вопросы с позиций сегодняшних реалий и новейших достижений правовой доктрины.

В качестве базовой основы для проведения изысканий я решила избрать свою статью «Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым»[1] (далее – «Цифровые активы и виртуальное имущество…»). Она была опубликована в 2018 г. на правовом портале Закон.ру и совершенно неожиданно стала моей самой цитируемой статьей (по данным Google Scholar[2] и Российского индекса научного цитирования[3]). Анализ содержащихся в ней тезисов позволяет довольно четко обозначить произошедшие с 2018 г. подвижки, которые не всегда подмечают юристы, исследующие данную тематику.

1. Виртуальное имущество

В статье «Цифровые активы и виртуальное имущество…» мной был дан краткий обзор объектов, которые на момент написания этой работы было принято относить к виртуальному имуществу. В то время в качестве такового в публикациях упоминалось, в частности, игровое имущество, криптовалюта, виртуальные токены, доменные имена, виртуальное имущество в социальных сетях, включая аккаунты. Как показали дальнейшие исследования, в целях правильного разрешения вопроса о допустимости квалифицировать эти и иные объекты в качестве виртуального имущества необходима четкость в части того, что собой представляет «виртуальная реальность» в сегодняшнем ее понимании.

[1] *Рожкова М.А.* Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 13 июня. (URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym).

[2] URL: https://scholar.google.ru/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=wvXM-XYAAAAJ&citation_for_view=wvXM-XYAAAAJ:2KloaMYe4IUC.

[3] URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54187465.

1.1. О виртуальной реальности и виртуальном

Термин «виртуальная реальность» (англ. *virtual reality*) возник и получил распространение в конце XX в. для обозначения новой – компьютерной – реальности[4]. Поэтому при установлении содержания этого понятия надо исходить из того смысла, который вкладывался в это понятие при обозначении соответствующих технологических решений, не отвлекаясь на полисемантическое средневековое латинское понятие "*virtus*".

Джарон Ланье, чья компания VPL Research была одной из первых разработчиков технологии виртуальной реальности, признается первопроходцем в применении понятия «виртуальная реальность» для обозначения этой технологии. В своем интервью[5] в 1989 г. он разъяснил, что в данном понятии слово «*виртуальный*», на его взгляд, означает *нечто, существующее только как электронный образ и не имеющее другого конкретного существования*. При этом Ланье специально отметил, что «виртуальный» – вовсе необязательно правильное слово, но оно ему нравится больше, чем «искусственный» или «синтетический». Говоря о виртуальной реальности как технологии, он отмечал использование в ней компьютеризированного обмундирования, подчеркивая: «Она воссоздает наши отношения с физическим миром в новой плоскости, не больше и не меньше. Она не воздействует на субъективный мир; она не имеет прямого отношения к тому, что происходит внутри вашего мозга. Она имеет отношение только к тому, что воспринимают ваши органы чувств. Физический мир, который находится по ту сторону ваших органов чувств, воспринимается через эти пять брешей: глаза, уши, нос, рот и кожу»[6].

Действительно, технологии виртуальной реальности (сокр. VR) позволяют создать «иной, несуществующий мир», поэтому в качестве синонимов VR в публикациях иногда используются выражения «искусственная реальность», «электронная реальность», «компьютерная модель реальности» (что вовсе не вступает в противоречие с обозначенной позицией Дж. Ланье). Для этой «синтетической реальности» характерны собственные субъекты (аватары) и объекты, «существование» которых пользователь постигает через ощущения (зрение, слух, обоняние, осязание и др.) посредством соответствующего компьютеризированного обмундирования – VR-шлемов, VR-очков, VR-перчаток и проч.

Вместе с тем во многие игровые вселенные (бесспорно относящиеся к числу «искусственных», «синтетических», «компьютерных» реальностей), как известно, можно попасть и без полномасштабной реализации технологии VR – это обеспечивается прежде всего за счет интерактивности, то есть предоставления пользователю возможности взаимодействия с субъектами этого мира, воздействия и управления объектами, получения реакции субъектов и объектов на действия пользователя и проч. Это позволяет говорить о том, что виртуальные миры (искусственные вселенные) не ограничены обязательным применением технологий VR.

Таким образом, надо разделять, когда речь идет именно о технологии виртуальной реальности (технологии VR), а когда выражение «виртуальная реальность» используется для обозначения несуществующего мира или, точнее, мира, существующего только в виде отображений компьютерных программ[7].

С учетом сказанного, под **виртуальным** («виртуальной реальностью», «искусственной вселенной», «синтетическим миром») в строгом смысле следует понимать *электронный образ несуществующего мира, вовсе не имеющего места в реальности*.

Такое толкование позволяет утверждать, что совершенно неправильным будет использование термина «виртуальная реальность» для обозначения *абсолютно всех* областей взаимоотношений,

[4] Подробнее об этом см.: *Рожкова М.А.* Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав. М., 2024. С. 43-54 (URL: https://rozhkova.com/books_text/MY25.pdf).

[5] URL: https://kk.org/mt-files/writings/virtual_lanier.pdf.

[6] Там же.

[7] В онлайн-словаре С.И. Ожегова слово «виртуальный» определено как «несуществующий, но возможный», а «виртуальная реальность» понимается как «несуществующая, воображаемая» (URL: https://ozhegov.textologia.ru/ (со ссылкой на: *Ожегов С.И.*, *Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2010)).

возникающих в сфере Интернета. Но, к сожалению, именно такое понимание этого термина получило широкое распространение в юридической среде – выражением «виртуальная реальность» нередко используют как синоним «всего, происходящего в Интернете».

Так, в качестве действия, произошедшего в виртуальной реальности, нередко характеризуется, например, приобретение товара в интернет-магазине, оскорбление на онлайн-форуме, нелегальное копирование фотографий из чужого аккаунта в соцсети и проч. При этом остается без внимания то обстоятельство, что возникающие вследствие этих действий взаимоотношения никак нельзя отнести к несуществующим (воображаемым) – напротив, это вполне реальные взаимоотношения субъектов права, подпадающие под нормы действующего законодательства.

Возникновение взаимоотношений при посредстве сети Интернет вовсе не означает «нереальность» самих этих отношений – это реальные отношения, которые выступают результатом *электронного взаимодействия субъектов права*. Такое взаимодействие предполагает обмен информацией, осуществление разнообразных транзакций с помощью разнообразных информационных технологий и проч. Именно электронное взаимодействие является основой электронного бизнеса (в том числе e-commerce), поэтому, в частности, подтверждением факта заключения договора сегодня признается не только обмен электронными письмами, но, например, и переписка в мессенджерах.

Изложенное позволяет настаивать на необходимости отказа от широкого (обыденного) понимания термина «виртуальная реальность» как обозначающего *все сферы, так или иначе связанные с Интернетом*. Думается, более правильно употреблять в этом контексте термин **«цифровая среда»**, которая включает «в себя информационные и коммуникационные технологии, в том числе Интернет, мобильные и связанные с ними технологии и устройства, а также цифровые сети, банки данных, контент и услуги»[8], о чем будет говорится во второй части настоящей статьи.

1.2. Понятие виртуального имущества в широком (обыденном) и узком (строгом) смысле

Обозначив некорректность слишком широкого (обыденного) понимания термина «виртуальная реальность», нужно подчеркнуть, что следование ему приводит в свою очередь к необоснованному расширению перечня объектов, составляющих виртуальное имущество (англ. *virtual property*). Так, если исходить из понимания виртуальной реальности как «всего, происходящего в Интернете», то к виртуальному имуществу будет относиться практически все, встречающееся в Интернете, в том числе и объекты, вовсе не имеющие имущественной ценности и к объектам гражданских прав никакого отношения не имеющие.

В то же время, если при определении содержания категории «виртуальное имущество» следовать узкому (строгому) пониманию виртуальной реальности – как электронного образа несуществующего мира, вовсе не имеющего места в реальности – то это на порядок сужает круг объектов, могущих составлять виртуальное имущество. В таком случае виртуальное имущество характеризуется тем, что **представляет ценность только в рамках конкретного несуществующего мира** («искусственной вселенной» / «синтетической реальности») и **вне этого мира имущественного значения не имеет и существовать не может**: например, при закрытии видеоигры ее разработчиком абсолютно все «имущество», имевшее хождение внутри данной игровой вселенной, попросту исчезает.

В таких условиях, в частности, доменные имена вряд ли получится рассматривать как объект несуществующего мира, поскольку *в техническом смысле доменное имя – это одно из средств адресации в сети Интернет*, что подтверждает и ГК РФ в статьях, упоминающих доменное имя наряду с иными средствами адресации в сети Интернет (см. подп. 5 п. 2 ст. 1484, подп. 4 п. 2 ст. 1519). При этом доменное имя в некоторых случаях

[8] Рекомендация Комитета министров Совета Европы государствам-членам № CM/ Rec (2018)7 «О соблюдении, защите и осуществлении прав детей в цифровой среде» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2018. № 12. С. 117.

может выступать средством идентификации для лиц, а также товаров / услуг[9]. То есть доменные имена вполне могут приобретать имущественную ценность и становится цифровым активом, о котором будет говориться далее.

Схожим образом криптовалюта и токены, которые иногда обозначают как «виртуальные активы»[10] (либо по отдельности – соответственно «виртуальная валюта» и «виртуальные токены»), явно не входят в число объектов, имеющих ценность исключительно в несуществующем мире. Напротив, криптовалюта и токены сегодня рассматриваются как действенные *финансовые инструменты*, приобретшие значимую имущественную ценность в мире реальном. И их цифровая форма не становится для этого препятствием. С учетом сказанного нет оснований относить их к виртуальному имуществу, равно как и использовать в отношении них прилагательное «виртуальные».

Причисляемые иногда к виртуальному имуществу аккаунты также сложно признать таковыми, поскольку *в техническом смысле они представляют собой учетную запись конкретного пользователя в системе информационного ресурса* (сайта, приложения, программы, сервиса)[11]. Аккаунты, отличающиеся значительным многообразием (аккаунты в социальных сетях, игровые аккаунты, аккаунты в электронной почте, аккаунты в платежных и операционных системах, аккаунты во всевозможных мобильных приложениях и онлайн-сервисах, аккаунты в системе государственных услуг и проч.), имеют существенные различия между собой. Но в любом случае сам аккаунт, представляющий собой часть программного обеспечения, у которого есть правообладатель, не может рассматриваться как имущество пользователя. В то же время хранящиеся в аккаунте информация о пользователе и пользовательский контент, которые подпадают под понятие «*профиль пользователя*», вполне могут включать в свой состав объекты, которые имеют имущественную ценность в реальном мире, например, авторские произведения в цифровой форме (объекты интеллектуальных прав). Вследствие этого вряд ли есть основания характеризовать аккаунт в качестве виртуального имущества. И, в частности, А.Ф. Пьянкова, отрицая идею признавать сам аккаунт самостоятельным объектом интеллектуальных прав (подчеркнув при этом, что право на контент, размещаемый в аккаунте, относится к сфере интеллектуальной собственности), делает вывод, что «аккаунт представляет собой совокупность обязательственных прав»[12].

Принципиально иную характеристику получает **игровое имущество**, в состав которого входят: внутриигровые деньги (игровая валюта), игровое оружие, экипировка и снаряжение персонажа игры (аватара), различного рода артефакты, продукты питания аватара, его лекарства и иные принадлежности, включая внешность персонажа, его одежду, дополнительные способности и характеристики аватара, необходимые в игре и проч. Именно это «имущество» приобретает ценность в рамках соответствующей игровой вселенной и утрачивает всякую значимость вне ее, поэтому с полным правом оно может быть отнесено к виртуальному имуществу. Более того, на сегодня понятие «виртуальное имущество» является, пожалуй, синонимом понятия «игровое имущество».

1.3. О правовой природе игрового имущества

Признавая **игровое имущество** виртуальным имуществом, надо принять и то, что оно является

[9] См. подробнее: *Рожкова М.А.* Права на доменное имя // Право в сфере Интернета: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. д.ю.н. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 195–223. (URL: https://rozhkova.com/pdf/CCTLD-1.pdf).

[10] Примечательно данное в 2018 г. Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (англ. *Financial Action Task Force* (FATF)) определение понятия «виртуальные активы». Их предлагалось понимать как «цифровое выражение ценности, которое может цифровым образом обращаться или переводиться и может быть использовано для целей осуществления платежей или инвестиций. Виртуальные активы не включают в себя цифровое выражение фиатных валют, ценных бумаг и других финансовых активов, регулируемых иными Рекомендациями ФАТФ» (URL: https://mgimo.ru/upload/2020/02/rekomendacii-fatf-fatf-po-regulirovaniyu-oborota-virtualnyh-aktivov-i-deyatelnosti-provajderov-uslug-v-sfere-virtualnyh-aktivov.pdf).

[11] Подробнее об этом см.: *Рожкова М.А.* Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав. М., 2024. С. 217-222 (URL: https://rozhkova.com/books_text/MY25.pdf).

[12] Объекты гражданских прав: юридические исследования в цифровую эпоху: коллективная монография. Вып. 20. / Рук. и науч. ред. д. ю. н. М. А. Рожкова. – М.: ГАУГН Пресс, 2025 (автор раздела «Аккаунт в социальной сети как объект гражданского права» – А.Ф. Пьянкова).

составной частью виртуальной вселенной, то есть **составляющей электронного образа несуществующего мира, вовсе не имеющего места в реальности**. Будучи неотъемлемой составляющей игрового мира, виртуальное имущество не должно получать квалификацию в качестве самостоятельного объекта, отдельного от этого несуществующего мира.

Между тем юристы, захваченные идеей максимально защитить права пользователей компьютерных игр, пошли на поводу у последних, начав рассматривать обозначенные части несуществующего мира как нечто автономное и… фактически реально существующее. Вследствие этого стали появляться различные подходы к пониманию правовой природы «виртуального имущества», сепарируемого от «породившей» его компьютерной игры.

Подобные воззрения сложно поддержать.

Так, нельзя согласиться с пониманием игрового имущества в качестве объектов интеллектуальных прав, объясняемое тем, что такое имущество есть только *код / элемент компьютерной программы* и не существует вне ее. При таком подходе игнорируется, что часть кода компьютерной программы, имеющей правообладателя, не может признаваться самостоятельным объектом интеллектуальной собственности, принадлежащим пользователям игры.

Однозначно не может быть поддержана и вещно-правовая концепция, встречающаяся в публикациях зарубежных авторов и предлагающая, по сути, *приравнивание игрового имущества к вещам*, что привело к пониманию возникающих по поводу этого «имущества» отношений как квази-вещных или собственно вещных. Такая концепция помимо прочего вступает в противоречие с положениями отечественного гражданского права, допускающими возникновение права собственности только на материальные предметы (вещи).

Нельзя согласится и с распространившейся идеей отнесения игрового имущества к «иному имуществу», упоминаемому в ст. 128 ГК РФ, в рамках которого это имущество предлагается понимать как *аналог реальных вещей*, которые имеют хождение в виртуальном мире. Следование этому подходу дает юристам повод утверждать, что «объекты игрового мира приобретают экономическую ценность, поскольку обладают игровой оборотоспособностью и могут быть переданы от одного пользователя другому по правилам игры или посредством передачи логина и пароля (при продаже аккаунта)»[13]. Нередко в подтверждение самоценности игрового имущества в публикациях указывается на значительную экономическую ценность подобного «имущества», которое «приобреталось за вполне реальные деньги»[14].

На мой взгляд, нет никаких оснований рассматривать игровое имущество в целом или составляющие его «предметы» в качестве самостоятельных объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Прежде всего это связано с тем, что, как указывалось выше, игровое имущество – это составляющая часть электронного образа несуществующего мира. Кроме того, игровое имущество предназначено только для *внутриигровых отношений* – отношений, которые подпадают под действие положений ст. 1062 ГК РФ, исключающих судебную защиту для требований граждан и юридических лиц, связанных с организацией игр или с участием в них[15]. К сказанному надо добавить, что физическая передача самих нематериальных предметов от одного реального лица к другому невозможна, вследствие чего утверждения об обороте внутриигровых предметов и их оборотоспособности будет верным только применитель-

[13] *Перепёлкина Я.А.* Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 3(29) (сентябрь). С. 45–59. См. также, например: Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы: коллективная монография / Под науч. ред. М.А. Рожковой, Р.Л. Лукьянова. М.: Развитие правовых систем, 2023. С. 11–120 (автор раздела «Правовое регулирование внутриигровых объектов и их оборота» – А.Ю. Чурилов) (URL: https://rozhkova.com/books_text/GAME-LAW.pdf).

[14] См., например: *Савельев А.И.* Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150.

[15] Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы: коллективная монография / Под науч. ред. М.А. Рожковой, Р.Л. Лукьянова. М.: Развитие правовых систем, 2023. С. 17–29 (автор раздела «Разновидности правоотношений, возникающих в связи с многопользовательскими онлайн-играми» – М.А. Рожкова).

но к внутриигровым отношениям (между аватарами).

Сказанное подтверждает *невозможность для игрового имущества становиться самостоятельным объектом гражданских прав*.

Приобретение игрового имущества (для целей игрового процесса) не является самостоятельной сделкой – это действие производится в рамках договора оказания информационных услуг, заключаемого пользователями компьютерных игр с администратором, предоставляющим пользователю доступ к игровому полю[16]. Иными словами, приобретение игрового имущества есть получение одной из разновидностей услуг, объясняемое тем, что «действия пользователя по приобретению «игрового имущества» имеют целью улучшение условий использования того или иного программного продукта и не могут существовать вне его»[17]. Соответственно, приобретаемые пользователем *внутриигровые предметы нужно рассматривать не в качестве аналога реальных вещей, а в контексте возникающих из договорного обязательства прав требования*.

Изложенное не позволяет поддержать содержащееся в проекте федерального закона № 795581-8 «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации»[18] (далее – законопроект о видеоиграх) определение игрового имущества, которое было предложено понимать как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в видеоигре, использующихся для обозначения имеющихся в видеоигре атрибутов и (или) виртуальных предметов, персонажей, их свойств, характеристик, или используемых в качестве внутриигровых средств обмена». Подобная дефиниция не позволяет достичь определенности в части юридической сущности такого «имущества», не делает это понятие сколь-нибудь ясным для правоприменителя, и, следовательно, ничуть не способствует разрешению возникающих правоприменительных проблем, только порождая новые.

Завершая первую часть настоящей работы, следует специально подчеркнуть: сформулированное в моей статье «Цифровые активы и виртуальное имущество…» указание, что виртуальное имущество следует относить к цифровым активам сохраняет свое значение только если виртуальное имущество понимается *в широком (обыденном) смысле*. Если исходить из *узкого (строгого) понимания* такого имущества, то сегодня речь может идти исключительно об **игровом имуществе, которое не может становиться самостоятельным объектом гражданских прав,** – в юридическом смысле здесь имеет место отношения в рамках договорного обязательства по оказанию информационных услуг.

2. Цифровой объект

В статье «Цифровые активы и виртуальное имущество…» отмечалось существование помимо имущества в классическом его понимании (вещи, ценные бумаги, интеллектуальная собственность и проч.) таких *объектов, которые в законодательстве большинства развитых стран прямо не упомянуты в качестве имущества, но обладают вполне определенной экономической ценностью*. Для обозначения такого рода объектов традиционно используется термин **«активы»** (экономические активы), который признается крайне многоаспектным. При этом, как показали дальнейшие исследования, не всякий цифровой объект становится экономически значимым цифровым активом.

2.1. О соотношении понятий «цифровой объект» и «цифровой актив»

А.Г. Шипикова признает, что в российских публикациях находят применение и понятие «цифровой объект», и понятие «цифровой актив», причем нередко (хотя и не всегда) они использу-

[16] Подробнее об этом см.: *Рожкова М.А.* О различиях между лицензионным договором и пользовательским соглашением [Электронный ресурс] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 4 (46) (декабрь). С. 121–133 (URL: https://ipcmagazine.ru/articles/1776591/).

[17] *Абдуллина Э.И.* Правовые аспекты создания и использования сложных объектов интеллектуальных прав в виртуальной реальности // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9.

[18] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8?ysclid=m7aijool11712679392

ются как совпадающие, синонимичные[19]. В то же время в зарубежной литературе, как подчеркивает автор, гораздо больше распространено понятие «цифровой актив», тогда как понятие «цифровой объект», под которым понимают «совокупность различного рода объектов, размещенных в сети Интернет (фото, видео, тексты, различного рода гипертекстовые, мультимедийные и интерактивные материалы и т.п.)»[20], употребляется значительно реже.

Обозначенный момент нуждается в прояснении.

Упоминаемая выше **цифровая среда** сегодня понимается как *сфера электронного взаимодействия субъектов права* – физических и юридических лиц в том числе с государством, которая кажется начинает преобладать перед непосредственным межличностным взаимодействием, осуществляемым без обращения к мессенджерам, онлайн-платформам, приложениям и сервисам, социальным сетям и проч. Электронное взаимодействие происходит посредством различных компьютерных устройств, в том числе мобильных, а его фундаментом выступает совокупность информационно-коммуникационных технологий, включая Интернет, и инфраструктуры, обеспечивающих обмен данными (информацией) в цифровом формате.

В процессе внедрения и применения современных технологий в рамках цифровой среды возникают и находят применение различные объекты, обозначаемые как **«цифровые объекты»** (англ. *digital object*). Причем такое наименование во многом объясняется форматом: все эти объекты существуют исключительно *в цифровой форме* – двоичном (бинарном) коде, состоящем из символов 0 и 1. Иная, нежели цифровая, форма не будет воспринята компьютером: машина, как известно, не может видеть, слышать и осязать в привычном для нас понимании – компьютер может извлекать, анализировать и иным образом обрабатывать информацию, только если исследуемый объект представлен и сохранен в двоичном коде[21].

Таким образом, *все объекты, имеющие хождение в цифровой среде*, представляют собой **цифровые объекты, которые существуют исключительно в форме двоичного (бинарного) кода**.

При этом заслуживает внимание замечание М.С. Аль-Бахри, отметившего, что цифровой объект – это объект, состоящий из структурированной последовательности бит, однако «человек воспринимает не сами биты, а их отображение с помощью программного обеспечения. Таким образом, чем больше в этом процессе задействуется сенсорный аппарат человека, тем субъективнее вопрос, что именно считать сущностью цифрового объекта»[22]. С учетом этого **представляется абсолютно излишним специальное указание на цифровую форму в легальных определениях цифровых объектов** – это ничуть не способствует прояснению юридической сущности последних. Таким же излишеством было бы каждый раз указывать в законодательных актах, что под вещами следует понимать материальные предметы.

Например, в ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» цифровая валюта определена как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средст-

[19] *Шипикова А. Г.* Подходы к определению цифрового объекта и цифрового актива // Цифровое право. 2024. № 2. (URL: https://www.digitallawjournal.org/jour/article/view/217/124).

[20] Там же.

[21] Здесь, вероятно, уместно замечание, касающееся соотношения терминов «электронный» и «цифровой», которые во многих случаях употребляются как взаимозаменяемые. Надо признать, что в техническом смысле термин «электронный» относится скорее к устройствам, обеспечивающим связь и передачу данных, тогда как «цифровой» – к представлению этих данных в двоичном коде. Однако для целей права эти нюансы не являются принципиальными, вследствие чего допустимыми видятся, в частности, и «электронные доказательства», и «цифровые устройства».

[22] Al-Bahri M.S. Development of Models and Methods for Identifying Devices and Applications of the Internet of Things Based on the Architecture of Digital Objects: diss. ... cand. of tech. sciences. SPb.: St. Petersburg State University of Telecommunications prof. M.A. Bonch-Bruevich, 2019 (цит. по работе: *Пучков В.О.* Цифровые объекты в цивилистической доктрине: quo vadis // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4(135). С. 72).

ва платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам». Указание здесь на то, что цифровая валюта есть «*совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе*» ничуть не упрощает для правоприменителя уяснение сущности этого объекта. Данная фраза, фактически скопированная в упоминавшийся законопроект о видеоиграх, точно так же не способствует прояснению для целей права, что собой представляет виртуальное имущество.

В целях настоящей статьи важно заметить, что цифровые объекты возникают различными способами.

Так, многие **цифровые объекты появляются в результате изменения формы традиционных объектов гражданских прав** – объектов, которые уже обрели «свое» законодательное регулирование.

Очень четко это прослеживается на примере результатов интеллектуальной деятельности, которые сегодня, вероятно, составляют основной костяк цифровых объектов. Так, литературное или художественное произведение, созданное в классическом варианте – на бумажном носителе в виде рукописи или рисунка, может быть оцифровано, обретя в итоге цифровую форму. Авторские произведения могут и сразу возникать в цифровом формате, как, например, объекты цифрового искусства (англ. *digital art*), создаваемые с помощью соответствующих технологий.

Примечательно, что в обоих обозначенных случаях цифровые объекты сохраняют свое значение объектов интеллектуальной собственности. То есть в данном случае новый объект по факту не возникает – имеет место появление только новой (цифровой) формы традиционного объекта, что, впрочем, не препятствует оценке этого объекта как цифрового.

Еще один вариант **возникновения цифрового объекта – получение техническим средством, используемым в цифровой среде, иного предназначения, нежели изначальное,** что позволяет усматривать за этим цифровым объектом самостоятельное имущественное значение.

Это, в частности, произошло с доменными именами, которые, будучи *средством адресации в сети Интернет*, о чем говорилось ранее, в некоторых случаях вполне способны становится *средством идентификации для лиц, а также товаров / услуг* (причем надо различать: для всякого *сайта* доменное имя является средством адресации, а для лиц, товаров / услуг – может становиться средством идентификации[23]).

Подобная участь постигла и криптовалюты, которые изначально были предназначены для *обеспечения безопасности и подлинности транзакций* в рамках технологии распределенного реестра (блокчейна). В связи с этим Д.Н. Мариничев подчеркивал, что криптовалюты призваны создавать среду доверия, а их основными потребителями должны быть машины – «криптовалюты людям в обычной жизни не нужны»[24]. Между тем сегодня «деньги машин» безоговорочно признаются ценным экономическим активом именно для людей.

Возникающие подобным образом цифровые объекты – объекты, чье появление обусловлено широким внедрением цифровых технологий и все большим влиянием на повседневную жизнь цифровой среды – представляют собой принципиально новые явления, разработка правового режима для которых вызывает массу вопросов ввиду недостаточно четкого понимания их сущности

[23] См. подробнее: *Рожкова М.А.* Доменное имя – это объект гражданских прав? / Is a domain name an object of civil rights? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2022. 1 марта. (URL: https://zakon.ru/blog/2022/03/01/domennoe_imya__eto_obekt_grazhdanskih_prav__is_a_domain_name_an_object_of_civil_rights).

[24] Интернет-омбудсмен: майнинг не нужен обычным людям. 31 января 2018 г. // URL: https://www.pnp.ru/economics/internet-ombudsmen-mayning-ne-nuzhen-obychnym-lyudyam.html

и вытекающих отсюда сложностей с юридической квалификацией.

Примечательно еще и то, что *не всякий цифровой объект способен стать цифровым активом* (англ. *digital asset*), *требующим установления специального (нового) правового режима* – для этого *цифровой объект должен обладать действительной экономической значимостью*. Иными словами, **для признания цифровым активом** недостаточно цифровой формы: у цифрового объекта должна наличествовать самостоятельная **имущественная ценность** (реальная или потенциальная) или у лица – присутствовать **имущественный интерес** в отношении такого объекта. Существо последнего замечания раскрывается через разъяснение Е.В. Пассека, указывавшего на равнозначность этих понятий: «Под первой должна быть понимаема способность имущественного объекта быть выраженным в известной денежной сумме, под вторым – то значение, которое обладанию этой денежной суммой придается. Так как, однако, такое значение измеряется согласно сказанному выше исключительно величиной этой суммы и тою же величиной измеряется самая ценность объекта, то при данных условиях понятия ценности и интереса, очевидно, совпадают»[25].

Резюмируя, следует признать, что к числу **цифровых объектов** следует относить всевозможные объекты, вращающиеся в цифровой среде: это могут быть, во-первых, признаваемые законом объекты гражданских прав, облаченные в новую для них цифровую форму, и, во-вторых, разнообразные технические средства, нашедшие применение в цифровой среде. В качестве **цифровых активов** могут быть квалифицированы вторые, если они получили дополнительное к первоначальному самостоятельное назначение и допускают денежную оценку (невозможность денежной оценки цифрового объекта исключает для него возможность становиться цифровым активом).

2.2. Сложности разработки правового режима цифровых объектов

Исходя из распространенного в среде юристов понимания правового режима как целостной системы регулятивного воздействия, можно обозначить ряд проблемных вопросов, которые обнаруживают себя при разработке такого режима для цифровых объектов.

Прежде всего надо подчеркнуть, что подготовке законодательных новаций, касающихся любых цифровых объектов, должно предшествовать определение юридической сущности объекта правовых отношений: относится ли он к числу *получивших новую (цифровую) форму объектов гражданских прав* или является *новым для гражданского права явлением*, нуждающимся в разработке специального правового режима (цифровым активом).

Первые, как правило, в целом уже обеспечены соответствующим их природе правовым режимом, который, возможно, нуждается лишь в точечных изменениях / дополнениях ввиду появления цифровой формы у привычного (классического) объекта гражданских прав.

В качестве примера здесь можно вспомнить длительный и тернистый путь законопроекта о цифровом рубле, правовая природа которого долгое время вызывала бурные споры. Только признание того факта, что *национальная криптовалюта* представляет собой национальную валюту *в форме безналичных денежных средств,* отличием которой от уже существующей формы является использование технологии блокчейн (для хранения этих денежных средств и осуществления платежей), о чем я писала еще в 2019 г.[26], позволило отечественному законодателю определиться с порядком нормативного регулирования цифрового рубля. Принятый по итогу так называемый «Закон о цифровом рубле» (Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») не вводит новый правовой ре-

[25] *Пассек Е.В.* Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. М.: Статут, 2003. (серия «Классика российской цивилистики»).

[26] *Рожкова М.А.* Цифровые деньги: мобильная фиатная валюта, валюта виртуальных миров, валюта корпоративного значения, криптовалюта и национальная криптовалюта [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2019. 7 октября. (URL: https://zakon.ru/blog/2019/10/07/cifrovye_dengi_mobilnaya_fiatnaya_valyuta_valyuta_virtualnyh_mirov_valyuta_korporativnogo_znacheniya).

жим для нового цифрового объекта, а устанавливает порядок внедрения дополнительной формы российской национальной валюты.

Значительно менее удачной стала попытка ввести в отечественное законодательство категории *токена*. В цифровой среде (в области применения технологии распределенного реестра) токен нашел применение в различных качествах: и как средство платежа, и как средство инвестирования, и как награда, и проч.[27] Причем в качестве средства инвестирования токен имеет настолько явное сущностное сходство с бездокументарными ценными бумагами, что в ряде государств было принято решение распространять на такого рода токены положения законодательства о ценных бумагах. Российский законодатель проигнорировал эту очевидную схожесть, в результате чего в гражданское законодательство было включено «отвечающее традициям российского права понятие «цифровое право»»[28], содержание которого к моменту принятия закона оказалось выхолощенным, а включение его в ГК РФ – лишенным смысла[29].

Надо признать, что правовая регламентация отношений по поводу возникающих новых объектов – цифровых активов – еще более затруднена ввиду того, что они отличаются специфическими свойствами, препятствующими и определению юридической сущности этих объектов, и распространению на них положений действующего законодательства по аналогии. Нечеткость при определении правовой природы становится сложно преодолимым препятствием для разработки адекватного правового режима. И ярким примером этого является, безусловно, *криптовалюта*, законодательные новации в сфере которой подвержены колебаниям, не меньшим, нежели волатильность самой криптовалюты.

Резюмируя, надо подчеркнуть невозможность создания правового режима, **единого** для всех цифровых объектов. И представляется абсолютно негодной предложенная в литературе идея распространить на все цифровые объекты единый правовой режим результатов интеллектуальной деятельности[30].

Вместе с тем нельзя не видеть в цифровых объектах некоторых общих черт, обусловленных прежде всего *цифровой формой* этих объектов, которая, как и вообще всякая нематериальная форма, исключает, в частности, возможность совершения сделок с самими этими объектами – объектом сделок могут быть только *права на цифровые объекты*. Нельзя не учитывать и то, что не всякий цифровой объект может становиться объектом субъективных гражданских прав – он должен *приобрести самостоятельное значение и подлежать денежной оценке*.

Кроме того, при разработке правового режима должна учитываться и возможность для цифрового объекта быть *идентифицированным*, выделяться из аналогичных объектов индивидуальными признаками, что в свою очередь предопределяет возможность возникновения на такой объект имущественных прав, носящих абсолютный характер[31]. В частности, NFT (англ. *Non Fungible Token* – невзаимозаменяемый токен), который характеризуется как уникальный токен, вполне допускает возникновение на него имущественных прав абсолютного характера, тогда как прочие – взаимозаменяемые – токены предполагает возникновение относительных (обязательственных) правоотношений.

[27] *Рожкова М.А.* NFT и иные токены: право на запись и право из записи [Электронный ресурс] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 4 (38) (декабрь). С. 29–39 (URL: http://ipcmagazine.ru/articles/1729272/).

[28] Из пояснительной записки к законопроекту № 424632-7, ставшему впоследствии Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», которым в ГК РФ и были введены цифровые права (URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7).

[29] Подробнее об этом см.: *Рожкова М.А.* Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав. М., 2024. С. 72–84 (URL: https://rozhkova.com/books_text/MY25.pdf); *Рожкова М.А.* Цифровые права (digital rights) – что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2020. 17 августа. (URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_digital_rights__chto_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni_v_grazhdanskom_kodekse).

[30] *Пучков В.О.* Цифровые объекты в цивилистической доктрине: quo vadis // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4(135). С. 78.

[31] См. об этом подробнее: *Рожкова М.А.* Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав. М., 2024. С. 72–84 (URL: https://rozhkova.com/books_text/MY25.pdf).

Подводя итоги, можно заключить, что под понятие «цифровой объект» могут подпадать разнообразные объекты, имеющие цифровую форму, которые далеко не всегда нуждаются во включении их в число объектов гражданских прав. Разработка эффективного правового режима цифрового объекта возможна только при условии точного установления сущности этого явления с точки зрения права, а не его технических характеристик.

Список литературы:

1. *Абдуллина Э.И.* Правовые аспекты создания и использования сложных объектов интеллектуальных прав в виртуальной реальности // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9
2. Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы: коллективная монография / под науч. ред. М.А. Рожковой, Р.Л. Лукьянова. М.: Развитие правовых систем, 2023. (серия «IP & Digital Law») (URL: https://rozhkova.com/books_text/GAME-LAW.pdf).
3. Объекты гражданских прав: юридические исследования в цифровую эпоху: коллективная монография. Вып. 20. / рук. и науч. ред. д. ю. н. М.А. Рожкова. – М.: ГАУГН Пресс, 2025.
4. *Пассек Е.В.* Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. М.: Статут, 2003. (серия «Классика российской цивилистики»).
5. *Перепёлкина Я.А.* Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 3(29) (сентябрь). С. 45–59.
6. *Пучков В.О.* Цифровые объекты в цивилистической доктрине: quo vadis // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135).
7. *Рожкова М.А.* Доменное имя – это объект гражданских прав? / Is a domain name an object of civil rights? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2022. 1 марта. (URL: https://zakon.ru/blog/2022/03/01/domennoe_imya__eto_obekt_grazhdanskih_prav__is_a_domain_name_an_object_of_civil_rights)
8. *Рожкова М.А.* Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав: монография. М.: ГАУГН Пресс, 2024. (серия «IP & Digital Law») // URL: https://rozhkova.com/books_text/MY25.pdf.
9. *Рожкова М.А.* Права на доменное имя // Право в сфере Интернета: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. д.ю.н. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 195–223. (URL: https://rozhkova.com/pdf/CCTLD-1.pdf).
10. *Рожкова М.А.* О различиях между лицензионным договором и пользовательским соглашением [Электронный ресурс] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 4 (46) (декабрь). С. 121–133 (URL: https://ipcmagazine.ru/articles/1776591/)
11. *Рожкова М.А.* Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 13 июня. (URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym).
12. *Рожкова М.А.* Цифровые деньги: мобильная фиатная валюта, валюта виртуальных миров, валюта корпоративного значения, криптовалюта и национальная криптовалюта [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2019. 7 октября. (URL: https://zakon.ru/blog/2019/10/07/cifrovye_dengi_mobilnaya_fiatnaya_valyuta_valyuta_virtualnyh_mirov_valyuta_korporativnogo_znacheniya)
13. *Рожкова М.А.* Цифровые права (digital rights) – что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2020. 17 августа. (URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_digital_rights__chto_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni_v_grazhdanskom_kodekse)
14. *Савельев А.И.* Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150.
15. *Шипикова А.Г.* Подходы к определению цифрового объекта и цифрового актива // Цифровое право. 2024. № 2. URL: https://www.digitallawjournal.org/jour/article/view/217/124

Interview with the President of the Intellectual Property Court G.Y. Danilov to the Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam

Reviews of the practice of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation on cases related to the protection of intellectual rights for the period from 01.07.2023 to 31.12.2024

Rozhkova, Marina Alexandrovna
Holder of a Higher Doctorate in Law
Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Faculty of Law of the State Academic University for the Humanities, Professor of the Russian State Academy of Intellectual Property, IP CLUB President
Alymova, Ekaterina Vladimirovna
Coordination Center for TLD.RU
Labzin, Maxim V.
INTELLECT Law Firm
Nikiforov, Artem Alexandrovich
Master of Private Law
Moscow School for the Social and Economic Sciences, Yandex
Complex Intellectual Property Objects: General Part
The first part of this collective article examines the legal nature of complex intellectual property objects, their defining characteristics, regulatory framework, and the distribution of rights among stakeholders. The authors provide a detailed analysis of the key features of complex IP objects, as recognized in legal doctrine and judicial practice. The article further explores the evolution of legislative recognition of such objects in Russian law.
Special attention is given to ongoing debates regarding the need to introduce an open-ended list of complex IP objects, which would enable greater adaptability of the legal framework to evolving technological and creative realities. The article advocates for the further refinement of Article 1240 of the Civil Code of the Russian Federation, including the codification of a legal definition for complex IP objects and the clarification of mechanisms for rights consolidation.
Additionally, the article examines alternative regulatory approaches in foreign legal systems, highlighting key differences and potential areas for adaptation to enhance the modernization of Russia's intellectual property framework.
Keywords: complex intellectual property object, composite works, intellectual property, copyright, results of intellectual activity, rightsholder

Vasileva, Anastasiia Sergeevna
Postgraduate student. St. Petersburg State University of Economics
The impact of artificial intelligence on personal non-property rights within intellectual property rights and its protection
This article is devoted to the problem of the influence of artificial intelligence on personal non-property rights as a part of intellectual rights and its protection. The subject of the study is Russian regulatory legal acts, doctrinal provisions of Russian and foreign scientists on the issue of artificial intelligence, and personal non-property rights of authors. The purpose of the work is to form a scientific understanding of the influence of artificial intelligence on personal non-property rights as a part of intellectual rights and its protection. In the process of writing the work, such methods as the method of unity and differentiation, the method of legal modeling, analysis, synthesis, and abstraction are used. Based on the analysis, a conclusion is made that the author of the work created using artificial intelligence can be a user, developer, or the technology itself. The protection of personal non-property rights of human authors can be carried out using technical means. In turn, artificial intelligence can be used to search for unauthorized use of creative works by human authors.
Keywords: artificial intelligence; personal non-property rights; author; copyright holder; artificial intelligence training

Osokin, Alexander Vladislavovich
Postgraduate student of Business Law Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University
Central Bank of the Russian Federation
The impact of artificial intelligence on the development of legal protection of databases in the modern world
The purpose of this article is to determine the appropriate legal regime of protection of a database created with the use of artificial intelligence, taking into account foreign experience, to identify the problems of legal regimes of protection of works created with the help of artificial intelligence, as well as to determine their impact on the legal protection of such databases. The article analyses the main ways of protection of AI databases (copyright protection, sui generis right to databases, patent protection, other ways of protection (trade secrets, contracts, antitrust remedies, technical solutions); the author proposes to consider the expediency of introducing a special regime of protection of databases created with the use of artificial intelligence). The author comes to the conclusion that it is premature to extend intellectual legal protection to the results of the functioning of artificial intelligence, as well as argues that there is no need to develop a special legal regime of protection of the results of the functioning of artificial intelligence. At the same time, the author notes that the most appropriate way to protect databases created with the help of artificial intelligence is the use of other means of protection (trade secrets, contracts, antitrust remedies, technical solutions), which do not imply public-law interference and can be used in conjunction with technical means of protection.
Keywords: database; artificial intelligence; copyright protection; sui generis right; patent protection; trade secret; antitrust defence

Senchikhina, Lyubov Anatolievna
Federal Institute of Industrial Property

On some legal consequences of filing an application for an invention

The article is devoted to the consideration of legal and procedural issues related to filing a patent application for an invention or utility model. The article presents the results of the analysis of the norms of Russian legislation regulating the procedure for establishing the date of filing an application. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive consideration of the fact of filing an application taking into account the norms of current international treaties, the procedure for formal examination of the application, the procedure for providing the applicant with a certified copy of the filled application, as well as the established procedure for foreign patenting of inventions created in the territory of the Russian Federation. The author identified shortcomings in the wording of the norms of Russian legislation and proposed directions for their elimination.

Keywords: intellectual property; invention; utility model; filing an application; date of filing; priority document; certified copy of the earlier application; National Security Information

Korneev, Vladimir Alexandrovich
PhD, Professor of The Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev

The need to protect public interests, principles of humanity and morality is not an «elastic» basis for refusing to grant legal protection to trademarks

The article is about the contradiction of public interests, principles of humanity and morality as an absolute basis for refusing to grant legal protection to trademarks. This apparently very broad basis is compared with a similarly broad norm of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation and a conclusion is made about the need for a restrictive interpretation of cases when registration of trademarks is not allowed. The article attempts to determine the boundaries of the application of the provisions of subparagraph 2 of paragraph 2 of Article 1483 of the Civil Code of the Russian Federation, taking into account the approaches identified in the Russian, European, English, and American legal systems.

Keywords: trademark, bona fides, public interests, principles of humanity and morality

Radetskaya, Maria Vladimirovna
Ph.D. in law
The Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev, Consultant of the Intellectual Rights Legislation Department
Turkina, Anastasia Evgenievna
master of private law
The Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev, Consultant of the Intellectual Rights Legislation Department

Law enforcement practice on the protection of geographical indications and appellations of origin: analysis of problems and possible solutions (part 2)

In this article the authors attempt to identify the most frequent problems arising in the application by the courts and the patent office of the norms of § 3 of Chapter 76 of the Civil Code of the Russian Federation on appellations of origin and geographical indications. The reasons for the emergence of the considered disputes, allowing to divide the disputes into thematic groups, were: 1) actions of business entities restricting competition with the use of means of individualization; 2) correlation of trademarks with appellations of origin and geographical indications; 3) content of violation of exclusive rights to means of individualization; 4) correlation of appellations of origin and geographical indications and GOSTs; 5) compliance of goods with the State Register of Geographical Indications and Appellations of Origin of Goods; 6) recovery (and reduction) of compensation requested by the right holder of appellations of origin and geographical indications. The review and analysis of law enforcement practice on the issues of restriction of competition in the field of appellations of origin and geographical indications, as well as the issues of correlation of trademarks with appellations of origin and geographical indications are given in part one of this article. The practice on other issues is discussed in part two of this article.

Keywords: geographical indications; appellations of origin of goods; trade mark; abuse of right; restriction of competition; compensation; counterfeit goods; infringement of exclusive right

Titov, Ilya Evgenievich
Academic degree: Master of Laws (LL.M.)
International law firm ADVANT Beiten (Beiten Burkhardt Rechtsanwaltsgesellschaft mbH)

Liability of Marketplaces for Infringements of Exclusive Rights to Trademarks in Russia and Germany

The specifics of imposing civil law liability on marketplace operators and exempting them from such liability for infringements of the exclusive rights of rights holders to trademarks are considered in this article. The author differentiates liability depending on whether a good is being offered for sale in the name of the actual marketplace, whether the marketplace is operating further to the order or assignment of a third party or whether the marketplace provides an opportunity to sell the good to a third party. As there is no definition of the term "marketplace" in Russian legislation, the author reviews the national legislation and law enforcement practice of another country which applies Romano-Germanic law – Germany, as well as the law of the European Union which uses respective regulation, and contrasts the legal approaches in Russia and other countries through the comparative law method. The author substantiates the need for marketplace operators to prevent infringements of the exclusive rights of rights holders and, after the first filing of a claim by the rights holder, the

need for marketplace operators to verify whether the exclusive right to the trademarks that were used to mark the goods being offered for sale have been exhausted, and the need to establish in legislation a two-week period for the handling of the claim of a rights holder by the marketplace operator, the need to duly consider the provisions of contracts between marketplace operators, sellers and consumers on a case-by-case basis.

Keywords: marketplace; parallel imports; exhaustion of the exclusive right to a trademark; counterfeit; digital platform; Germany; information intermediary; Intellectual Property Court; marketplace operator

Kolzdorf, Maria Aleksandrovna
LLM, Lecturer at the National Research University Higher School of Economics
Kapyrina, Natalia Igorevna
PhD, MGIMO University
Aristova, Yana Aleksandrovna
the leading consultant of the Department of generalization of judicial practice and statistics of the Court of Intellectual Rights

Review of key issues in IPC Presidium's ruling № 2/2025 (January - March 2025)

This comment reviews key positions in the rulings of the Presidium of the Russian Intellectual Property Court (IPC) issued in January – March 2025. This Chamber hears cassation appeals against the decisions of the IPC first instance and deals primarily, but not only, with matters of registration and validity of industrial property rights. Therefore, this review predominantly covers substantive requirements for patent and trademark protection, as well as procedural issues both in the administrative adjudicating mechanism at the Patent office (Rospatent) and at the IPC itself. The current review encompasses a variety of topics related to trademark and patent law.

Keywords: intellectual property, trademarks, validity, cancellation for lack of use, patents

Kosov, Aleksandr Igorevich
Postgraduate student of the Department of Civil Law of the O.E. Kutafin Moscow State Law Academy

Recourse obligations of joint and several infringers of an exclusive right

The peculiarities of recourse obligations arising between several infringers of the exclusive right, taking into account the regime of liability in the area of intellectual property, have been analysed. The differences in the grounds for the emergence of the right of recourse and its functional direction between separate infringers and infringers acting jointly have been revealed. The correlation between the approach to determining the number of infringements of the exclusive right and the procedure for realisation of recourse claims is established.

On the example of the analysis of the draft federal law № 348960-8 the problems of reforming the rules on the liability of several infringers of the exclusive right related to the choice of the determining criterion are outlined. It is revealed that it is difficult to identify a single economic interest of the right holder in relation to unlawful actions of several persons. The expansion of the scope of joint and several liability beyond the actions of infringers in relation to a single counterfeit product by assessing their involvement in the formation of the amount of money to be compensated to the right holder is justified.

Keywords: recourse; recourse obligations; joint and several liability; exclusive rights; intellectual property object; compensation; intellectual property right

Oganesyan, Avak Napoleonovich
Candidate of Law
Associate Professor of the Department of Intellectual Property Rights in Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Review of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 57-P dated 12.14.2023 and the practices for applying the explanations contained therein

Compensation for violation of the exclusive right to an object of intellectual property rights is the most popular measure of liability among copyright holders and is often used in judicial practice. Compensation can be applied without taking into account the guilt of the offender, if the violation was committed by him while carrying out business activities. Unlike other liability measures, in particular, from compensation for harm, compensation is subject to recovery upon proving the fact of an offense without the need to prove the amount of damage caused. This determines the need for a clear regulation of the conditions and grounds, in the presence of which it is possible to reduce the amount of compensation in order to ensure a balance between the interests of the copyright holder and the violator.

The versatility and variability of relations in the sphere of civil turnover and in the sphere of the use of objects of intellectual rights, in particular, makes it inevitable that the highest judicial authorities should clarify the legal provisions governing the relevant spheres of activity of the company.

The analysis of the resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 57-P dated 14.12.2023 was carried out in order to determine the criteria, in the presence of which it is possible to reduce the amount of compensation in case of its recovery for violation of the exclusive right to a trademark in two times the value of counterfeit goods, if earlier, at the request of another rightholder, compensation was collected from the infringer for placement on the same counterfeit goods of a confusingly similar trademark and also an analysis of judicial practice in applying the clarifications contained in the said resolution was conducted.

Keywords: intellectual property rights; trademark; protection of intellectual property rights; recovery of compensation; reduction of compensation

Tettsoeva, Zalina Vitalieva
Lawyer
Epifanov, Vadim Vladimirovich
Lawyer in private practice
Competition works by the winners of the XX All-Russian Professional Competition «Legal Russia» in the nomination «Intellectual Property Law»
The presented material provides detailed answers to the tasks of the main round of the Legal Russia competition in the category «Intellectual Property Law».

Rozhkova, Marina Alexandrovna
Holder of a Higher Doctorate in Law
Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Faculty of Law of the State Academic University for the Humanities, Professor of the Russian State Academy of Intellectual Property, IP CLUB President
Problems of establishing an independent legal regime for digital objects
In the article, the author comes to the conclusion that digital objects should include all kinds of objects rotating in the digital environment: firstly, these can be objects of civil rights recognized by law, clothed in a new digital form for them, and, secondly, various technical means that have found application in the digital environment. The latter can be qualified as digital assets if they have received an independent purpose in addition to the original one and allow monetary valuation. At the same time, the development of an effective legal regime for a digital object is possible only if the essence of this phenomenon is accurately established from the point of view of law, and not its technical characteristics.
Keywords: digital object, digital asset, virtual reality, virtual property, legal regime